

ВОСПОМИНАНІЯ

Ф. Ф. ВИГЕЛЯ.

ВОСПОМИНАНІЯ

Ф. Ф. ВИТЕЛЯ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи.

(КАТКОВЪ и К^о.)

1864.

Дозволено цензурой въ Москвѣ, 2-го ноября 1864 года.

I.

Ужаснѣйшую и славнѣйшую эпоху нашего времени приходится мнѣ описывать. Но прежде нежели приступлю къ исполненію обязанности, которую, не спросясь моихъ читателей, возложилъ я на себя, будто для ихъ пользы и удовольствія, постараюсь на-время потерять ихъ изъ виду; равномерно и ихъ охотно разрѣшаю отъ скуки читать сію первую главу. Я буду писать ее единственно для внуковъ и правнуковъ, братьевъ и сестеръ моихъ; имъ посвящаю ее и въ ней изображу послѣднія минуты примѣрной жизни того необыкновеннаго человѣка, происхожденіемъ отъ котораго имѣеть право гордиться тотъ изъ нихъ, который будетъ сколько-нибудь достоинъ называться его потомкомъ.

Я пріѣхалъ въ опустѣлый безъ него домъ. Онъ мнѣ показался трупомъ, отъ котораго отлетѣла душа, хотя унылая, обезсиленная, но дотолѣ все-таки его оживлявшая. Въ избыткѣ горести, моя мать казалась даже нечувствительною къ пріѣзду любимаго сына. Выраженіе этой горести могло бы казаться преувеличеннымъ, неестественнымъ только тѣмъ, которые не знали безпредѣльной ея любви къ покойному мужу; въ Пензѣ же никто не позволялъ себѣ осуждать ее, всѣ изъявляли участіе и сожалѣніе; даже дивились какъ она могла пережить свое несчастіе. Я нашелъ, что занавѣски у кровати матери моей, равно какъ и у окошекъ ея комнаты, были черныя, опущенныя; того же цвѣта были одѣяло и чехлы на креслахъ: этотъ усиленный трауръ, этотъ мракъ, которымъ она окружала себя, всѣ знаки глубокой скорби ея, одни были для нея усладительны.

Она лежала неподвижна, безсловесна. Врачи опасались, что продолженіе такого состоянія будетъ имѣть самыя вредныя послѣдствія вообще для здоровья ея и особенно для разсудка. И для того, чтобы выводить ее изъ сего онемѣнія, одеревенѣнія, прибѣгали къ средству сильному, къ припоминанію причины ея горести. Успѣхъ бывалъ ужасенъ; нечеловѣческой, страшный, тяжкій стоиъ, раздирающій душу присутствующихъ, начиналъ выходить изъ глубины ея груди. Одному только простодушному, святому старцу, епископу Аѳанасію, самому удрученному болѣзнями, удавалось врачевать ея душу. Его сердце было исполнено челоуѣколюбія, а уста нѣжныхъ, утѣшительныхъ словесъ: о предчувствуемомъ небѣ умѣлъ говорить онъ какъ о знакомомъ почти мѣстѣ. Слушая его, она тихо проливая потоки слезъ и чувствовала на время облегченіе сердечной скорби своей.

Такъ продолжалось около двухъ мѣсяцевъ. Наконецъ небо послало ей нѣкоторую твердость, и она начертала себѣ новый образъ жизни, которому слѣдовала до конца ея. Ровно двадцать лѣтъ осуждена была она влачить свое вдовство, и ничто не измѣнилось въ принятомъ ею порядкѣ. Она всегда носила черное платье, только по большимъ праздникамъ надевала бѣлое; прежде любила она играть иногда въ вистъ; на карты наложено запрещеніе въ домѣ ея; не только въ какія-нибудь собранія, ни даже запросто ни къ кому она не ѣздила, посѣщала одни Божіи храмы, да навѣщала больныхъ и скорбныхъ. Однимъ словомъ, безъ постриженія, вела всегда иноческую жизнь. О печали, которая никогда ее не покидала, никому не говорила; за то трудно было дожидаться улыбки на лицѣ ея, прежде всегда веселомъ, довольномъ.

Возвратясь изъ Петербурга, какъ мнѣ разказывали, покойный отецъ мой нѣсколько было ожилъ. Онъ принялся опять за любимую страсть свою, продолжалъ отдѣлывать вновь имъ выстроенную каменную церковь въ селѣ Лебедевкѣ и доканчивать новый, большой деревянный домъ въ селѣ Симбухинѣ, который началъ возводить онъ, не имѣя средствъ отдѣлать другой каменный трехэтажный домъ, тутъ же давно имъ построенный. Къ этому примѣшалась еще другая страсть. Въ первой части сихъ записокъ, говорилъ уже я о привязанности его къ меньшей дочери, которую любилъ онъ

паче всѣхъ другихъ дѣтей своихъ: онъ не видѣлъ въ ней никакихъ несовершенствъ, хотя, къ сожалѣнiю, они были. Ее призвалъ онъ на совѣтъ, при составленiи плана новаго строенiя: она не имѣла понятiя объ архитектурѣ и такъ, шутя, наобумъ стала проводить линiи карандашомъ. Этотъ странный чертежъ рѣшился онъ привести въ исполненiе, тѣшась мыслию, что онъ творенiе милой дочери. Къ счастью, вышло что-то совсѣмъ необыкновенное, но не совсѣмъ дурное. Разумѣется, что и во внутреннемъ не богатомъ убранствѣ слѣдовали ея же вкусу. Наконецъ, домъ поспѣлъ, и 14 ноября, день именинъ его, жители Пензы за 13 верстъ во множествѣ прiѣхали праздновать съ нимъ новоселье. Веселились, пили, ѣли, танцовали, и звуки музыки тутъ послѣднiй разъ раздавались въ домѣ нашемъ.

Конечно эти строенiя *разстраивали* все болѣе и болѣе семейное состоянiе, но какъ они были послѣднею, единственною его утѣхой, то бѣдная, бережливая мать моя, не хотѣла, показывая ему истину, отговаривать его отъ сихъ непомѣрныхъ издержекъ. Когда домъ былъ совсѣмъ оконченъ и прекратились его занятiя, онъ опять началъ впадать въ унынiе и тоску: это было совершенно состоянiе больнаго дитяти, котораго можно развлекать только игрушками. Къ Рождеству уговорили его переѣхать въ городъ; почтительное состраданiе вкралось въ сердца прежнихъ враговъ его, всѣ оказывали ему знаки непритворнаго уваженiя; ко всему оставался онъ невнимателенъ, равнодушенъ.

Вдругъ 25 января захворалъ онъ сильною простудой, пересталъ выѣзжать изъ дому, однакоже не слегъ. Отмѣнно досадно казалось ему, что онъ не можетъ быть на какомъ-то пирѣ, на какомъ-то балѣ, который дворянство, не знаю по какому случаю, хотѣло дать въ Благородномъ Собранiи своемъ, и тамъ полюбоваться пляскою дочери. Часу въ двѣнадцатомъ вечера, 27 числа, когда всѣ улеглись, кромѣ его, но еще не спали, побрелъ онъ въ комнату дочерей, присѣлъ на кровать меньшей и велѣлъ подать новое бальное платье, въ которомъ она должна была явиться на помянутомъ пирѣ. Посмотрѣлъ на него грустно, потомъ всталъ и, прощаясь съ необыкновенною нѣжностью, поцѣловалъ обѣихъ дочерей. Среди ночи, часу въ четвертомъ, мать моя была пробуждена какимъ-то страннымъ шорохомъ, и при свѣтѣ лампы, пе-

редь образомъ зажженной, увидѣла его какъ тѣнь бродящаго по комнатѣ. Онъ сказалъ, что чувствуетъ сильное круженіе головы, приливъ къ ней крови и надѣется, что ходьбою оно пройдетъ. Потомъ, уставши, прилежъ на диванъ, и минутъ черезъ десять страшно захрипѣлъ. Его не стало.

Съ крикомъ бросилась къ нему испуганная супруга. Мнѣ же чѣмъ черезъ четверть часа весь домъ былъ на ногахъ и гонды верхомъ посланы за священникомъ и врачомъ. Они явились; къ счастью, мать моя находилась въ совершенномъ безпамятствѣ и это брату моему дало возможность сказать ей простительную, въ этомъ случаѣ, ложь, будто въ это время покойный на нѣсколько минутъ открылъ глаза и успѣлъ причаститься святыхъ таинъ. Съ ея набожностію, безъ этого успокоительнаго обмана, она бы промучилась всю жизнь. Черезъ три дня, жители Пензы, въ томъ числѣ множество простаго народа, 13 верстъ провожали тѣло бывшего начальника губерніи, до села Симбухина, гдѣ недавно праздновалъ онъ временное новоселье, а этотъ разъ поселялся на вѣчное. Тамъ, въ имѣ же построенной каменной церкви сего помѣстья, которое отъ первой супруги по наслѣдству ему досталось и носить ея фамильное имя, лежитъ онъ подобно графу Глейхену, близъ нея и рядомъ со второю супругою своею.

Не одна тяжкая печаль ожидала меня въ Пензѣ, но и заботы дотолѣ мнѣ вовсе не знакомыя. Все имѣніе, состоявшее не съ большимъ изъ шести сотъ душъ, было опутано долгами, такъ что десятками тысячъ рублей они считались. Прежде предохранявшая его отъ раззоренія, заботливая мать первоначально отказалась ото всего и объявила дѣтямъ, чтобъ они спасались какъ хотятъ и какъ умѣютъ, а что ей ничего не нужно. Изъ двухъ сестеръ одна близилась къ сорока годамъ, другая едва перешла за двадцать. Старшая дала обѣтъ никогда не отлучаться отъ матери, совершенно посвятить себя ей и не имѣть иныхъ заботъ. Меньшая никогда ихъ не знала, думала объ однихъ только нарядахъ и удовольствіяхъ жизни, которые по возможности были ей доставляемы; ничѣмъ нѣсколько серіознымъ не умѣла заниматься, ни чтеніемъ, ни даже руководіемъ. Первое горе ее постигшее, и самое для нея тяжкое, не могла она, по примѣру сестры, перенести съ покорностію къ волѣ Божіей, и отчаяніе ея походило на сумашествіе. Наконецъ старшій братъ Павелъ давно

замышляя омыть хотя бы свою кровию незаслуженное пятно, которое правительство и общее мнѣніе наложили на провіантское вѣдомство, къ которому онъ принадлежалъ. И для того еще, при жизни отца и съ дозволенія его умолялъ онъ военнаго министра Барклая-де-Толли, лично его съ хорошей стороны знавшаго, объ опредѣленіи его попрежнему и съ прежнимъ чиномъ въ военную службу. Тотъ отвѣчалъ, что воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы выполнить его желаніе, но что это для него самого даже трудно, ибо съ 1807 года не было примѣра, чтобы кто-нибудь служившій въ провіантскомъ штатѣ былъ принятъ въ службу армейскимъ чиномъ. Съ недѣли на недѣлю ожидая рѣшенія судьбы своей, онъ также совершенно не могъ приступить къ управленію имѣніемъ.

Итакъ вся обуза должна была лечь на меня. Много помогали мнѣ сначала совѣты старшаго опытнаго брата. Изъ всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствъ жизни моей, при всей моей торопливости, часто необдуманности поступковъ, всегда выходилъ я довольно благополучно. Не смѣю и подумать, чтобы чѣмъ-либо заслужилъ особое милосердіе Божіе, но оно всегда явно выводило меня изъ пучины золъ мнѣ угрожавшихъ. Какъ же мнѣ было не любить и не страшиться этого невидимаго всемогущества? Какъ отъ всей души не вѣровать было въ него, посреди общаго почти невѣрія? И въ этомъ случаѣ явило оно благодать свою надо мною и надъ моими, такъ что къ концу года денежныя дѣла наши взяли самый благоприятный оборотъ.

За Сурой въ большомъ лѣсномъ участкѣ, намъ принадлежащемъ, называемомъ Кичкелейка, былъ у насъ винокуренный заводъ. Такого рода заведенія обыкновенно даютъ значительный доходъ, только нуженъ хорошій присмотръ, а его то послѣднее время и не было. Къ тому же десятилтвнее существованіе этого завода истребило лѣсъ и разорило мужиковъ. Необходимость заставила его погасить. Послѣ него осталось большое количество мѣдной посуды, которую можно было продать только на вѣсъ; къ счастью, одинъ добрый сосѣдъ, который въ это время приступалъ къ такого же рода предпріятію, не сталъ торговаться, а купилъ посуду почти по той же цѣнѣ, по которой она намъ обошлась, и такимъ образомъ можно было выручить нѣсколько тысячъ рублей.

Еще другія тысячи получили мы благодаря угасшему заводу. Правительство полагая, что всѣ сѣверо-западные области изобилуютъ рогатымъ скотомъ, обратилось къ нимъ съ предложеніемъ пожертвовать нѣкоторую часть онаго для прскормленія собравшейся на границѣ арміи. Въ Симбирской и въ Саратовской губерніяхъ, особливо же за Волгою, было тогда еще болѣе, чѣмъ нынѣ, необозримыхъ степей, на которыхъ тысячами паслись стада: для нихъ эта жертва была совсѣмъ не значительна. Но для Пензенской губерніи, которая такъ туго заселена, гдѣ такъ мало пастбищныхъ мѣстъ, которую мясомъ по большей части продовольствуютъ сосѣди, для нея это было довольно накладно. Пріятно было видѣть радостную готовность, которую, несмотря на то, изъявило пензенское дворянство въ семь случаевъ: она въ моихъ глазахъ, по крайней мѣрѣ, была предзнаменованіемъ того великодушнаго, всеобщаго, дружнаго возстанія, которое не замедлило потомъ обнаружиться во всей Россіи. Положено было купить 2.400 быковъ по какой бы то ни было цѣнѣ и съ надежнымъ чиновникомъ, на дворянскій счетъ, отправить къ войску, разложивъ сумму, для того употребленную, на помѣщиковъ по числу душъ ими владѣемыхъ. На нашу долю пришлось весьма мало, или лучше сказать, ничего, или лучше сказать, меньше чѣмъ ничего. На нашемъ заводѣ были десятки быковъ, которыхъ содержаніе дотолѣ намъ приходилось даромъ, которые сдѣлались не нужны, а кормить ихъ становилось дорого. Представился единственный случай ихъ дорого сбыть съ рукъ и я не упустилъ имъ воспользоваться.

Одинъ Нижегородскій откупщикъ, за проданную и поставленную ему водку былъ долженъ пятнадцать тысячъ рублей отцу моему, но подъ разными предлогами отказывался уплачивать сіи деньги, какъ ни просили его и на него, такъ что долгъ сей почитали мы пропавшимъ. Видно вдругъ ему стало совѣстно, ибо онъ прислалъ мнѣ эту сумму сполна, при письмѣ, въ которомъ объяснилъ, что узнавъ о стѣсненномъ положеніи нашего семейства, хотя и самъ находится въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, даѣе откладывать уплаты не хочетъ.

Въ душевной тоскѣ и въ тѣлесномъ расслабленіи, метаясь, можно сказать, не зная куда, отецъ мой задумалъ было поселиться въ Москвѣ и для того послѣднею осенью купилъ въ

ней за шесть тысячъ рублей небольшой деревянный домъ въ какомъ-то переулкѣ, близъ Арбата: этотъ домъ намѣренъ былъ онъ послѣ себя отдать любимой дочери. Въ благополучные дни нашего семейства, было у матери моей и у сестеръ нѣсколько алмазовъ, въ томъ числѣ одна сохранившаяся брилліантовая нитка, которая имѣла нѣкоторую цѣнность и была предназначена старшей сестрѣ, болѣе въ видѣ капитала чѣмъ украшенія. Той и другой предметы сіи были обвѣщаны, а не отданы. Однакоже, для продажи я счелъ долгомъ испросить ихъ согласіе, и онѣ, безъ малѣйшаго затрудненія, дали его. Но гдѣ было сыскать покупателей въ такое время, когда всѣ, чуя приближеніе чернаго дня, берегли про него деньги, а многіе даже и прятали ихъ? Судьба послала ихъ. Одинъ богатый помѣщикъ, Вельяшевъ, просватавъ въ это время единственную дочь свою за богатаго же помѣщика Рандова, и хотѣлъ дать ей приличное обоимъ состояніямъ приданое: брилліантовую нитку купилъ онъ у насъ за пять тысячъ рублей. Сыскался и другой, человекъ неблагоразумный, неосторожный, котораго прозванія не запомню, но котораго не мнѣ осуждать; онъ купилъ московскій домъ за десять тысячъ рублей, четырьмя тысячами дороже того что онъ былъ заплаченъ, домъ, который, два мѣсяца спустя, съ тысячами другихъ, долженъ былъ обратиться въ пепель.

Было еще нѣсколько такихъ неожиданныхъ, благоприятныхъ случаевъ, о коихъ говорить не буду и которые помогли мнѣ въ полгода совсѣмъ почти выпутать изъ долговъ мое семейство. Всѣ эти мелочи, подробности, можетъ-быть вовсе не занимательны, не скажу только уже для читателей моихъ, отъ нихъ отрекся я уже въ началѣ сей главы, но даже и для потомковъ моихъ родителей. Но мнѣ не упоминаеть о нихъ было бы и стыдно и грѣшно, когда во всемъ этомъ видѣлъ я несомнѣнные знаки милосердія небеснаго къ осиротѣвшему семейству честнѣйшаго человека въ мірѣ, которое простодушіемъ и любовію къ ближнимъ было его достойно, и къ неопытному молодому человеку, пожираемому желаніемъ быть полезнымъ еще болѣе ему чѣмъ самому себѣ. Одинъ умный человекъ сказалъ, что то въ чемъ черствыя души видятъ одинъ слѣпой случай, не что иное какъ инкогнито Провидѣнія, и что одни чувствительныя, благодарныя сердца способны его угадывать.

Осенью другія заботы мнѣ представились, и тогда, закрывъ свою комиссію погашенія долговъ, всѣ дѣла при вѣрномъ отчетѣ вручилъ я матери моей, которая, изъявивъ мнѣ свое удовольствіе, къ счастью, въ состояніи была опять успѣшно и прилежно заниматься ими.

II.

Пензенскій губернаторъ К. былъ причисленъ къ министерству..... При полученіи о томъ извѣстія, въ Пензѣ случился довольно забавный анекдотъ. Будучи тайно предувѣдомленъ о своемъ паденіи, К. сталъ наскоро собирать жену свою въ дорогу, дабы не губернаторшей ей тутъ и дня не оставаться. Такъ какъ она внутри Россіи никогда еще одна не путешествовала, то онъ предложилъ приверженцу своему М. быть ея проводникомъ до Москвы, на что сей послѣдній охотно согласился. Во время сборовъ догадался ли онъ или провѣдалъ о чемъ, только отказаться уже не смѣлъ. Довѣхавъ до Саранска, на первомъ ночлегѣ прикинулся онъ больнымъ, кричалъ жалуясь на нестерпимыя боли въ животѣ, въ головѣ, не хуже Жилблаза въ Роландовой пещерѣ, такъ что перепугалъ свою спутницу. Одна должна была отправиться она далѣе, а онъ, какъ Сикстъ Пятый, вскочивъ, захохотавъ, спросилъ у предстоящихъ, каково сыгралъ онъ комедію? Когда въ Пензѣ спросили его зачѣмъ онъ такъ дурачился, онъ отвѣчалъ, что вѣдь указъ объ увольненіи еще полученъ не былъ. Когда же его получили, еще до возвращенія М., то К., совсѣмъ готовый къ отбытію, не медля ускакалъ. Проводовъ ему не было; его отъѣздъ похожъ былъ на побѣгъ.

Вскорѣ прибылъ его преемникъ: но полно, такъ ли я сказалъ? Это было не вступленіе въ должность губернатора, а восшествіе, воцареніе владѣтельнаго князя. Послѣ смерти князя Сергія Феодоровича Г., въ началѣ 1810 года, неутѣшная вдова его, Варвара Васильевна, рѣшилась удалиться отъ свѣта въ любимую свою Зубриловку, куда изъ Галиціи и привезено было его тѣло *. При ней находились

---

* Онъ начальствовалъ тамъ вспомогательною арміею Наполеону противъ Австрійцевъ, въ извѣстной войнѣ безъ сраженій. Миръ былъ заключенъ, армія мало-по-малу возвращалась, и онъ скончался въ минуту отъѣзда своего.

неотлучно младшіе сыновья ея, на службѣ числящіеся, и самый старшій, отставной князь Григорій Сергѣевичъ съ женою и семействомъ. Но какъ поладить съ тѣмъ, чтобы, не разлучаясь съ нею, могли одинъ продолжать службу, а другой поступить въ нее опять? Вотъ почему князь Григорій, будучи въ генеральскомъ чинѣ, началъ искать мѣсто Пензенскаго губернатора, и получилъ его, вмѣстѣ съ дозволеніемъ каждое лѣто за 130 верстъ ѣздить въ деревню къ матери. Весною и осенью могъ онъ проживать у ней подъ предлогомъ обозрѣнія губерніи, а зимою когда она пріѣзжаетъ къ нему. Меньшіе три брата были всѣ камеръ-юнкеры, только средній, Василій, былъ пожалованъ до указа о семъ званіи и состоялъ въ пятомъ классѣ, а другіе два, Павелъ и Владиміръ, послѣ, и имѣли только оберъ-офицерскіе чины. Ихъ опредѣлили къ брату чиновниками по особымъ порученіямъ, а Василья помѣстили совѣтникомъ, сверхъ штата, въ губернскае правленіе. Разумѣется, всѣ сохранили право жить въ Зубриловкѣ, когда они или мать ихъ того пожелаютъ.

Я нашла князя Г. утвердившагося на своемъ губернаторско-княжескомъ престолѣ. По прошествіи шестинедѣльнаго траурнаго срока, явился я къ нему и былъ милостиво принять: но и до того не одинъ разъ имѣлъ я случай его видѣть. Моя мать была имъ откровенно довольна; изъ уваженія къ званію предмѣстника, онъ былъ распорядителемъ похоронъ отца моего и потомъ разъ или два въ недѣлю посѣщалъ ее. По старинному знакомству какъ съ нимъ, такъ и съ братьями, по пріятностямъ тогдашней свѣтской ихъ образованности, могъ я дѣйствительно домъ его почитать для себя отрадою; но въ продолженіи пребыванія моего въ Пензѣ, не всегда мы ладили, какъ увидать послѣ.

Большая часть Пензенцевъ были отъ него безъ памяти, и какъ не быть? Послѣ времени К., имъ казалось, что настала для нихъ настоящій золотой вѣкъ. Губернаторъ еще молодой, красивый, ласковый, привѣтливый, принадлежащій къ княжескому роду, почитаемому однимъ изъ первыхъ въ Россіи, въ близкомъ родствѣ со всѣмъ, что Петербургъ являетъ высокаго и знатнаго при дворѣ. Обыкновенно эти люди, когда невзначай попадали въ провинцію, чтобы не остаться однимъ, поневолѣ сближались съ почетнѣйшими изъ ея жителей и совсѣмъ не скупались на

любезности, которыми, по крайней мѣрѣ, въ прошедшее время они славились. Въ столицахъ дѣло было другое; не переставая быть учтивымъ, ихъ обращеніе примѣтно дѣлалось холоднѣе со сдѣланными тамъ знакомствами, и наши добрые люди никакъ не могли понять причинъ такой перемены. И такъ, мои тщеславные земляки были очарованы: „ну, подлинно, говорили они, — можно сказать, что баричъ такъ баричъ, не то что иной, другой какой-нибудь нашъ братъ рядовой дворянинъ“.

„И какъ такому вельможѣ захотѣлось у насъ поселиться?“ говаривали иные. Дѣйствительно, оно могло казаться страннымъ и тогда, а еще страннѣе нынѣ, когда губернаторскія мѣста упали противъ прежняго *. Восемнадцати лѣтъ былъ онъ уже генераль-майоромъ, генераль-адъютантомъ и докладчикомъ по военному вѣдомству при императорѣ Павлѣ; но какъ одинъ случай создалъ его, такъ другой уничтожилъ, и никогда уже съ тѣхъ поръ не могъ онъ подняться. Когда при Александрѣ онъ сталъ проситься въ службу при особѣ Государя, ему предложили званіе камергера, а какъ это званіе почиталось тогда во сто разъ важнѣе чѣмъ нынѣ, то онъ охотно его принялъ. Замѣтивъ, что этотъ титулъ совсѣмъ не въ почетѣ у новаго царя, онъ сталъ проситься въ военную службу прежнимъ чиномъ, и его приняли съ состояніемъ по арміи и съ нахожденіемъ при отцѣ, тогда рижскомъ военномъ губернаторѣ: съ нимъ вмѣстѣ опять вышелъ онъ въ отставку. Послѣ того, во время первой милиціи 1807 года, не вступая въ дѣйствительную службу, и находясь при немъ же по какимъ-то порученіямъ.... Въ армію противъ Австрійцевъ съ отцомъ онъ не поѣхалъ, а остался при матери. Большаго свѣта онъ не любилъ, хотя въ немъ вездѣ былъ принятъ... Государь, который его лично зналъ, былъ не высокаго мнѣнія о его способностяхъ и только вслѣдствіе сильнаго ходатайства, назначилъ его губернаторомъ, съ переименованіемъ однакоже въ дѣйствительные статскіе совѣтники. И наши Пензенцы находили, что онъ спустился на губернаторство.

Будучи малолѣтнимъ, около года прожилъ я въ имѣніи матери Г.—селѣ Казацкомъ, и, кажется, довольно вѣрно изо-

---

* Писано въ тридцатыхъ годахъ. Ред.

бразиль характеръ княгини. . . . . Оба они, мать и сынъ, не очень любили видѣть равныхъ себѣ, ибо между ими находили по большей части превосходящихъ ихъ въ образованности: гораздо пріятнѣе имъ было окружать себя существами подчиненными, подвластными. Въ отдаленномъ краю, гдѣ сходятся двѣ губерніи Саратовская и Тамбовская, и по сосѣдству съ Пензенской, создала себѣ княгиня Г. маленькое царство, которое по назначеніи сына ея въ правители, чрезвычайно умножилось присоединеніемъ къ нему цѣлой губерніи.

Нашъ князь Григорій пензенскій былъ аристократъ со-всѣмъ особаго покроя, совершенно отличный отъ брата своего Θεодора, который настоящей тогдашней аристократіи служилъ образцомъ. Онъ находилъ, что не иначе можно блистать какъ въ столицѣ и при дворѣ, а какъ всѣ усилія ума его, котораго у него было довольно, къ тому были направлены, то онъ совершенно и успѣвалъ: много способствовалъ ему выгодный бракъ съ единственною дочерью фельдмаршала князя Прозоровскаго, у которой было 14 тысячъ душъ, изъ коихъ послѣ едва ли осталась у нея десятая доля. Его ласково-вѣжливое обхожденіе не допускало однакоже никакой короткости съ тѣми, съ кѣмъ онъ имѣлъ ея не хотѣлъ. Старшій же братъ, напротивъ, охотно балагурилъ, вралъ, полагая, что со всѣми можетъ безнаказанно быть фамиліаренъ. Онъ любилъ угощать у себя, попить, поѣсть, поплясать. По моему онъ былъ правъ; такими только манерами можно было тогда понравиться въ провинціи; grand genre князя Θεодора тамъ бы не поняли. Два брата были вѣрнымъ изображеніемъ одинъ новѣйшаго аристократизма, заимствованнаго у Запада, другой — стариннаго русскаго барства. Только, къ сожалѣнію легкомысліемъ, прихотями, странностями онъ совсѣмъ не походилъ на древнихъ бояръ, которые отъ толпы обязаны были отличатся основательностію въ мысляхъ, обдуманностію въ поступкахъ.

Нашъ губернаторъ былъ чрезвычайный оригиналъ и главные черты его характера непременно я долженъ здѣсь представить. Съ своею природною смышленостію Русскіе равно способны и къ изобрѣтательности и къ переимчивости; но съ природною же ихъ лѣтвю и съ навыками, которые даны имъ лѣтъ полтораста тому назадъ, превратились они совершенно въ постоянныхъ подражателей всего западнаго.

Въ каждомъ изъ насъ болѣе или менѣе есть что-то обезьянное, кого-нибудь или что-нибудь должны мы непременно копировать; нашъ Г. всѣхъ насъ превзошелъ, избравъ себѣ не одинъ, а нѣсколько образцовъ. Ему было лѣтъ двѣнадцать, когда умеръ дѣдушка Потемкинъ; онъ очень хорошо могъ помнить открытую грудь, босыя ноги, халатъ на распахку, въ которомъ принималъ онъ первыхъ вельможъ, сырыя рѣпу и морковь, которыя, всѣмъ пресыщенный, при нихъ же онъ грызъ; помнилъ также царскую его представительность и всѣ алмазы Востока, коими потомъ онъ осыпался. До губернаторства не имѣлъ онъ случая, подобно ему, являть попеременно такую простоту и такое величiе. Жаль только, что онъ не имѣлъ сокровищъ, коими владѣлъ его дѣдъ, образецъ; изъ десяти тысячъ душъ, послѣ смерти отца раздѣленныхъ между семью братьями, на долю его досталось не слишкомъ огромное состоянiе, и онъ проматывалъ его, стараясь, елико возможно, не отставать отъ великолѣпнаго князя Тавриды.

Извѣстно, что императоръ Александръ являлъ народу всегда одну милостивую улыбку: и это довольно удачно умѣли мы перенять. По воскреснымъ днямъ, вмѣсто собора, князь съ своею княгиней, предпочиталъ ѣздить къ обѣднѣ въ женскiй монастырь: тамъ отъ святыхъ воротъ до храма было пространство, которое надобно было проходить пѣшкомъ и которое наполнено бывало народомъ, и онъ шествовалъ объ руку съ супругою, ласково кланяясь направо и налево восторженной толпѣ. Княгиня Катерина Ивановна, жена его, своею кротостiю и благовидностiю, совсѣмъ не думая о томъ, была дѣйствительно сколкою съ Елисаветы Алексѣевны.

Онъ любилъ ее и уважалъ и всегда былъ ей вѣренъ, но полагалъ, что владѣтельной особѣ для вида необходимо имѣть метрессъ, какъ ихъ тогда называли. Онъ слыхалъ о Лудовикѣ XIV, и кто же изъ находившихся тогда при дворѣ не слыхалъ о немъ? Двѣ пожилыя женщины, одна вдова, другая дѣва влюбилась въ князя, и онъ обрадовался тому, какъ способу въ глазахъ свѣта сихъ мнимыхъ метрессъ выдавать за настоящихъ.

.....
.....
Одна, изъ рода Топорниныхъ, была дѣйствительно топор-

ной работы, баба здоровенная, провинціалка съ ногъ до головы и, кажись, простилая, но какъ говорили тогда, себѣ на умѣ. При жизни свекора, который умеръ незадолго до прибытія Г., и который ничего ей не давалъ, съ собственнымъ малымъ состояніемъ, жила она скромно, скудно, объ ней мало было слышно, и нерасположеніе къ покойному, ею совсѣмъ не заслуженное, какъ будто разливалось и на нее. Тутъ она воспрянула: замѣтивъ, что Г. очень хочется, чтобъ его обожали, стала прехладнокровно его обожать, начала для него дѣлать обѣды, принимать гостей; за то онъ пожаловалъ ее маркизой де-Монтеспанъ, и помнится я подсунулъ ему этотъ титулъ. Она всегда составляла его партію въ бостонъ, и какъ лучше его играла, то всегда обыгрывала; сверхъ того давала ему деньги въ займы, только за высокіе проценты и на вѣрныя векселя, за чтѣ къ первому ея титулу прибавилъ онъ второй, мадамъ ла-Рессурсъ. Этимъ и ограничивались любовныя связи Монтеспанъ съ пензенскимъ Лудовикомъ. Ни про нее, ни про ея свекора, я доселѣ ни слова не сказалъ, но пензенское дворянство неисчислимо и, право, всѣхъ не припомнишь.

Другая связь была гораздо интереснѣе. Дѣвицѣ Александрѣ Даниловнѣ К. было гораздо за сорокъ лѣтъ; нескромная толщина тѣла и смуглость ее не молодили, но для пылкихъ сердецъ нѣтъ возраста. Въ молодости она полюбила какого-то майора Неймича, а смерть похитила ея возлюбленнаго, когда онъ готовился быть ея супругомъ. Убитая горестію, она хотѣла идти въ монастырь, убѣжище всѣхъ мученицъ чувствительности. Чтобы приготовить себя къ тому, оставила свѣтъ, надѣла черное платье, постомъ и молитвой старалась заглушить память объ ожидавшемъ ее блаженствѣ; устремившись мыслию къ Богу, надѣялась забыть боготворимаго. Время видно истребляетъ всѣ впечатлѣнія, всѣ воспоминанія, кромѣ моихъ: оно успокоило ея сердце, а свѣтъ приманилъ ее опять къ себѣ, но когда плѣняться ей было еще легко, а плѣняться уже поздно. Она была тиха, скромна и до того не зорѣчива, что когда одинъ разъ стали при ней говорить о чловѣкѣхъ улченномъ въ отцеубійствѣ, она вскрикнула: ахъ, какъ онъ дурно сдѣлалъ. Никого не могла она ненавидѣть, но за то слѣшкомъ расположена была любить. Чтеніе французскихъ романовъ пуце воспламенило ея воображеніе; въ

мѣнѣи ея мадамъ Жанлисъ оспаривала первенство у мадамъ Сталь и всегда одерживала верхъ; главною же ея любимцею была мадамъ Коттенъ. Уважая ея добрыя, милыя свойства, никто изъ провинціаловъ не хотѣлъ замѣтить ея смѣшной стороны и для потѣхи показать чувство, котораго не имѣлъ. Напрасно, это оживило бы ея тоскливое существованіе; наконецъ явился спаситель,—это былъ Г. Возбужденною въ ней страстію онъ гордился, смѣялся надъ ней, выставлялъ ее на позоръ, а она не въ силахъ была ее скрывать. Она вся предалась ей; не суждено было ей узнать сущности любви, она прилѣпилась къ ея призраку. Въ умѣ у нея недостатка не было, и она должна была замѣтить, что все это вздоръ и что она сдѣлалась посмѣшищемъ цѣлаго города; но что дѣлать, такъ и быть! она тѣшилась въ мечтахъ и казалось говорила: обманывай, обманывай меня, ради Бога, не переставай! Ее посвятилъ онъ въ дѣвицы ла-Валлееръ. И что всего забавнѣе, онъ заставлялъ жену показывать чрезвычайную холодность къ обѣимъ симъ дамамъ: я воображаю какъ этой почтенной женщины тяжело было въ угожденіе ему дурачиться.

Продолжая примѣры свои братья свысока, онъ захотѣлъ быть и преобразователемъ Пензы, какъ Петръ Великій. Въ чемъ же состояли предпринятая имъ перемѣны? Онъ нашелъ въ одеждѣ мужчинъ и женщинъ много отсталого, запоздалого; легкими, но часто повторяемыми шутками насчетъ ихъ нарядовъ, многихъ заставилъ онъ переодѣться по модѣ. Странность экипажей также не избѣгла его замѣчаній и насмѣшекъ; скоро начали исчезать старыя колымаги и четверомѣстныя дрожки-линьки, столь удобныя для живущихъ въ провинціи недостаточныхъ семействъ. Всѣ крѣпко держались привилегіи, данной первымъ чинамъ до статскаго совѣтника включительно ѣздить цугомъ или шестерней; штабъ-офицеры ѣздили четверней, а оберъ-офицеры не смѣли у себя впрягать болѣе пары лошадей; тутъ было нужно нѣчто похожее на насиліе, чтобъ у пятиклассныхъ отпречь пару и припречь ее къ каретамъ людей четырнадцатаго класса.

Съ одной стороны стараясь распространить все новосвѣтское, съ другой — любилъ придерживаться старины, во всемъ только что могло умножить личное его величіе. О святкахъ всегда создавалъ онъ маскарады,

и на нихъ являлся одинъ безъ маски, въ богатомъ, длинномъ платьѣ старинныхъ русскихъ бояръ, и старался разыгрывать ихъ роль, тогда какъ всѣ другіе, въ угожденіе ему, были въ личинахъ и какъ можно шутовски наряжены: ему казалось, что все это дворня, которая на игрищѣ тѣшитъ своего боярина. А иногда такъ у себя дома облекался онъ въ тотъ же аксамитъ, бархатъ и парчу. Сіятельный изволилъ тѣшиться, говорили иные съ подобоострастіемъ, а нѣкоторые уже съ насмѣшливою улыбкой.

Куда какой былъ онъ затѣйникъ, этотъ князь Григорій Сергѣевичъ: кого бы вы думали поставилъ онъ въ число образцовъ своихъ? Давида, іудейскаго царя-пророка. Въ первой молодости, говорятъ, выучился онъ довольно изрядно играть на арфѣ, потомъ бросилъ ее, и на губернаторствѣ уже, видно отъ нечего дѣлать, принялся опять за сіе музыкальное искусство. По утрамъ находили его иногда въ какомъ-то костюмѣ, драпированнаго, за этимъ инструментомъ, съ звуками коего сочеталъ онъ голосъ свой и на напѣвы разныхъ пѣсенъ или аріій, *При долинухъ стояла, Выйду ль я на рѣченьку* или *Lison dortait dans un bosage*, воспѣвалъ онъ псалмы. Вообще имѣлъ онъ небольшую склонность къ набожности, а вкусъ къ церковнымъ обрядамъ. Въ деревнѣ, какъ увѣряли, наряжалъ онъ самого себя и любимѣйшихъ слугъ въ стихари, пѣвалъ съ ними на клиросѣ и читалъ апостольскія посланія. Утверждали, что онъ читаетъ духовныя книги; я увѣренъ, что однѣ только литургическія; за то уже другихъ никакихъ въ руки не бралъ. Съ этой стороны, то есть со стороны любви къ церковнослужительству, опять сблизился онъ въ сходствѣ съ высокомощнымъ дѣдомъ своимъ.

Нужно ли говорить, что онъ составилъ себѣ дворъ? Между прочимъ, для молоденькихъ писцовъ канцеляріи своей, изъ низкаго происхожденія, нанялъ онъ гдѣ-то танцмейстера, одѣлъ ихъ на свой счетъ и представилъ въ свѣтъ, гдѣ всѣ дѣвицы обязаны были съ ними танцовать. Онъ называлъ ихъ своими камеръ-юнкерами, и они отличались отъ другихъ однообразнымъ цвѣтомъ жилетовъ. Секретарь жаловался, что некому переписывать въ канцеляріи, что они ничего дѣлать не хотятъ; онъ велѣлъ набрать другихъ, ихъ считать сверхъ штата, и далъ имъ отъ себя содержаніе.

Всему, что до него относилось, умѣлъ онъ давать какой-то державный видъ. Заможетъ ли у него жена, по вѣснѣмъ церквамъ велитъ онъ служить молебствія о ея выздоровленіи. Родится ли у него сынъ, онъ своеручно пишетъ церемоніаль его крестіанъ: отъ губернаторскаго дома до собора, по улицѣ, несутъ младенца на подушкѣ, окруженнаго разряженными повивальною бабкой, нянькою, кормилицей и для прислуги дѣвочкою; впереди и сзади два ливрейные лакея; курьеръ открываетъ шествіе, другой замыкаетъ его. Весною, при отправленіи въ Зубриловку, за 130 верстѣ, семейства, свиты, живущихъ, дворни и конюшни, соблюдались также офиціальныя формы, составлялся также маршрутъ, повѣздѣ дѣлился на три отдѣленія, назначались роздыхи, ночлеги, и по дорогѣ разсылались копіи съ письменнаго распоряженія.

. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .

Удалившись отъ суеты міра сего и его превратностей, мнѣ бы хотѣлось и слѣдовало жить только въ прошедшемъ и даже въ давно-прошедшемъ и о немъ только вѣщать. Но какъ быть? я еще живъ, не ослѣпъ, не оглохъ, не могу не знать и не видѣть происходящаго вокругъ меня. Такимъ образомъ говоря о быломъ, какъ избѣгнуть того, чтобы иногда не коснуться настоящаго? У меня нѣтъ ни родныхъ, ни друзей, я все пережилъ, всего лишился, ко всему охладѣлъ; даже между оставшимися у меня родными нѣтъ ни одного, въ которомъ бы я могъ найдти сочувствіе, единомысліе: состояніе горестное! Но есть чувство, которое въ милосердіи своемъ, самъ Создатель кажется вложилъ мнѣ въ сердце, оно одно животворитъ меня и привязываетъ къ землѣ, на которой не знаю долго ли буду скитаться. И хотя оно было для меня источникомъ многихъ горестей, я не могу разстаться съ нимъ. Я не назову его; на каждой страницѣ сихъ записокъ оно само собой выказывается. Все къ нему относится, и если иногда на бумагу изливалась желчь моя, если я позволялъ себѣ порицать моихъ согражданъ, то кланусь, что съ сокрушеннымъ сердцемъ. Еслибъ я могъ вдохнуть въ нихъ національное самолюбіе, которому непременно уступило бы мѣсто жалкое, мелочное, личное ихъ самолюбіе, съ

какою радостію я бы осыпалъ ихъ похвалами! Я то и дѣлалъ, когда случай къ тому представлялся. Было время, когда въ Россіи некого было осуждать, и я приступаю къ его изображенію.

III.

Менѣе полуторы тысячи верстъ отдѣляютъ Пензу отъ Петербурга. Въ нашемъ необъятномъ государствѣ, кажется, пространство не слишкомъ великое, а насчетъ любопытныхъ извѣстій оттуда, мы жили словно въ Иркутскѣ. Горизонтъ нашъ былъ весьма ограниченъ; еще менѣе чѣмъ въ Москвѣ думали мы о томъ что насъ ожидаетъ, и всеневный вздоръ, который слышалъ я вокругъ себя, непримѣтно успокоивалъ волнуемую страхомъ душу мою.

Первая важная вѣсть, которую получили мы въ концѣ марта, была о неожиданныхъ отставкѣ и ссылкѣ Сперанскаго: но эта вѣсть громко разнеслась по всей Россіи. Не знаю, смерть лютаго тирана могла ли бы произвести такую всеобщую радость. А это былъ человѣкъ, который никого не оскорбилъ обиднымъ словомъ, который никогда не искалъ погибели ни единаго изъ многочисленныхъ личныхъ враговъ своихъ, который, мало показываясь, въ продолженіи многихъ лѣтъ трудился въ тишинѣ кабинета своего. Но на кабинетъ сей смотрѣли всѣ какъ на Пандоринъ ящикъ, наполненный бѣдствіями, готовыми излетѣть и покрыть собою все наше отечество. Всѣ были увѣрены, что неоспоримыя доказательства въ его виновности открыли, наконецъ, глаза обманутому государю; только дивились милосердію его и роптали. Какъ можно было не казнить преступника, государственнаго измѣнника, предателя, и довольствоваться удаленіемъ его изъ столицы и устраненіемъ отъ дѣлъ! Не менѣе того сію мѣру, слишкомъ строгую, если человѣкъ былъ безвиненъ, торжествовали какъ первую побѣду надъ Французами. Многие, помню, приходили меня съ этимъ поздравлять, и виновать, я принималъ поздравленія.

Непонятно также казалось молчаніе хранимое вѣдомостями о столь важной перемѣнѣ, тогда какъ онѣ всегда взвѣщали объ отставкѣ чиновниковъ, не высокія мѣста занимавшихъ. Оттого многие не хотѣли вѣрить своему счастью,

пока изъ сосѣдняго Нижняго Новгорода, совсѣмъ не ужаснаго мѣста заточенія его, не были получены точныя свѣдѣнія о прибытіи его туда, о снисходительномъ приѣмѣ сдѣланномъ ему губернаторомъ и объ уединенномъ образѣ жизни, который онъ началъ тамъ вести. Между тѣмъ слухъ о его измѣнѣ, настоящей или мнимой, распространился и между простымъ народомъ: не подозрѣвая того, лѣтомъ отправился онъ взглянуть на Макарьевскую ярманку; проходя гостинымъ дворомъ, онъ едва не былъ умерщвленъ разъяренною чернью и спасся черезъ лавку знакомаго ему купца. Главное тогда областное начальство, желая будто спасти дни его, а вѣроятно движимое местию, отправило его на жительство въ холодный, скучный губернской городъ Пермь.

Уже давно все это было, уже давно нѣтъ того, кто былъ благомъ и казнью Сперанскаго, его самого уже нѣтъ, а повѣсть объ его изгнаніи все еще остается для насъ загадкою, и вѣроятно даже потомствомъ нашимъ не будетъ разгадана. Въ преданіяхъ русскихъ она останется то же что во Франціи исторія о Желѣзной маскѣ. Я полагаю, что онъ былъ виновенъ, но не совсѣмъ. Сопровождая Александра въ Эрфуртъ, онъ былъ очарованъ величіемъ Наполеона; замѣчено уже, что всѣ люди, изъ ничего высоко поднявшіеся, не смѣя завидовать избраннику счастья и славы, видѣли въ немъ свой образецъ и кумиръ и почитательнѣе другихъ ему поклонялись. Мало заботясь объ участи отечества, будучи увѣренъ, что Наполеонъ одолѣетъ насъ, могъ онъ отъ послѣдствій сей войны ожидать чего-то для себя полезнаго, могъ питать какія-нибудь неясныя надежды; но чтобъ онъ вошелъ въ тайныя сношенія съ непріятелемъ, это дѣло невозможное, онъ былъ слишкомъ остороженъ. Какъ ни воздерженъ былъ онъ въ рѣчахъ своихъ, но пріятныхъ, сильныхъ своихъ ощущеній при имени нашего врага онъ скрывать не могъ. Въ глазахъ людей, окружавшихъ царя, и особенно сестры его, Екатерины Павловны, это одно уже было великое преступленіе и было важнѣйшимъ орудіемъ къ обвиненію его. Въ безпокойствѣ духа, въ которомъ находился государь при ожиданіи великихъ событій, предался онъ подозрѣніямъ и рѣшился величію обстоятельствъ принести великую жертву. Вся Россія требовала ея, и въ гласѣ народа слышался Александру гласъ Божій. Иначе я этого дѣла объяснить не умѣю.

Не помню какой-то французскій писатель, (нынѣ ихъ такъ много), но уже вѣрно не добрый человекъ, * сказалъ, что въ несчастіяхъ самихъ друзей нашихъ, для всякаго изъ насъ, есть всегда какая-нибудь отрадная сторона. Мнѣ кажется напротивъ: я не скрою, что паденіе Сперанскаго мнѣ было пріятно, ибо я раздѣлялъ общее мнѣніе объ немъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ, вспоминая его счастливые дни, представляя себѣ страданія его при переездѣ изъ одной ссылки въ другую, подъ проклятіями народными, грустное чувство противъ воли моей закрадывалось мнѣ въ сердце.

На мѣсто его посаженъ былъ старый вице-адмиралъ Александръ Семеновичъ Шишковъ, плохой писатель, но самый пылкій патриотъ. Вездѣ, гдѣ говорилъ я о литературѣ нашей, имя его всегда поминается. Вскорѣ потомъ, въ апрѣлѣ, отправился онъ къ арміи съ государемъ въ Вильну. Изъ его назначенія могъ я заключить, что люди, отличающіеся особою любовію къ отечеству, должны быть все въ ходу. Мнѣніе сіе подтвердилось другимъ назначеніемъ, сдѣланнымъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ.

Съ 1809 года начальствовалъ въ Москвѣ старый фельд-маршалъ, графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ. Въ арміи былъ онъ извѣстенъ какъ храбрый генералъ, отсюда не какъ полководецъ. Онъ умѣлъ хорошо поддерживать высокое званіе главнокомандующаго въ столицѣ, то-есть заставлялъ себѣ повиноваться, окружалъ себя помпой и давалъ офиціальныя обѣды и балы. Можетъ-быть въ зрѣлыхъ лѣтахъ имѣлъ онъ много твердости, но подъ старость она превратилась у него въ своеувіе. Несмотря на то, такъ-сказать выживъ изъ лѣтъ, онъ совершенно отдалъ себя въ руки одного своего родственника, который слылъ человекомъ весьма корыстолюбивымъ. Оттого-то управленіе Москвою шло не лучше вышшняго; все было продажное, все было на откупѣ. Подручникомъ послѣдняго былъ какой-то медикъ, Французо-Италіянецъ, если не ошибаюсь, Салватори, и они между собою дѣлили прибыль. Такъ по крайней мѣрѣ все утверждали, и въ то же время были увѣрены, что медикъ не что иное какъ тайный агентъ француз-

---

* Этотъ неизвѣстный писатель былъ извѣстный Ларошфуко Сію грубую ошибку со стыдомъ пополамъ спѣшитъ исправить не издатель, а самъ сочинитель записокъ.

скаго правительства. Москва находилась далеко от театра могущей быть войны, но по какому-то предчувствію на состояніе ея обращено было особое вниманіе правительства. Гудовичъ былъ уволенъ, и государь сдѣлалъ сіе съ обычными ему привлекательными формами, при весьма лестномъ рескриптѣ, препроводивъ къ нему портретъ свой алмазами украшенный.

Можно сказать, что Александръ былъ вдохновенъ свыше, когда въ преемники ему выбралъ графа Растопчина. Я говорилъ только о дѣйствиі, произведенномъ на меня угрюмымъ лицомъ его, когда въ Петергофѣ, будучи еще отрокомъ, трепетною рукою подалъ я ему просьбу объ опредѣленіи меня въ иностранную коллегію, а объ немъ собственно ничего не говорилъ. Когда онъ былъ еще министромъ, а я находился подъ его главнымъ начальствомъ, отецъ его, Василій Федоровичъ, сталъ часто посѣщать зятя моего Алексева, тогда полицеймейстера въ Москвѣ. Не разъ случалось мнѣ слышать разказы его о томъ, какъ онъ выкупился изъ крѣпостнаго состоянія, вступилъ въ службу, получилъ небольшіе чины, нажилъ небольшое состояніе, и какъ ничего не щадилъ, чтобы дать хорошее воспитаніе единственному сыну своему. За то сынъ хорошо ему и отплатилъ: при Павлѣ, пользуясь удобною минутою, изъ отставныхъ майоровъ выпросилъ ему прямо чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и аннинскую ленту. Съ природнымъ необыкновеннымъ умомъ и полученнымъ образованіемъ, молодой Растопчинъ не могъ бы имѣть столь великихъ успѣховъ, еслибы не женился на родной племянницѣ Анны Степановны Протасовой, любимицы Екатерины Второй. Черезъ нее попалъ онъ къ большому двору, но предпочелъ ему дворъ наслѣдника въ Гатчинѣ: это составило его счастье.

Происки его непріятелей успѣли ниспровергнуть его за нѣсколько дней до кончины Павла. Первый годъ скрылся онъ въ деревнѣ, а потомъ постоянно жилъ въ Москвѣ. Тамъ скоро сталъ онъ наряду съ вельможами, сошедшими съ попріца, коихъ пребываніемъ она такъ гордилась. Это было не легко; всѣ они были семидесяти или шестидесятилѣтніе старцы, а онъ едва перешелъ за сорокъ; всѣ они болѣе или менѣе были древняго происхожденія, а онъ своимъ хвалиться не могъ. За то всѣхъ выше былъ онъ душою и чувствами, и бѣольшую часть изъ нихъ превосхо-

даль умоумъ,— но это самое нѣсколько вредило ему въ мнѣніи Москвичей. Одна изъ принадлежностей необыкновенныхъ умовъ есть живость ихъ; она отнимаетъ у разговоровъ ихъ ту тяжеловѣсную важность, которая такъ почтена въ глазахъ глупцовъ; искры ума и воображенія кажутся имъ или опасными для нихъ, готовыми ихъ обжечь, или потѣшнымъ огнемъ, для ихъ забавы сожигаемымъ. Извѣстное остроловіе свое умѣлъ Растопчинъ удерживать, пока былъ государственнымъ сановникомъ, но тутъ, сдѣлавшись мирнымъ обитателемъ старой столицы, захотѣлъ сложить оковы этикета, налагаемыя на людей, находящихся въ высокихъ должностяхъ. Тогда даль онъ волю рѣчамъ своимъ, но скоро увидѣлъ съ кѣмъ имѣть дѣло. Можно было найдти тогда въ Москвѣ довольно людей, которые, какъ говорится, были ему по плечу, уже вѣрно болѣе чѣмъ нынѣ: имъ однимъ могъ онъ передавать высокія думы свои, сообщать свои оригинальные разказы. Съ прочими же обходился онъ просто, былъ словоохотень, любилъ пошучивать и употреблялъ съ ними языкъ, которымъ говорятъ совершеннолѣтніе, играя съ дѣтми. Его не поняли; „да это видно нашъ братъ“, сказали Москвичи, а нѣкоторые даже: „да онъ просто шутъ“. Между тѣмъ прилежно изучалъ онъ нравы какъ дворянства московскаго, такъ и простаго народа. Станный, непонятный былъ онъ человѣкъ! Безъ малѣйшаго отвращенія смотрѣлъ онъ на совершенное отсутствіе мыслей московскихъ, даже высшихъ обществъ, и чрезвычайно забавлялся ихъ нелѣпными толками, сплетнями, пересудами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ вспоминалъ онъ дни славы своей, время управленія его министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и союза нашего съ Австріей, когда русскія войска стояли на границахъ Франціи и готовы бы ворваться въ ея предѣлы. Съ бѣшеною яростію, какую только могутъ чувствовать сильныя души истинныхъ патриотовъ, въ 1807 году видѣлъ онъ, что дѣло пошло наоборотъ, и Наполеонъ недалеко уже отъ Нѣмана. Кажется, что въ раздраженномъ состояніи, въ коемъ онъ находился, наконецъ, надоѣла ему болтовня московскихъ пустомелей, и онъ излилъ свою на нее досаду въ горькой, язвительной шуткѣ, въ небольшой комедіи, подъ названіемъ: *Вѣсти или Живой убитый*. Ее прочитали, одни посмѣялись, другіе посердились, и вскорѣ потомъ забыли; а она весьма примѣчанія достойна, какъ изображеніе тогдашнихъ

нравовъ. Гдѣ-то отыскалъ онъ или выдумалъ Силу Андреевича Богатырева, одного изъ тѣхъ кремней, изъ коихъ при Екатеринѣ составлена была вся неодолимая русская армія: такіе люди во множествѣ доживали почтенія достойный вѣкъ свой по закоулкамъ Москвы, и никто не зналъ объ нихъ. Этотъ просваталъ дочь свою за офицера, женихъ на войнѣ, и онъ ждетъ отъ него извѣстій, какъ вдругъ дѣятельнѣйшая изъ вѣстовщицъ безжалостно спѣшитъ объявить ему, что будущій зять его убитъ, съ такими подробностями, которыя не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ истины ея словъ. Все семейство въ отчаяніи, ибо всѣ безъ памяти отъ храбраго молодца, а онъ, получивши отпускъ, является посреди его живъ и здоровъ. Тутъ-то Раstopчинъ, подъ маскою разгнѣваннаго старца, принимается позорить злую вѣщунью, ее и подобныхъ ей особъ обоюга пола, а она отбрасывается по своему. Вотъ неважное содержаніе піесы; послѣдняя сцена составляетъ двѣ трети оной и, кажется, для нея она была и написана *.

Когда въ 1809 году императоръ посѣтилъ Москву, то въ первый разъ по воцареніи увидѣлъ Раstopчина, сталъ разговаривать съ нимъ и былъ увлеченъ силою и ясностію ума его. Тутъ же онъ сошелся и съ Екатериною Павловной, и вслѣдствіе ея приглашеній не разъ навѣщалъ ее въ Твери. Затѣмъ получилъ онъ еще лестнѣйшее приглашеніе прибыть въ Петербургъ, гдѣ его сдѣлали оберъ-каммергеромъ и членомъ государственнаго совѣта, съ дозволеніемъ жить въ Москвѣ, откуда, по сдѣланной привычкѣ, онъ рѣдко отлучался. Говорятъ, что онъ былъ въ числѣ обвинителей Сперанскаго и что письмо его о семъ предметѣ сильнѣе всего на государя подѣйствовало.

Всѣ жители Москвы чрезвычайно обрадовались, когда въ началѣ мая 1812 года назначили его къ нимъ главнокомандующимъ, съ переименованіемъ въ военный чинъ: только

* Въ вѣстовщицѣ Маремьянѣ Бабровнѣ Набатовой всякій узналъ знаменитую лѣтъ сорокъ сряду законодательницу московскихъ го-
стиныхъ. Она была воплощенная неблагопристойность, ругала дамъ въ глаза, толкала мужчинъ кулаками въ грудь или во что попало и была грозой женщинъ зазорнаго поведенія, пока онѣ совершенно ей не покорялись: тогда брала ихъ подъ свою защиту и покровительство. Поэтому можно сдѣлать о тонѣ тогдашнихъ московскихъ об-
ществъ.

радость была не продолжительна. Онъ выпрямился во всю вышину роста и ума своего, и вдругъ явился грознымъ повелителемъ, съ своими нахмуренными бровями, какъ бы Юпитеромъ-громовержцемъ: это было необходимо. Онъ зналъ дворянъ; зналъ также своеволие, предрасудки, повѣрія простаго народа; онъ зналъ, что сей послѣдній въ свирѣпомъ видѣ всегда предполагаетъ смѣлость и силу. Сжавъ тѣхъ и другихъ въ мощной рукѣ своей, онъ въ то же время умѣлъ овладѣть ихъ умами и привязать ихъ къ себѣ. Искусство удивительное, которое не умѣли у насъ довольно оцѣнить. Если вспомнить, что Москва имѣла тогда сильное вліяніе на внутреннія провинціи и что примѣръ ея дѣйствовалъ на все государство, то надобно признаться, что заслуги его въ семь году суть безсмертны.

Третье извѣстіе порадовало меня не менѣе двухъ первыхъ. Когда совсѣмъ потеряли надежду на миръ съ Турками, его заключили въ Бухарестѣ 26-го мая: онъ былъ если не весьма славенъ, то по крайней мѣрѣ весьма выгоденъ для насъ. Граница наша отъ Днѣстра отодвинута къ Пруту, на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ; что важнѣе того, Русскіе опять стали на берегахъ, давно, при первыхъ ихъ князьяхъ, знакомаго имъ и никогда не забытаго Дуная, вослѣдствіи въ ихъ старинныхъ пѣсняхъ; Бессарабія, мнѣ послѣ столь извѣстная, присоединена къ Россіи.

Сказывали, что Кутузовъ, столь же искусный дипломатъ какъ и воинъ, провѣдавъ, что скучая медленностію съ какою ведетъ онъ переговоры, государь рѣшился назначить ему премника (да еще какого же?), тайно просилъ о пособіи англійское посольство въ Константинополѣ, единственной столицѣ, гдѣ оно могло встрѣтиться съ французскимъ. Англія, съ которою не былъ еще возобновленъ у насъ союзъ, но которой желательно было умножить силы наши противъ заклятаго ея врага, употребила старанія свои, чтобы помочь Кутузову въ семь дѣлъ. Княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости было его наградою.

Черезъ два дня послѣ подписанія мирнаго трактата, прибылъ въ Бухарестъ адмиралъ, Павелъ Васильевичъ Чичаговъ, бывшій морской министръ, и Кутузовъ тогда съ удовольствіемъ передалъ ему главное начальство надъ арміей. Онъ по женѣ былъ Англичанинъ: при такомъ званіи въ 1807 году счелъ онъ для себя неприличнымъ оставаться въ министер-

ствѣ, когда Россія примирилась съ непріятелемъ имъ избраннаго отечества. Однакоже къ этому непріятелю отправился онъ въ Парижъ, и тамъ видно имѣлъ великій вѣсъ, ибо самъ собою пошелъ прямо къ Наполеону объявить ему, что при его свадьбѣ не подобаетъ русской великой княгинѣ Марьѣ Павловнѣ находиться въ толпѣ королей и великихъ герцогинь, долженствующихъ окружать его молодую императрицу. Смѣлость его была не безуспѣшна, и по возвращеніи его въ Россію для него не бесполезна. Этотъ самолюбивый и мстительный человѣкъ за все хватался и ни въ чемъ не имѣлъ удачи, а можетъ-быть, по нелюбви его къ родимому краю, неудачи его были и умысленныя. Такого человѣка, право, можно безгрѣшно подозревать, особливо послѣ знаменитаго дѣла, коимъ заключилъ онъ свое поприще.

Всѣ эти вѣсти утѣшали и нѣсколько успокаивали меня среди скорби, которая меня окружала, и заботъ, въ кои былъ погруженъ. Въ это время одно небольшое горе, если только можно назвать его симъ именемъ, посѣтило наше семейство. Вслѣдствіе неотступной просьбы къ Барклаю, тогда начальствовавшему надъ главною арміею, старшій братъ мой, Павелъ, былъ принятъ въ военную службу прежнимъ майорскимъ чиномъ и опредѣленъ въ Курляндскій драгунскій полкъ. Его по крайней мѣрѣ это чрезвычайно обрадовало; это стирало съ него провіантское пятно, и его увѣдомляли, что онъ долженъ принять сіе какъ знакъ особой милости, ему оказанной. Но для насъ разлука съ нимъ была весьма тягостна, особенно для меня, который терялъ въ немъ опытнаго помощника и друга. Въ первыхъ числахъ іюня отправился онъ въ армію.

Сколько лѣтъ семейство мое праздновало 12 іюня, день рожденія покойнаго родителя нашего. Въ этомъ году матери моей угодно было, чтобы сей день отпразднованъ былъ печальнымъ обрядомъ поминовенія надъ его могилою. Ни сама она, ни меньшая сестра, по совершенному разстройству нервъ, не могли тамъ находиться. Мы одни съ старшею сестрой отправились въ село Симбухино и встрѣтили тамъ архимандрита и соборныхъ протоіереевъ съ церковнымъ причтомъ. По окончаніи обѣдни и торжественной панихиды, довольно роскошно угощали мы ихъ трапезой, въ домѣ, недавно отдѣланномъ покойникомъ. Горесть мою время смягчило, ослабило и во время богослуженія молился я усердно

о душѣ даваго мнѣ жизнь, но признаюсь, безъ чувства первой глубокой печали. Во время же обѣда и совершаемой по немъ трапезы, вдругъ почувствовалъ я сильное волненіе въ груди, непонятныя мнѣ грусть и тоска овладѣли мною, и стараясь скрыть невольныя слезы, я даже зарыдалъ: дѣло чудное, въ семь тяжкомъ чувствѣ былъ какой-то и восторгъ. Пусть не вѣрятъ предчувствіямъ, пусть смѣются надъ ними, а мнѣ столько разъ возвѣщали они печали и радости, что я принужденъ въ нихъ вѣрить. Наполеонова армія въ этотъ день переправлялась черезъ Нѣманъ.

Съ конца мая въ Пензѣ царствовала мертвая тишина; всѣ помѣщики развѣхались по деревнямъ, и самъ губернаторъ, пользуясь даннымъ ему правомъ, съ семействомъ и братьями жилъ у матери въ Зубриловкѣ. Я тоже только два раза въ недѣлю покидалъ Симбухино, чтобы навѣстить мою мать, которой отсвѣтовали жить въ деревнѣ и которая, оставивъ прежде занимаемый ею собственный домъ, гдѣ, какъ говорила, лишилась она своего счастья, жила на горѣ, близъ рощи, въ самомъ уединенномъ углу Пензы, въ небольшомъ домикѣ, состоящемъ изъ трехъ или четырехъ келій. Я не скучалъ деревенскою жизнію и моимъ одиночествомъ; занимался хозяйствомъ, читалъ книги изъ множества въ послѣднее время отцомъ моимъ купленныхъ, гулялъ по саду, имъ насаженному, бродилъ по рощамъ, наше селеніе окружающимъ, иногда для перемѣны ѣздилъ верхомъ. Ничто не говорило о войнѣ, лѣто стояло прекраснѣйшее, и все было такъ успокоительно. Передъ ярмаркой, къ 24 іюня, всѣ опять начали собираться. Въ это время былъ тутъ, не помню, изъ арміи или изъ Петербурга, какой-то свитскій полковникъ Энгельсонъ, проѣздомъ въ Оренбургъ. Онъ всѣмъ разказывалъ, что ничего еще не слыхать о разрывѣ съ Наполеономъ, что посоль его, Лористонъ, все еще находится въ Петербургѣ и со многими бьется объ закладъ, что войнѣ не бывать, и что самъ онъ полагаетъ, что безъ нея дѣло обойдется. Я не видѣлъ его, но слышанному повѣрилъ съ провинціальнымъ легковѣріемъ. Находятъ же на людей дни глупости и на меня чаще чѣмъ на другихъ. Газеты наши, правда, были скромнѣе нежели когда-либо; однакоже и въ нихъ видѣли мы, что Наполеонъ прибылъ въ Дрезденъ, что онъ предѣдательствуетъ въ сонмѣ королей, какъ бы для совѣщанія о великомъ предпріятіи, что самъ тестюшка, импера-

торъ австрійскій, явился тутъ болѣе въ видѣ главнаго васала чѣмъ союзника его и, наконецъ, что король прусскій (точные слова газеты) всячески старается ему угодить и ни въ чемъ не смѣетъ отказывать. И послѣ того думать, что громовыя тучи, со всѣхъ концовъ сошедшіяся, сгустившіяся, навислыя, безъ столкновенія опять разойдутся! Однакоже, оно было такъ и, что всего страннѣе, въ Вильнѣ точно также, какъ и въ Пензѣ. И еслибы даже предполагать возможность возобновленія союза съ этимъ человѣкомъ, то можно ли было надѣяться, что сіе будетъ безъ величайшихъ жертвованій для чести и выгодъ Россіи? А въ такомъ случаѣ всякому благородно-мыслящему Русскому должно было желать войны, какъ послѣдняго, отчаяннаго средства. Но мы были какъ боязливые люди, которые, встрѣчаясь съ чѣмъ-нибудь ужаснымъ, закрываютъ глаза.

Ярмарка была чрезвычайно многолюдна и шумна. Сдѣлавшись сперва гораздо спокойнѣе, сталъ я и повеселѣе: не отказывался отъ званыхъ обѣдовъ и даже въ Петровъ день, 29-го іюня, конецъ кратковременной ярмарки, хотя будучи въ траурѣ и не имѣлъ права быть на балѣ, который дворянство давало во вновь выстроенной большой галлерей, разгуливалъ, однакоже, въ освѣщенномъ вокругъ нея садѣ и все видѣлъ. Я попросилъ бы читателя припомнить себѣ нѣкую К., жену любителя и содержателя театра, а тутъ уже вдову, которая, имѣя гораздо болѣе сорока лѣтъ, любила еще невиннымъ образомъ пококетничать. Она избрала себѣ въ обожатели равнаго себѣ, князя Василія, одного изъ меньшихъ братьевъ губернатора: онъ будто бы влюбленъ былъ въ нее, а я будто бы ревновалъ. Гдѣ-то на вечерѣ 30-го іюня, пригласила она обоихъ насъ на слѣдующее утро къ ней завтракать, а мы уговорились между собою, чтобъ играть у нея роли, ему торжествующаго, а мнѣ отчаяннаго любовника. Въ пріятномъ ожиданіи этой комедіи, заснулъ я, не зная что на другой день меня ожидаетъ.

IV.

Часу въ одиннадцатомъ утра, 1-го іюля, зашелъ я къ Г., которые жили отдѣльно отъ брата въ купленномъ ихъ матерью особомъ домѣ. Я сталъ торопить князя Василія, чтобъ онъ скорѣе одѣвался, и мы совсѣмъ готовы

были въ походъ, какъ вдругъ вбѣжалъ самый меньшей изъ братьевъ Г., Владиміръ, всегдашній повѣса и вѣчный хохотунъ, въ столь смущенномъ видѣ, что, вѣроятно, онъ разъ въ жизни только его имѣлъ. Онъ пришелъ отъ князя Григорія и вотъ что онъ намъ разказалъ: чиновникъ, посланный отъ губернатора съ гуртомъ быковъ, пожертвованныхъ дворянствомъ, не могъ довести ихъ до мѣста ихъ назначенія, ибо довольно далеко отъ него встрѣтилъ онъ армію, поспѣшно ретирующуюся и съ трудомъ могъ добиться кому ихъ сдать. Онъ воротился на курьерскихъ и сказывалъ, между прочимъ, что Наполеонъ уже въ Вильнѣ. Я былъ пораженъ извѣстіемъ, но не менѣе того изумленъ дѣйствиемъ, которое произвело оно на Василя Г.; онъ поблѣднѣлъ, и право не отъ страха, и выронилъ изъ рукъ трость, которую держалъ. Какъ? и это тѣ легкомысленные мальчики, которыми отъ роду серьезная мысль не входила въ голову! О, Господи, подумалъ я, дай, чтобы вторженіе Французовъ во всѣхъ произвело подобное дѣйствіе, и мы спасены. „Нѣтъ, видно намъ сегодня не идти къ К.,“ сказавъ Василій. „И я то же думаю“, отвѣчалъ я, и мы послали слугъ съ извиненіемъ.

Задумавшись, медленными шагами пошелъ я домой, и вотъ какъ разсуждалъ я: невозможно, чтобы армія такъ быстро отступала, не проигравъ генеральнаго сраженія; теперь гдѣ она остановится? этому человѣку открыть путь во внутрь Россіи, и что съ нами будетъ! Я одинъ занималъ собственный домъ, въ коемъ скончался отецъ мой, довольно далеко отъ наемной квартиры, которую мать моя занимала, и все временилъ, чтобы идти къ ней, не зная какъ ей объявить нерадостную вѣсть; но я нашель, что она объ ней уже знала и гораздо болѣе меня.

Почта изъ столицъ обыкновенно приходила по понедѣльникамъ чѣмъ-свѣтъ; въ этотъ день, который также былъ понедѣльникъ, она опоздала нѣсколькими часами. Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, которыя привезла она, находился рескриптъ государя на имя графа Салтыкова, предсѣдателя государственнаго совѣта, который можно было почитать объявленіемъ войны *. Въ прибавленіяхъ припечатано было

---

* Нѣкоторые люди находили, что рескриптъ этотъ показываетъ большую робость, потому что Наполеонъ въ немъ не былъ разру-

извѣстіе о понятномъ движеніи корпусовъ первой арміи, дабы болѣе сосредоточить ее. Рескриптъ былъ отъ 13 іюня изъ Вильны; пока онъ дошелъ до Петербурга, оттуда до Москвы, тамъ напечатанъ и по почтѣ у насъ полученъ, прошло 18 дней; газеты успѣли доставить къ матери моей и до меня еще успѣли ей прочитать ихъ.

Нельзя мнѣ было не удивиться внезапной переменѣ, которую нашелъ я въ ней. Она съ мужемъ похоронила свое счастье, всѣ радости свои и почитала себя чуждою всему что происходитъ въ мірѣ семь. Такъ оно и было, пока голосъ отечества не отозвался въ сердцѣ ея; гибель ему грозящая дала ей почувствовать, что на свѣтѣ есть еще что ей любить, за что ей страшиться. Она какъ будто ожила и вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпилась вѣрою: я нашелъ ее почти спокойною. Видя мое уныніе, она сказала мнѣ только: „молись, молись, повѣрь, это одно только можетъ спасти насъ“. И такъ, появленіе врага, особъ разнаго пола и возраста въ одинъ мигъ заставило забыть и горе и веселіе.

Къ печальному и великому какъ часто примѣшивается и смѣшное. Вскорѣ послѣ меня пріѣхала къ матери моей разгнѣванная К. и самымъ неучтивымъ образомъ принялась упрекать меня въ неучтивости: она никакъ понять не могла, что съ полученнымъ извѣстіемъ можетъ имѣть общаго приготовленный ею на-славу завтракъ; я даже не хотѣлъ и слушать ея. Наконецъ вступилась за меня мать моя, которая гораздо старѣе ея была лѣтами и подобно ей не была воспитана въ Смольномъ монастырѣ, но была гораздо богаче ея умомъ и чувствами. Она сказала ей: „И, матушка, полно, объ чемъ тутъ толковать; да пропадай твой завтракъ, до него ли, подумауй.“ Тогда она оставила меня въ покоѣ.

По прочтеніи газетъ у меня немного отлегло на сердцѣ. „Стало-быть армія цѣла, сказалъ я самъ себѣ, да еще ихъ четыре, какъ вижу изъ газетъ, первую и второю начальствуютъ Барклай и Багратіонъ, третья резервная подъ начальствомъ Торماسова, а четвертую изъ Молдавіи ведетъ Чичаговъ. Еслибъ имъ сойдтись на какомъ-нибудь укрѣпленномъ пунктѣ, то кажется трудно будетъ Наполеону разбить

ганъ. Я замѣтилъ имъ, что человѣкъ, который говоритъ, что не положить оружія, пока единый непріятель останется въ землѣ его, напротивъ, долженъ быть исполненъ твердости и рѣшимости.

ихъ.“ Не менѣе того ободрило меня совершенное перерожденіе большой части нашихъ помѣщиковъ; они не хвастались, не храбрились, а показывали спокойную рѣшимость жертвовать всѣмъ, и жизнью, и состояніемъ, чтобы спасти честь и независимость Россіи. Весьма не многіе не объ ней думали, а о своей особѣ и о своемъ ларцѣ, и тѣ втихомолку только вздыхали. Все это похоже было на чудо, совершающееся въ глазахъ нашихъ.

Я опять уѣхалъ въ деревню, но жизнь моя тамъ не была уже какъ прежде спокойна и безмятежна; часто не понималъ я что читаю и, прогуливаясь, иногда сбивался съ дороги. Больше всего страшилъ меня поносный миръ послѣ рѣшительной побѣды надъ нашею арміею. Въ городѣ ѣздилъ я только по почтовымъ днямъ за новостями; въ газетахъ ничего не видѣлъ такого, что бы могло умножить наши опасенія, за то и ничего утѣшительнаго въ нихъ не находилъ. Казалось сперва, что войска наши хотятъ упереться на Двину, но потомъ замѣтно было, что и за эту линію намѣрены перейти. Такъ оно было по 19 іюля.

Въ этотъ день къ вечеру пріѣхала навѣститъ меня восьмидесятилѣтняя старушка, мамушка моя, Аксинья Ивановна, которую можно найти въ началѣ моихъ воспоминаній о давнопрошедшемъ. Между разговорами сказала она мнѣ, что въ городѣ большая суматоха, что пришелъ, дескать, указъ, и назначенъ престрашный рекрутскій наборъ, по четыре чело-вѣка со ста душъ. Это меня озадачило: что-то не къ добру подумалъ я, — вѣдь это почти поголовщина. Ночью я мало спалъ и рано поутру поскакалъ въ Пензу.

Дѣло совсѣмъ не было такъ страшно какъ я вообразилъ себѣ. Никакой побѣды Французъ еще не одержалъ надъ Русскими, но 18-го числа полученъ былъ съ курьеромъ знаменитый манифестъ изъ Полоцка отъ 6-го іюня, въ коемъ государь, величая дворянъ Пожарскими, купцовъ Миниными и духовенство Палицыными, всѣхъ призываетъ къ оружію. Ему неизвѣстно, кажется, еще было, что силы, Наполеономъ противъ насъ собранныя, несмѣтны: шестьюстами тысячъ воиновъ предводительствовалъ этотъ искусный и счастливый полководецъ, и его европейская орда была посильнѣе Батыевой. И, о диво! этотъ манифестъ, *saive qui peut*, который могъ бы привести въ отчаяніе жителей другой страны, вдругъ возвысилъ духъ нашихъ согражданъ. Они увле-

чены были величіемъ зрѣлища, въ коемъ отечество наше готовилось сразиться съ дѣлою частію міра, и почувствовали, что хотять и должны быть въ немъ дѣйствующими лицами.

Губернаторъ дожидался только распоряженій правительства, чтобы созвать дворянство: они получены съ почтою 22 іюля. Народное ополченіе должно составить изъ трехъ главныхъ отдѣленій; главноначальствующими надъ нимъ назначены: въ Петербургѣ, прибывшій изъ Бухареста князь Михаилъ Ларионовичъ Кутузовъ, въ Москвѣ графъ Раstopчинъ, въ Нижнемъ Новгородѣ графъ Петръ Александровичъ Толстой, бывшій военный губернаторъ въ Петербургѣ, бывшій посолъ въ Парижѣ; по полученнымъ въ тотъ же день извѣстіямъ сей послѣдній прибылъ уже къ мѣсту назначенія своего. Въ составъ третьяго отдѣленія входила и Пензенская губернія, которая одна должна была выставить 10 тысячъ ратниковъ.

По письмамъ изъ Москвы, съ тою же почтою полученнымъ, узнали мы, что государь, оставивъ армію, явился въ ней печальный, встревоженный. Описывали въ нихъ почтительное къ нему состраданіе дворянства и купечества, трогательныя ихъ сцены съ нимъ; какъ одинъ смѣлый купецъ подступилъ къ нему и сказалъ: „батюшка, посмотри здѣсь сколько насъ, а въ Россіи у тебя насъ въ тысячу разъ больше; когда ни одного не останется, когда всѣхъ перебьютъ, тогда только унывай“. Между тѣмъ, старая огнемъ любви къ отечеству, отважный, неутомимый Раstopчинъ всѣми силами раздувалъ благородное пламя между жителями вѣрннаго ему города; и онъ успѣлъ пробудить въ нихъ, давно уснувшій въ лѣни и праздности, доблестный духъ предковъ ихъ. Подобно нашимъ знатымъ, былъ онъ воспитанъ за границею и зналъ въ совершенствѣ иностранныя языки, но тѣмъ отличался отъ вельможныхъ, что славно выучился и отечественному и не гнушался даже простонароднымъ. Онъ пригодился ему, когда среди военія, произведеннаго грозными обстоятельствами, ежедневно разговаривалъ онъ съ народомъ посредствомъ печатныхъ афишекъ, которыя приправлялъ онъ разными прибаутками и крими веселилъ, ободрялъ и воспламенялъ его къ добру. Эта была не обыкновенная война государства съ государствомъ, а великое возстаніе, общее дѣло, въ которомъ необходимо было и простой народъ сдѣлать участникомъ.

Все съ тою же почтою семейство наше обрадовано было письмомъ отъ брата изъ арміи. Болѣе мѣсяца не имѣли мы

объ немъ никакого извѣстія послѣ послѣдняго письма его изъ Москвы. Онъ увѣдомлялъ насъ, что пользуется особымъ случаемъ писать къ намъ, а что сообщенія весьма затруднены. Мы не понимали отчего это? вѣроятно, чтобы внутри государства не знали навѣрное что происходитъ въ арміи.

Извѣстія изъ нея, офиціально объявляемыя, становились однакоже живѣе и любопытнѣе. Пораженіямъ Французовъ Платовымъ при Мирѣ, Остерманомъ при Островнѣ и Багратиономъ при Дашковѣ мы что-то плохо вѣрили и почитали ихъ болѣе стычками, въ которыхъ едва удалось непріятелю дать отпоръ. Я былъ не великій стратегикъ и не умѣлъ понять, что дѣло Багратиона стоить великой побѣды, ибо онъ пробился сквозь французскую армію, чтобы соединиться съ Барклаемъ, тогда какъ намѣреніе Наполеона было непременно отрѣзать его. Но первая, настоящая побѣда графа Витгенштейна при Клястицахъ всѣхъ чрезвычайно восхитила. Не было обѣда, даже семейнаго, на которомъ бы не пили за здоровье побѣдителя. Имя его, дотолѣ вовсе неизвѣстное, съ шумомъ пронеслось по всей Россіи; всѣ находили, что спасеніе часто приходитъ къ намъ оттуда, откуда мы его не ожидаемъ, и оттого еще болѣе утверждались въ вѣрѣ на помощь Всевышняго.

Въ Москвѣ, послѣ посвѣщенія сдѣланнаго ей государемъ (который, пробывъ два дня, отправился въ Петербургъ), все закипѣло, все запылало усердіемъ къ великому дѣлу спасенія отечества. Все въ ней дѣлалось на широкую руку. Но боярское тщеславіе и тутъ не забыло себя высказать: молодые люди, знатные и богатые, не властвующіе однакоже милліонами, мѣтившіе въ вельможи или, лучше сказать, по праву наслѣдства почитающіе себя ими, предложили на свой счетъ сформировать полки, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ они назначены были ихъ шефами и полки носили ихъ имена. Отставной гвардіи ротмистръ, графъ Салтыковъ, добрый малый, о которомъ мнѣ случилось упоминать, сынъ графа Ивана Петровича, обремененный долгами, взялся поставить гусарскій полкъ; казачій конный полкъ началъ собирать надменный мальчикъ графъ Мамоновъ, который въ послѣдствіи отъ спѣси сошелъ съ ума, сынъ одного изъ любимцевъ Екатерины, первый изъ Мамоновыхъ родившійся графомъ; камеръ-юнкеръ князь Николай Сергѣевичъ Гагаринъ хотѣлъ набрать егерскій полкъ, а Николай Никитичъ Демидовъ, всѣхъ ихъ

вмѣстѣ гораздо богаче, чтобы не отстать, довольствовался простымъ пѣхотнымъ. Купцы не брались формировать полки, но такъ и посыпали золотомъ. Въ Петербургѣ безъ шуму, безъ преувеличенія, безъ возгласовъ, дѣло шло точно также; не щадили капиталовъ, поспѣшно и дѣятельно собирали и вооружали войско.

Дошла и до насъ очередь. Въ концѣ іюля стѣхалось дворянство, чтобы приступить къ расчету суммъ, потребныхъ на обмундированіе и вооруженіе десяти тысячъ воиновъ и къ назначенію мѣръ для исправнаго собиранія ихъ съ помѣщиковъ по числу душъ ими владѣемыхъ; также должно оно было поспѣшить избраніемъ какъ начальника всего ополченія, такъ и полковыхъ и сотенныхъ начальниковъ. Дѣло пошло какъ нельзя лучше. Отставныхъ военныхъ штабъ и обер-офицеровъ не было и десятой доли противъ нынѣшняго, а все-таки ихъ было много; не сыскалось ни единого, который бы пожелалъ остаться дома, всѣ явились на службу. Однако же для пополненія всѣхъ мѣстъ ихъ было недостаточно: дозволено было гражданскимъ чиновникамъ, служащимъ и отставнымъ, вступать въ ополченіе, только съ потерей двухъ или трехъ чиновъ; это никого не удержало, сотни предложили свои услуги. И это были не одни помѣщики и дѣти ихъ, канцеляріи присутственныхъ мѣстъ начали пустѣть. Наконецъ, множество семинаристовъ, сыновей священниковъ и церковнослужителей, бросились въ простые рядовые, впрочемъ будучи увѣрены, что какъ людей письменныхъ, грамотныхъ, не замедлятъ ихъ сдѣлать урядниками.

Начальникомъ пензенскаго ополченія былъ выбранъ отставной генераль-майоръ Николай Федоровичъ Кишенскій, который давно уже не служилъ, однако же былъ еще не старъ. Онъ рѣшился жениться на дочери одного Александра Васильевича Салтыкова, не знаю почему прозваннаго а-ла-Кокъ, который умеръ не успѣвъ промотать послѣднее имѣніе свое, тысячи полторы душъ въ селѣ Безсоновкѣ, подѣ самой Пензой находящихся. Госпожа Кишенская прожила не долго, и умирая, все имѣніе отказала мужу. Онъ былъ человекъ дюжій, широкоплечій, довольно простой, ласковый, даже черезчуръ, ибо обходился со всѣми, какъ говорится, за-панибрата. Его генеральскій чинъ, мужественный видъ, обходительность и большое состояніе рѣшили выборъ дворянства.

Многіе изъ помѣщиковъ опасались, чтобы приближеніе фран-

цузской арміи и тайно подсланные отъ нея люди, прельщеніями, подговорами не возмущили противъ нихъ крестьянъ и дворовыхъ людей. Напротивъ, въ это время казалось, что съ дворянами и купцами слились они въ одно тѣло. Ничто такъ не раздражаетъ душу, какъ зрѣлище обыкновенныхъ рекрутскихъ наборовъ, отовсюду слышны стонъ и вой. Мирные поселяне, отъ самаго рожденія привычкою прикованные къ землѣ, не имѣютъ другихъ желаній, кромѣ хорошаго урожая; повышеніе, слава суть для нихъ слова непонятныя: вдругъ отрываютъ ихъ отъ всего роднаго, привычнаго; они трудолюбивы и не знаютъ боязни, но невѣдомое ужасаетъ ихъ, всѣ ближніе ихъ живо хоронятъ; что удивительнаго, если горькій плачь и ропотъ всегда бываютъ при исполненіи сего насильственнаго дѣйствія? Тутъ, при наборѣ ратниковъ, видѣли мы совсѣмъ тому противное; радость была написана на лицѣ тѣхъ, на коихъ палъ жребій, семейства ихъ, жены, матери осыпали ихъ ласками, цѣловали, миловали, дарили чѣмъ могли; „голубчикъ, вѣдь ты идешь за насъ, да за Божье дѣло“, повторяли они.

Названія дружинъ, ратниковъ ополченія, совершенно отечественныя, всѣмъ были пріятны. Самый нарядъ ополченныхъ, совсѣмъ уже не богатый, но отличающій ихъ отъ линейнаго войска, чрезвычайно всѣмъ понравился. Онъ состоялъ изъ казацкаго платья, кафгана и шароваръ свѣтлосѣраго простаго сукна съ зеленымъ воротникомъ, цвѣтомъ пензенскаго герба. Офицеры и ихъ начальники имѣли право носить тонкое сукно и напечники, имя, которое хотѣли дать тогда эполетамъ: ратникамъ же, имѣющимъ бороду, дозволено было и даже велѣно не брить ее. Вооруженіе состояло изъ самыхъ простыхъ сабель и пикъ; другаго оружія достать было негдѣ и не на что; правительство обѣщало само доставить его. Наконецъ, шапка, украшенная мѣднымъ крестомъ, къ которому, подобно Лудовику XI, многіе изъ ратниковъ прикладывались, прежде чѣмъ ее надѣвали, довершала давать этому сборищу видъ воинства Христова. Все это было въ такомъ восторженномъ состояніи, что право описать его нельзя.

Читателю покажется удивительнымъ, что при описаніи всеобщаго сильнаго движенія умовъ, я ничего не упоминаю о себѣ. Человѣкъ этотъ видно толковалъ все о любви къ отечеству, пока дѣло не дошло до опасности, скажетъ онъ. Я

никогда не хвастался храбростію и мнѣ пріятно думать, что сограждане мои въ этомъ году превзошли меня въ патриотическихъ чувствахъ. Но въ прекрасномъ чаду, въ которомъ кружились тогда всѣ головы и который, увы, въ слѣдующемъ же году разсѣялся, никто не думалъ о жизни; и мнѣ оставалось, никого не возбуждая, слѣдовать только общему примѣру: я такъ и сдѣлалъ. Ни съ кѣмъ не посоветовавшись, пошелъ я къ генералу Кишенскому и предложилъ ему себя: не имѣя никакого понятія о фронтальной службѣ, и полагая, что подъ неприятельскимъ огнемъ все равно быть, начальствуя ли взводомъ, исполняя ли приказанія начальника, я сказалъ ему, что мнѣ бы пріятно было находиться при его высокой особѣ. Тогда принявъ видъ уже главнокомандующаго, объявилъ онъ мнѣ, что число желающихъ окружать его очень велико и что потому затрудняется онъ исполнить мою просьбу. Не обидясь отказомъ человѣка, съ которымъ нѣсколько дней передъ тѣмъ, опасаясь скуки, я не охотно вступалъ въ разговоры, такъ почтительно, такъ убѣдительно повторилъ я свою просьбу, что наконецъ изъяснилъ онъ согласіе и черезъ два дня велѣлъ подать просьбу.

Но въ тотъ же день успѣлъ онъ разказать въ городѣ о моленіяхъ моихъ, о моей настойчивости. Если не обманываетъ меня самолюбіе, то я вижу тутъ маленькое его хвастовство: въ Пензѣ не прослылъ я человѣкомъ слишкомъ низкопоклоннымъ. Разумѣется, на другой же день дошло это до матери моей, которая, призвавъ меня, слезно стала убѣждать оставить мое намѣреніе. Она обратила ко мнѣ сію для самолюбія моего не совсѣмъ лестную рѣчь: „Послушай, братъ и зять твой на войнѣ, имѣніе разстроено, ты видишь въ какомъ я положеніи, мы съ сестрами твоими безъ тебя совершенно сироты; я знаю, мушкетеръ ты ледащій, да все-таки мушкетеръ; пока ты тутъ, все-таки есть у насъ опора и защита. Подумай, и въ крестьянской семьѣ послѣдняго не берутъ въ рекруты; много ли въ войскѣ однимъ собою ты прибавишь? Ну, если Всевышнему такъ угодно чтобы злодѣй добрался и до насъ, тогда удерживать тебя не буду, ступай съ Богомъ, я сама благословлю.“ Не знаю, на моемъ мѣстѣ кто-либо другой поступилъ ли бы иначе какъ я. Скоро представился случай, въ этой экстраординарной службѣ и мнѣ не остаться бесполезнымъ.

Съ тою же почтительною покорностію, съ которою ходилъ я просить генерала Кишенскаго, пошелъ я благодарить его за данное мнѣ позволеніе и объяснить невозможность воспользоваться имъ. Въ Пензѣ, гдѣ дворянство почти всегда не въ мѣру было спѣсиво и гдѣ состояніе всегда предпочталося чинамъ, вы бы съ удивленіемъ увидѣли почтеніе и послушаніе оказываемыя людьми довольно богатыми, вступившими въ ополченіе, тѣмъ, кои становились ихъ начальниками. Самолюбіе было первою жертвою, которое дворянство, въ этотъ чудный годъ, предавало закланію на жертвенникѣ отечества. Самый простой народъ сдѣлался гораздо смѣлѣе въ поступки и рѣчахъ *, за то въ дѣйствіяхъ никогда не показывалъ такого повиновенія. Право, глядя на все это, сердце не нарадовалось. Это всегда спасало Россію и отличало отъ другихъ государствъ, какъ напримѣръ отъ Польши или отъ Франціи. Тамъ лишь народъ почуветь, что узда опущена и что онъ дѣлается нуженъ, начнетъ шумѣть, бурлить, и съ нимъ не сладить.

Въ первой половинѣ августа начали появляться у насъ, еще не эмигранты изъ захваченныхъ Наполеономъ областей, — дотолѣ все были однѣ такъ-называемыя польскія губерніи, — а ссыльные по высочайшему повелѣнію.

Первою была графиня Рыщевская, урожденная Холоневская, богатая и пожилая Польшка, которая слишкомъ много любила заниматься политикою. Волынскій губернаторъ, Михаилъ Ивановичъ Комбурлей, не могъ остаться равнодушнъ, зная о воззваніяхъ ея къ помѣщикамъ, когда непріятельская армія показалась въ Россіи: по праву ему данному, въ критическихъ обстоятельствахъ, въ коихъ находилась его губернія, онъ именемъ государя отправилъ ее во внутреннія губерніи, и Пензѣ досталась она на долю. Нѣкоторые, только весьма немногіе, обвиняли Комбурлея въ жестокости къ слабой женщинѣ, знатной и образованной, но вскорѣ всѣ ее раскусили. Въ ней былъ самый злой поло-

---

* Я помню одного стараго слугу, который съ своими господами довольно свободно вступалъ въ разговоры и самъ съ молодымъ баринкомъ попросился въ ополченіе. „Что это господа, говорилъ онъ, вѣдь все это, тамъ народъ молодой намъ накуралесилъ; раздражили мужика сердитаго а теперь что дѣлать, хотъ головы положимъ, пойдемъ выручать.“

низмъ, умѣряемый свѣтскимъ знаніемъ и пріятнымъ обхожденіемъ, и если въ глубинѣ Россіи, въ заточеніи своемъ, она не хотѣла скрывать ни желаній, ни надеждъ своихъ, видя себя окруженною народомъ, вооружающимся для сопротивленія ихъ исполненію, то можно посудить о дѣянiяхъ ея, когда она находилась на свободѣ и на Волыни. Она наняла самый лучшій домъ въ Пензѣ, привезла съ собою славнаго повара и сдѣлала визиты всѣмъ дамамъ, изъ коихъ весьма немногія ихъ отплатили ей. Мать моя, которая ни къ кому не ѣздила, и не зная иностранныхъ языковъ, не могла съ ней объясниться, передала ее моему угощенію. Мы очень хорошо сошлись; было намъ о чемъ потолковать. Я долженъ былъ прикидываться раздѣляющимъ не чувства ея, а мнѣнія насчетъ неизбѣжнаго паденія Россіи. *Но однакоже*, всегда оканчивалъ я тѣмъ наши разговоры, что начиналъ, какъ умѣлъ, указывать на средства къ ея спасенію и даже возвеличенію. Сіи часто повторяемые *однакоже* начинали ее сердить, и какъ она была женщина умная, то и не могла не догадаться, что я всепокорнѣйше ее дразню. Она не вытерпѣла и стала мнѣ грубить; я тоже снялъ маску и самымъ учтивымъ образомъ язвилъ ее національное самолюбіе. Мы, слава Богу, наконецъ совсѣмъ поссорились.

Другой изгнанникъ былъ Французъ въ русской службѣ, полковникъ Радюльфъ, который сосланъ былъ за то, что не согласился идти воевать противъ соотечественниковъ. Всѣ косились на него, а мнѣ понравился онъ, какъ человекъ скромный, честный, который, не принадлежа къ дореволюціонной Франціи, хотѣлъ исполнить долгъ свой; въ самой ссылкѣ его видѣлъ я одну мѣру предосторожности правительства. Третій, вѣроятно, по ошибкѣ попалъ въ Пензу; его бы слѣдовало отправить въ Нерчинскъ, ибо онъ былъ совершенно каторжный. Я слыхалъ и читывалъ о санкюлотизмѣ, бывшемъ въ ужаснѣйшіе и отвратительнѣйшіе дни французской революціи, а не имѣлъ объ немъ настоящаго понятія; онъ мнѣ предсталъ въ лицѣ г. Магіё. Наглость и дерзость, безаравственность и невѣріе, перешли въ немъ за границы возможнаго. Не понимаю, какъ пустили его въ Россію, а еще менѣе какъ одна вѣжная и попечительная мать могла поручить ему воспитаніе любимѣйшаго сына? Мальчикъ, съ сердцемъ вѣжнымъ и благороднымъ, съ умомъ бысропонятливымъ и любознательнымъ, съ дарованіями

необыкновенными, которые могли бы послужить къ чести и пользѣ отечества, отъ пагубныхъ правилъ почти въ младенчествѣ внушенныхъ ему симъ отравителемъ, сдѣлался почти преступнымъ и кончилъ несчастную жизнь, едва перешедъ за обыкновенную половину пути ея. И въ глубокой старости, гордая и упрямая мать не хочетъ сознаться, что она была главнѣйшею, единственною виной гибели сыновей своихъ. Я бы назвалъ ее, но теперь еще не до нея. Въ послѣднее время находился онъ при образованіи сына графа Хвостова, котораго шурина князь Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ управлялъ тогда министерствомъ военнымъ, на время командованія Барклаемъ одною изъ дѣйствующихъ армій. Вслушавшись въ дерзкія рѣчи его, Горчаковъ счелъ его опаснымъ и отправилъ въ Пензу, а онъ тамъ разказывалъ, будто это сдѣлано было съ намѣреніемъ разорвать любовныя связи его съ какою-то кузиной Горчакова (какъ всякій Французъ, который самохвальству своему честь женщинъ приносить въ жертву): но никто не хотѣлъ ему вѣрить.

Наканунѣ Успеньева дня пришли мнѣ сказать, что нѣкто Мордвиновъ желаетъ меня видѣть. Я одѣлся наскоро, чтобы къ нему выйдти, и взглянувъ на него изумился: я не имѣлъ понятія о необыкновенной красотѣ, которую можетъ имѣть старость. Передо мною былъ человекъ не съ большимъ лѣтъ шестидесяти, невысокаго роста, одѣтый съ изысканною опрятностью, въ черномъ фракѣ не новаго покроя, съ расчесанными и на обѣ стороны распущенными бѣлыми волосами, съ необычайною живостію во взорахъ, съ удивительною пріятностію въ голосѣ, что-то напоминающій собою вексфильдскаго священника; передо мною былъ прославившійся въ государствѣ, Николай Семеновичъ Мордвиновъ. Пріѣхавъ наканунѣ вечеромъ въ Пензу, онъ съ семействомъ своимъ, состоящимъ изъ жены, трехъ молодыхъ дочерей и малолѣтнаго сына, остановился въ какомъ-то заѣзжемъ домѣ, въ нижней части города. Неизвѣстно по какимъ причинамъ, находясь въ службѣ, намѣревался онъ провести у насъ всю зиму и для того искалъ для себя удобную квартиру. Какъ лучший домъ былъ занятъ Полькою Рыщевской, ему указали на нашъ, который не великъ и не красивъ былъ, однакоже чрезвычайно помѣстителенъ; но мать моя, переѣхавъ изъ него, не хотѣла ни отдавать его въ наймы, ни сама возвращаться

въ него, а оставить его въ томъ видѣ, въ которомъ онъ находился въ минуту кончины отца моего. Смущенный внезапнымъ появленіемъ Мордвинова, я не умѣлъ порядочно съ нимъ объясниться и почтительно повелъ его показывать ему комнаты. Онъ остался доволенъ какъ числомъ, такъ и расположеніемъ ихъ и вдругъ спросилъ меня о цѣнѣ? Еще болѣе смѣшавшись, я запросилъ 1500 рублей въ годъ, сумму тогда необъятную въ провинціи, въ надеждѣ, что онъ начнетъ торговаться, и я могу отослать его къ настоящей владѣльцѣ дома. Но онъ этого не сдѣлалъ и въ мигъ согласился дать мнѣ требуемую сумму. Тогда рѣшился я объявить ему, что мнѣ нужно переговорить о томъ съ матерью, а онъ сказалъ мнѣ, что за отвѣтомъ самъ придетъ къ ней послѣ обѣда. Скорѣе побѣждалъ я къ ней и не безъ труда могъ получить ея согласіе, представляя ей, что само небо, кажется, со всѣхъ сторонъ посылаетъ намъ средства къ скорѣйшей уплатѣ долговъ нашихъ.

Неожиданный пріѣздъ столь знаменитаго человѣка, каковъ Мордвиновъ, бывшаго морскаго министра, настоящаго представителя одного изъ департаментовъ государственнаго совѣта, въ другое время взволновалъ бы весь нашъ губернский городъ. Тутъ этого не было: спѣсь заставила губернатора оказать пріѣзжему совершенно невниманіе; чтобы не совсѣмъ показаться ему неучтивымъ, поспѣшилъ онъ уѣхать на ярмарку въ Саранскъ. Въ Петербургѣ отъ Мордвинова совершенно зависѣло принадлежать къ высшей аристократіи, но онъ любилъ дѣлать все по своему. Женившись въ Ливорно на скромной дѣвицѣ, дочери англійскаго консула Кобле, всегда велъ онъ съ нею жизнь довольно уединенную, въ кругу своего семейства, въ кругу близкихъ и дальнихъ родственниковъ, старинныхъ, просвѣщенныхъ и достаточныхъ дворянъ, которые не думали гоняться за знатностью: охотно принималъ онъ у себя также ученыхъ, артистовъ и литераторовъ. Отъ того между аристократами прослылъ онъ вольнодумцемъ, республиканцемъ; внутри Россіи почитали его усерднымъ, смѣлымъ патриотомъ: ничего этого не было. У него была страсть риторствовать, изумлять довольно смѣлыми, на западъ совсѣмъ не новыми, мыслями; но сильныхъ, внутреннихъ убѣжденій, но положительныхъ, твердыхъ мнѣній ни о чемъ у него не было: пожалуй, это можно назвать безпристрастіемъ, умѣренностію. Напри-

мѣръ, онъ былъ однимъ изъ основателей *Бесѣды Россійскаго Слова* и почитался задушевнымъ другомъ руссомана до безумія, Александра Семеновича Шишкова, новаго государственнаго секретаря; въ то же время всѣмъ извѣстны были связи его съ Сперанскимъ, и онъ явно и громко порицалъ строгость употребленную съ симъ падшимъ временщикомъ. Неизвѣстно, немилости ли къ нему двора, или его собственное неудовольствіе на правительство, заставили его выѣхать изъ Петербурга? Такъ по крайней мѣрѣ казалось; и это, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, вмѣстѣ съ внушеніями губернатора, удержало дворянъ отъ изъявленія знаковъ долгаго къ нему уваженія, отъ которыхъ, впрочемъ, и самъ онъ уклонялся. За годъ передъ этимъ, рассчитывая на плодородіе Пензенской губерніи, купилъ онъ въ ней тысячу душъ; но имѣніе было малоземельное, и онъ никакого почти не получилъ съ него дохода: онъ хотѣлъ закупить земель въ Саратовскихъ степяхъ, чтобы переселить туда половину крестьянъ, и по словамъ его, вотъ была причина появленія его между нами.

Итакъ, я сталъ тѣсниться въ банѣ, на одномъ дворѣ съ матерью моею, оставивъ чертоги свои; но по приглашенію нанимателя, иногда посѣщалъ ихъ. Супруга его, Генриетта Александровна, милая и почтенная дама, въ уединеніи своемъ (ибо никто къ нимъ не ѣздилъ) всегда мнѣ была очень рада; но молоденькія миссъ Мордвиновы были отчужденно дико и казалось страшились дуновенія мужчинъ. Самого же Николая Семеновича я всегда слушалъ съ жаднымъ любопытствомъ и кажется иногда понималъ; я находилъ много ума, бездну познаній, но признаюсь, толку никакого. Къ несчастію моему, осенью маленькое семейное его общество умножилось прибытіемъ къ нему одного молодого ученаго, весьма почтеннаго Гульянова, который въ послѣдствіи сдѣлался такъ извѣстенъ соперничествомъ съ Шампольономъ въ объясненіи гіероглифическихъ знаковъ. Онъ все разсуждалъ со мною о санскритскомъ языкѣ, котораго даже названія я дотолѣ не слыхивалъ: не подозрѣвая что онъ говоритъ со мною о прародителѣ нашего русскаго и всѣхъ славянскихъ языковъ, мнѣ казалось, что дѣло идетъ о священномъ писаніи, *sancto scripto*, и это недоразумѣніе, обнаруживая все невѣжество мое, совершенно погубило меня въ мнѣніи Мордвинова; я замѣтилъ это и совсѣмъ отсталъ отъ его дома.

Со всеми этими призважими я какъ будто потерялъ изъ виду великій предметъ, который тогда всѣхъ и каждого, безпрестанно, исключительно занималъ, какъ будто позабылъ о войнѣ. Правда, недѣли двѣ уже никакихъ почти извѣстій о ней не было, все какъ будто поумолкло, попритихло и что-то такое похожее на надежду стало оживлять насъ. Мы знали или, лучше сказать, слышали, что двѣ главныя арміи, Барклая и Багратиона, должны были соединиться или уже и соединились подъ укрѣпленнымъ Смоленскомъ, надъ трудною переправой черезъ Днѣпръ. Этотъ оплотъ былъ упованіе наше, мы въ немъ для Наполеона видѣли столпы Геркулевы, за которые сила его не прорвется.

Между тѣмъ губернаторъ отправился въ Саранскъ совсѣмъ не на ярмарку, а болѣе для свиданія съ главноначальствовавшимъ надъ ополченіями, графомъ Петромъ Александровичемъ Толстымъ, для совѣщаній съ нимъ и для принятія его приказаній по дѣлу вооруженія. Въ воскресенье 18-го августа (мнѣ такъ памяты всѣ эти числа), день былъ прекрасный, вечеръ теплый и ясный, и мнѣ почти было весело. Гуляя по городу, вдругъ повстрѣчался я съ канцелярскимъ чиновникомъ, любимцемъ князя Г., котораго бралъ онъ съ собою:

— Вы уже опять здѣсь, сказала я ему, — какъ вы скоро воротились.

— Да что дѣлать, отвѣчалъ онъ, — бѣда, пришло ужасное извѣстіе, была большая рѣзня, въ самый день Преображенія Французы штурмомъ взяли Смоленскъ; графъ въ отчаяніи поспѣшилъ обратно въ Нижній-Новгородъ, и намъ уже безъ него въ Саранскѣ ничего не оставалось дѣлать.

Было уже поздно; какъ одурѣлый побрелъ я домой и не зашелъ къ матери, чтобы не испугать ее отчаяннымъ видомъ своимъ.

Это былъ третій электрической ударъ, который раздался по всей Россіи, который, поражая печалью сердца Русскихъ, какъ будто всякій разъ все болѣе возжигалъ въ нихъ мужество и усердіе защищать отечество. На другой день, въ понедѣльникъ, 19-го числа, многіе сбѣжали на почту, въ томъ числѣ и я. Вотъ какія вѣсти привезла намъ она: государь отлучался изъ Петербурга для свиданія въ Абовѣ съ шведскимъ кронъ-принцемъ, бывшимъ французскимъ генераломъ Бернадоттомъ. Хотя то и показалось намъ нѣсколько уни-

зительнымъ для императорскаго достоинства, но такое согласіе успокоивало насъ насчетъ опасности для Петербурга и нашей крайней сѣверной границы. Узнавъ о взятіи Смоленска, государь прискакалъ обратно въ Петербургъ, чтобы назначить искуснаго полководца, старика князя Кутузова, главнокомандующимъ надъ всѣми дѣйствующими арміями. Приписывая всѣ неудачи наши разброду, въ которомъ какъ будто они находились, мы ободрены были мыслию, что главная власть сосредоточится въ однихъ рукахъ; жалѣли только, что не ранѣе о томъ подумали. Къ тому же самое имя Кутузова напоминало Екатерину и побѣды.

Въ это время были у меня еще другія заботы, въ которыхъ, къ удивленію моему, мать моя принимала дѣятельное участіе. Покойный отецъ мой, не столько изъ усердія къ православію, какъ по извѣстной читателю архитектурной его страсти, въ продолженіе пяти лѣтъ, исподоволь, экономическимъ образомъ соорудилъ въ приданомъ матери моей селѣ Лебедевкѣ каменную, небольшую, но хоршенькую церковь во имя Владимірской Божіей Матери, коей икона была ея же родительскимъ благословеніемъ. Строеіе церкви было окончено, и она внутри совсѣмъ почти была отдѣлана, когда смерть его постигла. Лѣто прошло у насъ въ сборахъ; надобно было, наконецъ, подумать о ея освященіи, и для совершенія того мать моя назначила 26-е августа, день, въ которъй празднуются чудеса сказанной иконы. Обрядъ сей, въ селеніяхъ всегда радостный, веселый, призываетъ къ себѣ обыкновенно всѣхъ сосѣднихъ помѣщиковъ и ихъ крестьянъ и долго остается у нихъ въ памяти. Тутъ, къ сожалѣнію, ничего этого не было.

У всѣхъ на умѣ было тогда одно только: Москва. Болѣе двухъ сотъ верстъ еще отдѣляли ее отъ непріятели, большая, сильная армія, еще не истребленная, находилась впереди ея, и, какъ утверждали, всѣ ея жители готовы были пасть съ оружіемъ въ рукахъ. Но буря шла прямо на нее; сколько разъ уже потоки литовскихъ, польскихъ и татарскихъ полчищъ истребляли ее! Какая ждетъ ее участь? Мы хотѣли вѣрять ея спасенію и не могли. Нашему воображенію представлялась она вѣнчанною мученицей, съ христіанскимъ терпѣніемъ, спокойно ожидающею неизбѣжной казни. О, какъ величественна и прекрасна была она тогда въ глазахъ нашихъ, сія родная Москва, наша древность, наша

святыня, колыбель новаго могущества нашего! Нѣтъ, развѣ только дѣти въ послѣднія минуты жизни обожаемой матери могутъ такъ трепетать, видя приближеніе конца ея.

Итакъ, въ самый день Бородинской битвы, 26-го августа, происходило у насъ, въ шести верстахъ отъ Пензы, освященіе новаго храма. Маленькій домъ не былъ достаточно для помѣщенія прибывшихъ изъ города гостей; для большей половины ихъ столъ былъ накрытъ въ особой палаткѣ. Воздухъ былъ теплый, удушливый и ни одинъ листокъ не колыхался; небо было темносѣраго цвѣта и сквозь облака ни единое голубое пятнышко не проглядывало. Пресвященный Аванасій, хворый старецъ, съ добродушнымъ взглядомъ своимъ и грустною улыбкой совершалъ богослуженіе; по слабости нервъ онъ не могъ выносить громогласнаго пѣнія, и отъ того въ голосѣ пѣвчихъ было нѣчто заунывное. Все было тихо и печально. Мать моя въ этотъ день старалась укрѣпиться духомъ и въ первый разъ послѣ кончины супруга нарядилась въ бѣлое платье: во время служенія не проронила ни одной слѣзки, не испустила ни единого вздоха, но когда вмѣсто многолѣтня создателю храма возгласили вѣчную память, она упала замертво и вѣрно бы расшиблась, еслибы не успѣли ее поддержать. Послѣ того была одна трогательная минута: когда вокругъ церкви понесли икону Владимірской Божіей Матери и запѣли ей извѣстный тропарь: „Днесь свѣтло красуется славнѣйшій градъ Москва, яко зарю солнечную воспріемши чудотворную твою икону... Молися воплощенному Христу Богу нашему, да избавитъ градъ сей“, всѣ отъ перваго гостя до послѣдняго мужика въ одинъ голосъ зарыдали.

Грустно подумать, что въ это самое время и въ этой самой Москвѣ, для насъ провинціаловъ столь священной, находились люди безъ ума и безъ сердца, которые не только смотрѣли равнодушно на приближеніе врага, но еще радовались тому. Послѣ описаннаго мною, дня черезъ два, могъ я въ томъ удостовѣриться. Въ день Іоанна Постнаго, 29-го августа, мнѣ сказали послѣ обѣда, что изъ Москвы пріѣхали два пензенскіе помѣщика, года три туда переселившіеся. То были М. и Ж. Первый былъ въ нѣкоторомъ съ нами свойствѣ: отецъ его былъ женатъ на теткѣ моей матери; будучи уже старъ, вступилъ онъ въ третій бракъ съ дочерью какого-то подъячаго и послѣднимъ плодомъ онаго былъ

этотъ М. Съ ребячества былъ онъ примѣчательнѣе гнуснымъ безобразіемъ и чрезмѣрнымъ самолюбіемъ; въ первой молодости, получивъ первый офицерскій чинъ и владѣя только ста душами, оставилъ онъ службу и началъ думать о средствахъ замѣнить искусствомъ скудость даровъ фортуны. Онъ началъ, какъ говорится, служить четыремъ королямъ и вѣровать въ одного Волтера, котораго, выучившись по-французски, онъ одного только прочиталъ: можно посудить о его правилахъ и религіозныхъ чувствахъ. Посвященный, наконецъ, во всѣ таинства картежной игры, онъ примѣтно началъ разживаться; удачно и разчетливо выставленная имъ роскошь и смѣлая болтовня дали въ Пензѣ большой ему вѣсъ. Но онъ оставилъ ее, ибо Москва представляла ему гораздо богатѣйшую добычу. Ж., малый простой, пошелъ къ нему въ опеку, но никогда не могъ подняться до высоты его, хотя, впрочемъ, и гениальность М. не простиралась далѣе обмана и фанфаронства. Оба они въ Пензѣ щеголяли французскимъ діалектомъ; у Ж. былъ выговоръ лучше, за то М. говорилъ бѣгло и безошибочно: это вѣроятно дало имъ надежду, что Наполеонъ, покоривъ Россію, назначить ихъ, прапорщика и титулярнаго совѣтника, префектами въ завоеванныя имъ провинціи. Вотъ къ какимъ лицамъ побѣждалъ я за извѣстіями, можетъ-быть, утѣшительными. Я нашелъ ихъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа; на вопросъ мой отвѣчали они мнѣ, что оставили Москву, такъ сказать, почти наканунѣ ея сдачи. „Согласитесь“, улыбаясь сказалъ мнѣ М., „что смѣшно и безразсудно противиться великому человеку, у котораго полмилліона войска и двѣ тысячи пятьсотъ пушекъ.“ Негодованіе оковало мнѣ языкъ, но видно глаза мои выразительно говорили, ибо въ обоихъ скоро замѣтилъ я смущеніе и досаду: не говоря ни слова, всталъ я и вышелъ, и долго молчаніе мое съ ними не прерывалось. И эти люди прямо изъ православной, подумалъ я; ну, если подобныхъ имъ много тамъ? А впрочемъ, что за важность, и въ самихъ Божіихъ храмахъ, по небрежности церковнослужителей часто разводятся крысы и всякая гадина. Однакоже, ихъ слова навели на меня неизъяснимую тоску, которая могла нѣсколько быть разсѣяна только трудными занятіями, мнѣ предстоявшими.

Во всякой изъ ополчающихся губерній, учреждался коми-

теть, для принятія и храненія какъ отъ дворянства поступающихъ, такъ и другими сословіями жертвуемыхъ суммъ, для производства жалованья ратникамъ, для обмундированія, вооруженія и для продовольствія ихъ, до выступленія въ походъ за предѣлы губерніи; однимъ словомъ, для каждаго ополченія учреждалась особая комиссаріатская и провіантская вмѣстѣ коммиссія. Предсѣдателями сихъ комитетовъ вездѣ были губернскіе предводители дворянства. Но по несогласіямъ пензенскаго Колокольцова съ губернаторомъ, сей послѣдній выпросилъ у графа Толстаго, чтобъ отъ дворянства былъ выбранъ особый предсѣдатель. Къ 1-му сентября собралось оно для выборовъ на убылыя мѣста послѣ поступившихъ въ ополченіе, и такъ послѣшнѣе поворотило дѣломъ, что въ два дня все было кончено.

Комитетъ пожертвованій для ополченія долженъ былъ состоять изъ предсѣдателя и трехъ членовъ, одного отъ правительства, другаго отъ дворянства, третьяго отъ купечества. Въ предсѣдатели выбранъ былъ, бывшій екатерининскій гвардіи капитанъ, отставной бригадиръ Николай Степановичъ Кошкарровъ, человекъ лѣтъ около шестидесяти, родной дядя описаннаго мною меломана того же имени. Трудно сказать, чего болѣе былъ онъ достоинъ, любви или уваженія. Въ дѣйствіяхъ и рѣчахъ его было нѣчто особенно благородное, отличавшее его отъ другихъ дворянъ. Членомъ изъ дворянъ избрали отставнаго гвардіи поручика, Алексѣя Гавриловича Караулова, человекъ довольно пожилаго, степеннаго, который слова выпускалъ на мѣру и на вѣсъ, у котораго не много было идей, но довольно смыслу, чтобы по пустому не говорить. Купцы посадили въ комитетъ торговца не весьма богатаго, добраго и толстаго простака, Петра Васильевича Козицына. Не знаю, какіе были толки у матери моеѣ съ княземъ Г., но въ одно утро предложили они мнѣ мѣсто члена отъ правительства въ семь комитетѣ: я принялъ это предложеніе съ удовольствіемъ и благодарностію; ибо тяжело бы мнѣ было во всеобщемъ движеніи оставаться простымъ зрителемъ всего происходящаго. Я продолжалъ числиться въ министерствѣ финансовъ и въ отпуску, и объ этомъ назначеніи мнѣ стоило только увѣдомить мое начальство. Сверхъ того, въ нашъ комитетъ назначены были секретаремъ, Иванъ Еюимовичъ Аванасьевъ, малый проворный, великій писака, и казначеемъ Андрей Сергѣевичъ

Мартыновъ, помѣщикъ весьма достаточный, извѣстный губернаторскій и архіерейскій угодникъ, самый добрый и откровенный изъ трусовъ.

Засѣданія наши открыли мы въ понедѣльникъ, 2 сентября, день также весьма памятный въ этомъ году. Среди занятій нашихъ, мы однакоже нетерпѣливо ожидали прибытія почты; она пришла и привезла намъ, увы, послѣднія московскія газеты. Въ нихъ прочитали мы реляцію о великомъ Бородинскомъ дѣлѣ 24 и 26 числа; узнали, что поле битвы осталось за нашими и.....не смѣли радоваться. Кто побѣдитель? Кто побѣжденный? Этого опредѣлительно сказано не было, и сіе недоумѣніе насъ пуще тревожило. А между тѣмъ воздухъ охолодѣлъ, дождикъ лилъ ливнемъ; городъ былъ наполненъ прѣвзжими, и по грязнымъ улицамъ его въ этотъ день скакали они изъ дома въ домъ, въ какой-то тоскливой суетѣ.

Куда какъ всю эту недѣлю тяжело было у меня на сердцѣ; къ счастью заботы по новому временному служенію моему оставляли мнѣ не много часовъ для грустныхъ размышленій. Наборъ ратниковъ почти уже кончился; съ одной стороны требованія, а съ другой деньги начали поступать къ намъ въ большомъ количествѣ; надобно было наскоро завести канцелярскій порядокъ и счетную часть; съ помощію моихъ добрыхъ товарищей, въ семь дѣлъ столь же неопытныхъ какъ и я, все какъ-то уладилось. Въ Русской землѣ, когда нужда того потребуеть, все должно скоро вскипятъ и поспѣвать.

Какъ странно было видѣть, въ продолженіе этой недѣли, что при постоянно сырой, ненастной погодѣ, на пензенскихъ улицахъ затрудняется проѣздъ отъ множества неизвѣстныхъ экипажей, запачканныхъ, забрызганныхъ грязью, каретъ, колясокъ, колымагъ и цѣлыхъ дорожныхъ обозовъ. Мы сначала подумали, что всѣ семейства уѣздныхъ помѣщиковъ рѣшились поселиться въ губернскомъ городѣ, но вскорѣ узнали, что то были эмигранты изъ Смоленской губерніи, которые хотѣли у насъ пріютиться и съ трудомъ искали квартиръ: за довольно большія деньги, находили они себѣ помѣщенія въ небольшихъ домахъ мелкихъ чиновниковъ и мѣщанъ въ нижней части города.

Никто не хотѣлъ или не умѣлъ въ появленіи ихъ между нами видѣть одно изъ чудесъ царствованія Екатерины. Древній русскій городъ Смоленскъ въ несчастное время смуты, Лжедмитріевъ и междуцарствія сдѣлался добычей Польши

силою оружія царь Алексѣй Михайловичъ возвратилъ его опять Россіи; но въ короткое время польскаго владычества, онъ до того ополчился, что еще внука сего самого Алексѣя Михайловича, государыня Елизавета Петровна, къ кому-то писала: „Какъ мнѣ быть съ Смольянами? Я ли ихъ не тѣшу? Но какъ видно по пословицѣ, какъ волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ глядитъ.“ Настоящей преемницѣ ея, Екатеринѣ Второй, которая не тѣшила и не угнетала ихъ, достаточно было тридцати пяти лѣтъ, чтобы совершенно перелить ихъ въ Русскихъ, да еще въ какихъ? самыхъ вѣрныхъ и преданныхъ престолу и своему истинному отечеству.

Такими явили они себя въ началѣ этой войны. Нѣкоторые помѣщики сами собою вооружили дворовыхъ людей и крестьянъ и составили изъ нихъ небольшіе партизанскіе отряды, которые при переходѣ Французовъ тревожили ихъ, нападали на ихъ обозы и захватывали отсталыхъ, и такимъ образомъ подали примѣръ и мысль о партизанской войнѣ и всеобщемъ вооруженіи. Одинъ изъ нихъ, доблестный Энгельгардтъ, павшійся въ плѣнъ, правосуднымъ французскимъ начальствомъ былъ разстрѣлянъ. Семейства свои, послѣ паденія Смоленска, съ полною довѣренностію, отправили они въ самую глубь родной Россіи. Сначала не могли они слишкомъ быть довольны гостепріимствомъ Пензы, но вскорѣ потомъ, какъ объясню я далѣе, поступлено было съ ними истинно по-братски.

Приблизился наконецъ тотъ день, въ который, лишившись послѣдней надежды спасти наше сокровище, мы вмѣстѣ съ тѣмъ освободились отъ всякаго страха; день сильнаго перелома, въ который война совершенно превратилась въ отечественную, въ народную и для пришельцевъ наступило время гибели.

V.

Въ воскресенье, 8 сентября, день Рождества Богородицы, пошелъ я на поклоненіе къ губернатору, какъ будто уже моему начальнику: я нашелъ его въ залѣ, провожающаго князя Четвертинскаго. Я худо повѣрилъ глазамъ своимъ, и у меня въ нихъ помутилось. Не будучи съ нимъ лично знакомъ, много разъ встрѣчалъ я въ петербургскихъ гостиныхъ этого красивца молодца, опаснаго для мужей, страшнаго для

непріятелей, обвѣшаннаго крестами, добытыми въ сраженіяхъ съ Французами. Я зналъ, что сей извѣстный гусарскій полковникъ, наѣздникъ, долго владѣвшій женскими сердцами, наконецъ самъ страстно влюбился въ одну княжну Гагарину, женился на ней и сдѣлался мирнымъ жителемъ Москвы; зналъ также, что по усиленной просьбѣ графа Мамонова, онъ взялся сформировать его конный казачій полкъ. Какими судьбами онъ въ Пензѣ? Что имѣеть онъ съ нею общаго? Оборотясь къ одному изъ братьевъ Г. и на него указывая: „что это значитъ?“ спросилъ я. — „Онъ пріѣхалъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, навѣститъ жену свою, которая теперь съ матерью находится въ Пензѣ, проѣздомъ въ саратовское имѣніе.“ — „А что армія?“ спросилъ я. — „Онъ видѣлъ ее на Поклонной горѣ, гдѣ собирались, кажется, дать послѣднее, рѣшительное сраженіе.“ Пріѣздъ Четвертинскаго мнѣ все сказалъ. Онъ не хочетъ быть дурнымъ вѣстникомъ, подумалъ я, и на день, на два оставляетъ намъ еще надежду.

Цѣлый день ходилъ я какъ шальной, избѣгая, елико возможно, дѣлать вопросы. Вечеромъ навѣстили меня братья Ранцовы, изъ коихъ старшій былъ нѣкогда моимъ товарищемъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ: видъ ихъ показался мнѣ мраченъ и угрюмъ. Говоря о томъ о сѣмъ, „завтра поведѣльникъ, сказалъ я, что то привезетъ намъ завтрашняя почта?“ — „Нѣтъ, сказалъ мнѣ младшій Ранцовъ, не ждите ея, она уже не придетъ,“ и.... объявилъ мнѣ истину. Четвертинскій не могъ скрыть ея отъ губернатора, а сей скромный человѣкъ сказалъ ее на ухо двумъ или тремъ столь же скромнымъ людямъ, такъ что къ вечеру, кромѣ меня, почти весь городъ зналъ, что Москва сдана безъ бою.

Не помню, что было со мною въ слѣдующіе дни, только кажется, что безъ заботъ комитета я сошелъ бы съ ума. Въ эти горестные дни семейство наше, 11 сентября, было нѣсколько утѣшено и обрадовано пріѣздомъ брата моего, который на время отлучился отъ арміи для свиданія съ родными. Разказъ сего достовѣрнаго очевидца въ семейномъ кругу, сколько припомню, передаю здѣсь читателю.

Отъ самаго Смоленска, Курляндскій драгунскій полкъ, въ коемъ онъ служилъ, находился въ арріергардѣ и прикрывалъ отступление нашей арміи; слѣдственно ежедневно имѣлъ или сильную драку или по крайней мѣрѣ перестрѣлку съ непріателемъ. На великомъ пространствѣ, коимъ проходило войско.

каждый день и каждую ночь самыя печальныя зрѣлища представлялись ему. Не проходило ночи, чтобы горизонтъ во многихъ мѣстахъ не былъ освѣщаемъ заревоиъ окрестъ пылающихъ селъ: кто зажигалъ ихъ? Неужели Французы? Это было бы верхъ безумія: какъ истреблять все по единственной линіи сообщенія ихъ съ Польшей и Европой? Развѣ только наше войско? Но пожары всегда видны были позади его, въ той сторонѣ куда проходило непріятельское. Въ цнныхъ мѣстахъ можетъ-быть отчаяніе жителей предавало огню то чего не хотѣлось имъ отдать въ руки нехристей, какъ они полагали; а въ другихъ, можетъ-быть, причиною была неосторожность при разведеніи бивуаковъ. Въ селеніяхъ, куда приходили они днемъ, вездѣ находили они крестьянъ, или убирающихъ скромныя свои пожитки, или уже ихъ уложившихъ на возы и готовыхъ къ отъѣзду: всюду спрашивали они ихъ, „скажите, батюшки, далеко ли еще злодѣй-то, извергъ рода человѣческаго?“ Женскій полъ являлъ сцены трогательныя, раздирающія душу. Старыя крестьянки, въ обыкновенное время столь крикливыя и сварливыя, казались молчаливо сердиты. Молодыя же, въ избыткѣ чувствъ и горести, по-своему краснорѣчиво выражали ее, разставаясь съ родимымъ гнѣздомъ. „Прости, моя милая горенка; долго холодила, чистила и мыла я тебя; теперь видно пришлось въ послѣдній разъ омыть тебя только горячими слезами,“ приговаривали онѣ. Бывало, что цныя въ этомъ случаѣ падали въ непритворный обморокъ. Особенно же братъ мой не могъ смотрѣть равнодушно на семейства сихъ простыхъ людей, когда, готовясь снять со стѣны наслѣдственныя иконы, они съ мольбою упали ницъ передъ ними и потомъ вѣжно, уныло и почтительно выносили съ собою изъ избы пенаты свои. И это, говорятъ, кочевой народъ! Это варвары, не умѣющіе ничего чувствовать и понимать!

За два дня до большаго Бородинскаго дѣла, 24 августа, былъ прологъ его, который отдѣльно самъ могъ бы почитаться великимъ сраженіемъ: въ этотъ день братъ мой получилъ сильную контузію въ правую ногу, такъ что съ трудомъ могли снять его съ лошади. Положили его въ телѣгу, запряженную двумя его лошадыми, верховою и вычною, и отправили за 10 верстъ въ столь же извѣстный какъ и маловажный городокъ Можайскъ. Въ семь опустѣломъ мѣстѣ раненыя, коихъ число было еще не такъ велико, могли выбирать

любья квартиры; 25-е число прошло для него довольно тихо, но 26-го былъ онъ пробужденъ такимъ пушечнымъ громомъ, какого, не взирая на разстояніе, онъ дотолѣ не слыхивалъ. Такъ продолжалось почти до вечера; тогда раздались другіе, ужаснѣйшіе звуки. Всѣми ранеными, коихъ можно было только свезти съ поля сраженія, наполнился городокъ, въ домахъ его ни чулана, ни чердака не осталось пустаго: во всего этого было мало, двѣ трети сихъ несчастныхъ не могли помѣститься, и они тысячами страдали и умирали на улицахъ, кои были ими завалены. Стоны и крики слышны были всю ночь: кто тщетно просилъ воды, чтобъ утолить его смертельную жажду, кто просилъ, чтобъ его приколотли. Брату было не до собственныхъ страданій, и несмотря на нихъ, рѣшился онъ на другое утро безъ всякаго вида отправиться въ Москву, куда и прибылъ 29 числа.

Онъ гдѣ-то остановился близъ Дорогомиловскаго моста. Вообще имѣлъ онъ мало знакомыхъ въ Москвѣ, а тутъ, съ помощію слуги своего, нашелъ только одного, полицеймейстера полковника Адама Омича Брокера, великаго пріятеля зятя нашего и любимца Растопчина. Изъ пріязни и состраданія привезъ онъ ему медика, и самъ раза по два въ день навѣщалъ его. Въ день Александра Невскаго, именины императора, пріѣхалъ онъ къ нему поздно ночью прямо изъ маскарада, послѣдняго публичнаго увеселенія въ Москвѣ, послѣ котораго не скоро должны были они возобновиться въ этомъ всесожженію обреченномъ городѣ. Залы по обыкновенію, сказывалъ онъ, были ярко освѣщены, но посѣтителями ихъ были только съ полдюжины раненыхъ молодыхъ офицеровъ, да съ дюжину не весьма пристойныхъ дѣвиць. Черезъ два дня въ такую же пору пріѣхалъ онъ ему сказать, что онъ долженъ поспѣшить выѣздомъ изъ Москвы, если не хочетъ попасться въ плѣнъ къ Французамъ. Въ брошенныхъ хозяевами домахъ, находилось множество забытыхъ ими или оставленныхъ экипажей; въ минуту, когда они должны были сдѣлаться добычею непріятеля, всякій кто имѣлъ въ томъ нужду, бралъ ихъ себѣ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Въ спасительной заботливости своей, Брокеръ привезъ брату, изъ числа ихъ, одну весьма хорошую коляску, какъ будто никому не принадлежащую; да сверхъ того, вручилъ ему видъ за подписаніемъ графа Растопчина. Это были уже не услуги, а настоящія благодѣянія.

Въ семь часовъ утра, 2 сентября, поднялся братъ мой, а въ восемь былъ уже за Покровскою заставой. Ужасомъ наполнилось сердце его, когда проѣзжалъ онъ по опустѣвшимъ безконечнымъ улицамъ Москвы мимо высокихъ зданій, коихъ житсаи, казалось, всё вымерли: ни лица, ни голоса человѣческаго. На пути изъ края въ край обширнѣйшаго города, встрѣтилъ онъ человѣкъ семь или восемь оцупанныхъ, оборванныхъ, съ подозрительными фигурами, которые какъ будто еще прятались, зловѣщія тѣни, которыя быстро исчезали. Но приближаясь къ заставѣ, для всѣхъ уже открытой, толпы людей становились все гуще и гуще; проѣхавъ же ее, съ трудомъ могъ онъ подвигаться впередъ, посреди плотной массы удаляющихся. Беспорядокъ, въ которомъ остатки народонаселенія Москвы спѣшили изъ нея, являлъ картину единственную въ своемъ родѣ, ужасную и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько каррикатурную. Тамъ виденъ былъ попъ, надѣвший одну на другую всѣ ризы и державшій въ рукахъ узелъ съ церковною утварью, сосудами и прочимъ; тамъ четверомѣстную, тяжелую карету тащили двѣ лошади, тогда какъ въ иныя дрожки впряжены были пять или шесть; тамъ въ телѣжкѣ, которыя и понынѣ еще въ большомъ употребленіи между среднимъ состояніемъ, сидѣла достаточная мѣщанка или купчиха, въ парчевомъ нарядѣ и въ жемчугахъ, во всемъ, чего не успѣла уложить; конные, пѣшіе валили кругомъ; гнали коровъ, овецъ; собаки въ великомъ множествѣ слѣдовали за всеобщимъ побѣгомъ, и печальный ихъ вой, чуя горе, сливался съ мычаніемъ, съ блеяніемъ, со ржаніемъ другихъ животныхъ. Шагъ за шагомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ проѣхавъ такимъ образомъ верстъ пятнадцать, братъ мой рѣшился остановиться, опасаясь, что далѣе не найдетъ убѣжища по безчисленности сопутниковъ: немногіе послѣдовали его примѣру; болѣе боязливые весь день и часть ночи продолжали печальное свое шествіе. Ночью сдѣлалось почти свѣтло; огненный столбъ поднялся надъ Москвою, когда загорѣлись въ ней винные или водочные магазины: какъ ни привыкъ мой братъ къ зрѣлищамъ разрушенія, ни которое такъ сильно его не поразило.

Проѣхавъ Коломну и Оку, многочисленное общество, съ которымъ долженъ былъ онъ ѣхать, примѣтно стало уменьшаться, и онъ, хромой, дотащился наконецъ до Пензы, гдѣ былъ встрѣченъ и окруженъ поспѣшными близкими родныхъ

и знакомыхъ врачей. Но не долѣе какъ три или четыре недѣли оставался онъ съ нами; чувствуя совершенное облегченіе, онъ опять поспѣшилъ къ знаменамъ, вскорѣ потомъ уже побѣдоноснымъ. Чтобы не забыть, скажу я здѣсь, что слѣдующею зимою за эту кампанію былъ онъ, наконецъ, произведенъ въ подполковники.

Городъ Пенза, между тѣмъ, съ каждымъ днемъ становился многолюднѣе. Изъ первыхъ пріѣзжихъ, Мордвиновъ никуда не показывался, а Рыцевскую всѣ бросили. * Послѣ Смольяна, изъ всѣхъ увѣздовъ семейства помѣщиковъ дѣйствительно начали прибывать и какъ будто спасаться въ губернской городъ: въ числѣ ихъ можно назвать и самое княгиню Г., мать губернатора, которая къ сыну на всю зиму переселилась изъ Зубриловки. Съ половины сентября стали наѣзжать уже московскіе эмигранты, а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, въ великомъ множествѣ начали, какъ говорилъ народъ, пригонять плѣнныхъ. Наконецъ, повернуться у насъ было трудно.

Пріѣзжіе Москвичи почти всѣ были люди достаточные, владѣющіе въ Пензенской губерніи или въ сосѣдственныхъ съ нею хорошими помѣстьями и ни въ чемъ не могли нуждаться: въ домахъ, пензенскому обществу, такъ-называемому лучшему, вовсе неизвѣстныхъ, но не менѣе опрятныхъ, теплыхъ и просторныхъ, принадлежащихъ купцамъ и нѣкоторымъ чиновникамъ, нашли они себѣ удобныя квартиры, и та-

---

* На другой день по полученіи извѣстія о взятіи Москвы, праздновала она у себя сіе счастливое событіе съ двумя Французами, Радюльфомъ и Магіеромъ. Всѣ комнаты были освѣщены. Но радостное спокойствіе сего торжества было внезапно нарушено. Градъ камней изъ кармановъ и рукъ двухъ человекъ, ѣхавшихъ мимо верхомъ, посыпался въ ея окна и всѣ стекла разбилъ въ дребезги: верховые ускакали потомъ неизвѣстно куда и никогда не могли ихъ отыскать. Черезъ нѣсколько времени мнѣ одному открылась тайна, но я никому не объявлялъ о ней, не изъ скромности, а изъ опасенія быть подозрѣваемымъ въ подученіи. Это были—одинъ молодой малый, прежде бывший у меня въ услуженіи, родными моими отпущенный на волю и находившійся тогда канцелярскимъ служителемъ въ губернскомъ правленіи, а другой—пріятель и товарищъ его въ томъ же правленіи. Оба они поступили въ ополченіе, а изъ него перешли въ настоящую военную службу.

кимъ образомъ самимъ жителямъ открыли сокровенныя отъ нихъ богатства.

Но бѣдные Смольяне, въ такомъ дальнемъ разстояніи отъ имѣній своихъ истратившіе взятыя съ собою небольшія суммы, угрожаемы были совершенною нищетой. Тутъ дворянство наше въ отношеніи къ нимъ явило себя истинно достойнымъ своего имени: всякій, кто только могъ, потѣснился, чтобы дать у себя мѣсто хотя одному смоленскому семейству; разумѣется, что для дорогихъ гостей столъ былъ готовый; что овощи, картофель, рѣпа, горохъ, мука, крупа для людей, а сѣно и овесъ лошадямъ были даровые. И это довольно накладное гостепріимство сопровождалось ласками, привѣтствіями, которыя давали ему еще болѣе цѣны. Сколько разъ мать моя упрекала меня за поспѣшность, съ которою отдалъ я домъ нашъ Мордвинову: „три семейства, потѣснившись, могли бы въ немъ помѣститься“, говорила она, „а отъ полуторы тысячи рублей мы не разбогатѣемъ“. Однакоже представился случай быть полезными Смольянамъ: одна госпожа Повалошвыйковская выдала дочь за господина Гернгросса; не только съ нею и съ зятемъ своимъ, но и съ его матерью и тремя сестрами, полоцкими жительницами, пріѣхала она; трудно было такой гурьбѣ помѣститься, и она согласилась жить въ селѣ Симбухинѣ, въ старомъ господскомъ домѣ нашемъ, гдѣ, разумѣется, всѣ провизіи были къ услугамъ ея. Тутъ у насъ на то была еще особая причина: братъ этого Гернгросса былъ полковымъ командиромъ Митавскаго драгунскаго полка, коего генераль Алексѣевъ былъ шефомъ, и онъ съ женою жили въ большой дружбѣ съ сестрою моею и зятемъ. Но о сихъ послѣднихъ давно уже не сказалъ я ни слова, какъ будто вовсе о нихъ позабылъ.

Не скоро могли мы получить извѣстія изъ Петербурга, который былъ отрѣзанъ отъ насъ непріятельскою арміею; только во второй половинѣ сентября установилось съ нимъ регулярное сообщеніе чрезъ Ярославль, Кострому и Нижній Новгородъ. Письмомъ, полученнымъ, наконецъ, по почтѣ симъ новымъ трактомъ отъ сестры Натальи Филиповны, были мы насчетъ ея нѣсколько успокоены; предыдущія неизвѣстно куда пропадали. До свиданія въ Абовѣ государя съ шведскимъ кронпринцемъ войска въ Финляндіи оставались неподвижны; но послѣ того велѣно имъ, двумъ пѣхотнымъ дивизіямъ и одной кавалерійской бригадѣ, быстро двинуться

въ Петербургъ: едва лишь успѣли они туда придти, какъ имъ приказано готовиться къ дальнѣйшему походу. Петербургское ополченіе съ такою неимоверною поспѣшностію было набрано, выучено и вооружено, что оно готово было присоединиться къ прибывшему изъ Финляндіи войску, чтобы вмѣстѣ съ нимъ выступить къ Полодку для подкрѣпленія корпуса графа Витгенштейна. Зять мой, Алексѣевъ, простоялъ недѣлю полторы съ бригадою своею въ Новой Деревнѣ, прежде занимаемой кавалергардскимъ полкомъ, и вмѣстѣ съ ополченіемъ оставилъ Петербургъ 8-го сентября. Тогда бѣдная сестра на всю зиму осталась въ немъ одна, не было возможности ѣхать къ роднымъ: государь приказалъ отвести ей славную генеральскую квартиру въ кавалергардскихъ казармахъ, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, а сыновей ея велѣлъ принять въ Пажескій корпусъ, и ими одними была она только утѣшена. Вотъ о чемъ увѣдомляла она насъ въ письмѣ своемъ.

О Москвѣ получали мы свѣдѣнія самымъ страннымъ образомъ. Когда непріятель вступилъ въ нее, оставалось еще въ ней, говорятъ, до двадцати тысячъ жителей; однимъ не съ чѣмъ было подняться, другихъ, не предувѣдомленныхъ, застали Французы въ распλοхъ, другіе же полагали, что имъ нечего ихъ бояться, а иные, питая преступныя надежды, даже ожидали ихъ съ нетерпѣніемъ. Но когда, на второй или на третій день по вступленіи, въ войскѣ Наполеона безпорядокъ и своеволіе возросли до такой степени, что начался дневной разбой, когда ни пищи въ домахъ, ни одежды и обуви на улицахъ солдаты не оставляли несчастнымъ жителямъ, тогда всякій изъ нихъ, кто могъ и какъ могъ, старался спастись бѣгствомъ. Помѣщики многихъ губерній, въ томъ числѣ и Пензенской, посылали мальчиковъ въ Москву и отдавали ихъ тамъ въ ученіе къ мастеровымъ; многіе изъ нихъ подросли и возмужали. Они первые, какъ говорили они, дали тягу; валъ, на великомъ протяженіи окружающій Москву, такъ низокъ, что вездѣ могли они легко перепрыгнуть или даже перешагнуть черезъ него; далѣе лѣсами и болотами также не трудно было имъ прокрасться. Покрытые рубищами, пробирались они на родину, питаясь мірскимъ подаеніемъ. Въ Пензу одинъ за другимъ пришло ихъ нѣсколько, и между прочимъ, въ нашъ домъ двое, портной и сапожничій ученикъ. Въ нѣкоторые дома призывали ихъ для распро-

совъ; отъ нихъ узнали мы много подробностей о неистовствахъ, творимыхъ врагами въ падшей столицѣ: на примѣръ, объ оскверненіи святыни, какъ знаменитую часовню Иверскія Богоматери превратили они въ нужное мѣсто; потомъ, какъ изъ лѣни и прихоти, чтобы не дѣлать крюку переходя черезъ каменный мостъ, заставляли они дюжихъ мужиковъ переплывать черезъ Москву-рѣчку, неся ихъ на спинѣ своей. Никого изъ Франгузовъ столько не обвиняли они въ жестокостяхъ, какъ тѣхъ, кои, по словамъ ихъ, хорошо умѣли по-русски, хотя плохо выговаривали: всякій понялъ, что они говорятъ о Полякахъ. Въ продолженіе сентября ежедневно сотни людей бѣжали изъ Москвы, такъ что изъ тѣхъ, кои видѣли не совсѣмъ торжественный вѣздъ Наполеона, едва осталась десятая доля, чтобы бытъ свидѣтелями его ужаснаго выѣзда.

Можно себѣ представить, что породили во всей Россіи разказы людей, по всѣмъ направленіямъ изъ Москвы бѣжавшихъ. Но еще до того, при полученіи перваго извѣстія о взятіи ея, показалось между Русскими, особенно между дворянами, нѣчто страшное, давно небывалое, въ нихъ загорѣлась, неутолимая, казалась, жажда мести. Москва перестала для нихъ существовать; оплакавъ какъ слѣдуетъ родимую, они съ нѣкоторою радостію смотрѣли какъ злодѣи терзаютъ трупъ ея, мысленно приготовляя ей кровавыя поминки и какъ будто предчувствуя, что не далеко день мщенія. Всѣ опасались одного—мира съ Наполеономъ, и продолженіе войны возвеличило въ глазахъ ихъ Александра. Дѣло странное, непонятное! Едва Наполеонъ успѣлъ войдти въ Москву, какъ внутри Россіи всѣ начали видѣть въ ней западню для него и желать, чтобы онъ долѣе въ ней оставался. Надобно было видѣть тогда, что при одномъ имени его дѣлалось съ большею частію Русскихъ; черты лица оставались неподвижны, но чело являло гнѣвъъ и уста шептали угрозы. О, вѣчно памятный Наполеонъ! могучій, славный нашъ врагъ! гроза и жертва наша! какихъ чудесъ ты не творилъ! тебѣ одному дано было народу бѣшеному, яростному въ пылу сраженій, но вообще безпечному, незлобивому, разнудушному, забывчивому, вдохнуть на время всю спокойную, неистощимую корсиканскую свою злость.

За то что можетъ сравниться съ добрымъ согласіемъ, которое съ самаго начала войны, какъ сказалъ я выше, стало

вздвигаться между всеми состояніями? съ силою вѣры въ промыслъ Всевышняго, ихъ оживлявшей, не слабѣвшей, а безпрестанно возраставшей съ несчастными событіями, которыя другой народъ ввергнули бы въ отчаяніе? Прекратились всѣ ссоры, всѣ неудовольствія; составилось общее братство молящееся и отважное. Время быстро протекшее! время вмѣстѣ ужасное и блаженное! когда возлюбивъ другъ друга, едиными устами и единымъ сердцемъ не переставали мы призывать великое имя Его, нашего Бога и Спасителя! Кто видѣлъ это время, тотъ по гробъ его не забудетъ.

Всю осень, по крайней мѣрѣ у насъ въ Пензѣ, въ самыхъ мелочахъ старались выказывать патриотизмъ. Дамы отказались отъ французскаго языка; пожертвованіе жестокое! а вышло на повѣрку, что по-русски говорить имъ легче, что на нашемъ языкѣ изъясняются они лучше, и что онъ весьма способенъ къ употребленію въ гостиныхъ. Многія изъ нихъ, почти всѣ, одѣлись въ сарафаны, надѣли кокошники и повязки: поглядѣвшись въ зеркало, нашли, что нарядъ сей къ нимъ очень присталъ и не скоро съ нимъ разстались. Что касается до насъ, мужчинъ, то, во первыхъ, члены комитета, въ коемъ я находился, яко принадлежащаго къ некоторымъ образомъ къ ополченію, получили право, подобно ему, одѣться въ сѣрые кафтаны и привѣсить себѣ саблю; однихъ эплетъ имъ дано не было. Губернаторъ не могъ упустить случая пощеголять новымъ костюмомъ: онъ нарядился, не знаю, съ чьего дозволенія, также въ казацкое платье, только темнозеленаго цвѣта съ свѣтлозеленою выпушкой. Изъ губернскихъ чиновниковъ и дворянъ, всѣ тѣ, которые желали ему угодить, послѣдовали его примѣру. Слугъ своихъ одѣлъ онъ также по-казацки, и двое изъ нихъ, вооруженные пиками, ѣздили верхомъ передъ его каретою.

Въ столь смутное время, гдѣ было собираться большому обществу? кому была охота дѣлать званые вечера? Однакоже туземные и пріѣзжіе, на столь небольшомъ пространствѣ скопившіеся, скоро ознакомились; и чтобы раздѣлать горе свое, а иногда и забыть о немъ, часто за-просто навѣщали другъ друга и ѣздили изъ дома въ домъ; и оттого вездѣ можно было найти толпы людей. Московскіе.... какъ бы назвать ихъ? изъ учтивости, *par courtoisie*, какъ сыновей англійскихъ пэровъ именуютъ лордами, назову ихъ аристо-

краты, держали себя нѣсколько поодаль, неохотно искали знакомствъ и все болѣе дѣлились около князя губернатора и его семейства: однакоже, при встрѣчахъ со всѣми были вѣжливы и ласковы безъ притворства. Примѣчательныхъ лицъ между ними не было; и все-таки тѣхъ, коихъ не забылъ, долгомъ считаю здѣсь представить. Объ аристократіи же, которую и я самъ признавалъ за настоящую, которая никого не чуждалась, всѣхъ искала привязать къ себѣ, буду говорить послѣ.

Былъ у насъ нѣкто Андрей Михайловичъ Рябининъ, сынъ вице-адмирала, дѣйствительный камергеръ, который очень хорошо говорилъ по-французски, имѣлъ достатокъ и былъ женатъ на княгинѣ Шаховской. Изъ всѣхъ условій сихъ, съ точностію выполненныхъ, легко ему было состряпать себѣ русскую знатность, и онъ пользовался всѣми правами ея безспорно и самовольно, даже въ самой Москвѣ. Супруга его еще болѣе его, казалось, дорожила сими законно-приобрѣтенными правами.

Другое семейство у насъ, именовъ къ аристократіи болѣе принадлежащее, были Шереметевы. Оно состояло изъ Сергѣя Васильевича, отставнаго коллежскаго ассессора, самаго добраго и простаго человѣка, изъ матери его, изъ жены его Варвары Петровны, которая нѣкогда, подъ фамильнымъ именовъ дѣвицы Алмазовой, сіяла красотой, и наконецъ изъ сестры его, Катерины Васильевны, которой природа отказала въ красотѣ и щедро наградила необыкновенно пріятнымъ, неуядаемымъ умомъ *.)

Къ этой, тогда кочующей аристократіи принадлежалъ, кто бы подумалъ? докторъ Скюдери, не потому что онъ былъ искусный врачъ, не потому что онъ былъ весьма хорошій и любезный человѣкъ, а потому что онъ вѣздилъ во всѣ первые московскіе дома и женился на русской дѣвицѣ Храповицкой, которая съ сими домами была въ какомъ-то дальнемъ родствѣ.

Не изъ однихъ Москвы и Смоленска были у насъ эмигранты: изъ отдаленнѣйшаго края, изъ Литвы, изъ Гродненской губерніи, прибыла въ Пензу вдовствующая княгиня

---

* Дочь его, тогда въ пеленкахъ, нынѣ за первымъ богачомъ нашимъ графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ Шереметевымъ.

Четвертинская. Она помнила мученическую смерть мужа своего, убитого варшавскою чернью за настоящую или мнимую любовь къ Россіи; помнила отеческую вѣжность Суворова къ ея семейству, неисчетныя благодѣянія, коими оное осыпала Екатерина. Не говоря уже о помѣстьяхъ ему дарованныхъ, двѣ несовершеннолѣтнія падчерицы ея сдѣланы были фрейлинами, а малолѣтній пасынокъ и два младенца сына пожалованы прямо офицерами гвардіи. Все это были преступленія въ глазахъ Поляковъ, и она могла страшиться ихъ мести; къ тому же, вѣроятно, она помнила еще священныя обязанности налагаемыя благодарностію и сыновей своихъ, не поступившихъ еще на службу, хотя весьма уже взрослыхъ, преданныхъ душою врагамъ Россіи, не хотѣла допустить присоединиться къ нимъ: для того, сама не зная куда, рѣшилась ѣхать внутрь государства. Гдѣ-то узнала она, что родная сестра ея, Рыщевская, сослана въ Пензу, и туда направила путь. Тутъ нашла она не одну ее, но еще и пасынка своего, о коемъ упомянулъ я въ самомъ началѣ сей главы. Для молодыхъ людей, сыновей ея, одного бѣлокурого, другого чернаго, Константина и Густава, тетка и братъ были въ Пензѣ Ариманомъ и Орозмадомъ, съ двухъ сторонъ ихъ влекущихъ къ добру и злу; но Ариманъ Рыщевская натурально взяла верхъ. Отъ меня такъ и несло русскимъ духомъ, и они съ польскимъ чутьемъ своимъ тотчасъ почувствовали отвращеніе отъ меня; я же возненавидѣлъ ихъ съ перваго взгляда. Совсѣмъ противное сему чувство внушилъ мнѣ къ себѣ старшій, родной, но не единоутробный братъ ихъ.

Родъ князей Четвертинскихъ происходитъ отъ русскихъ государей, отъ Святаго Владиміра и отъ правнука его Святополка, князя Черниговскаго. Потомство послѣдняго, а ихъ предки имѣли удѣлы въ Волиніи и сдѣлались подвластны Литвѣ, когда въ несчастное для Россіи время, этотъ край отдѣлился отъ нея. Потомъ подобно единокровнымъ князьямъ внутри Россіи, размножаясь, они обѣднѣли. При польскомъ правительствѣ они ни разбогатѣть, ни высоко подняться не могли, ибо ни одинъ изъ княжескихъ родовъ въ Западной Россіи столь долго не стоялъ за вѣру отцовъ своихъ, столь упорно не боролся съ насиліями и прельщеніями іезуитовъ, такъ что еще при Петрѣ Великомъ, Гедеевъ, князь Четвертинскій, былъ православнымъ митрополитомъ въ Кіевѣ; на-

конецъ, и они, и уже вѣрно самыя послѣдніе, впади въ католицизмъ и возвысились въ почестяхъ. Кто знаетъ? Для самолюбія ихъ было лестно вспомнить, что предки ихъ возсѣдали на престолѣ, сдѣлавшемся столь блистательнымъ, и оттого-то, можетъ, въ разныхъ вѣтвяхъ сего рода встрѣчались люди, увлекаемые чувствомъ любви къ истинному своему отечеству. Не былъ ли въ числѣ ихъ и князь Антоній, заплатившій жизнью за подозрѣваемое въ немъ чувство сіе? Не низкая доля ожидала семейство его въ Россіи.

Старшая дочь его, Женета, оставалась долго безбрачною. . . . .
. . . . . Блестящія партіи представлялись для этой княжны, но съ честолюбивыми надеждами она отвергала ихъ.

Меньшая дочь, въ самой нѣжной молодости, выдана была за Дмитрія Львовича Нарышкина. Родство съ царствующимъ домомъ, высокія, первыя должности при дворѣ, пятью поколѣніями постоянно, непрерывно занимаемая, и великое богатство между ними въ цѣлости сохранившееся, составили бы вездѣ дѣйствительную знатность, а у насъ могла она почитаться дивною. Такими преимуществами пользовалась эта отрасль Нарышкиныхъ, и вотъ начало поприща, на кое вступила молодая женщина. Кому въ Россіи неизвѣстно имя Марьи Антоновны? Я помню, какъ въ первый годъ пребыванія моего въ Петербургѣ, розиня ротъ стоялъ я передъ ея ложей и преглупнымъ образомъ дивился ея красотѣ, до того совершенной, что она казалась неестественною, невозможною; скажу только одно, въ Петербургѣ, тогда изобиловавшемъ красавицами, она была гораздо лучше всѣхъ. . . . .
. . . . .

Славное житіе было тогда меньшому ихъ брату, князю Борису Антоновичу, молоденькому полковнику, милому, доброму, отважному, живому, веселому, писаному, какъ говорится, красавчику. Въ старости сохраняемъ мы часто привычки молодости; а въ молодости всегда остается у насъ много ребяческаго: такъ и Четвертинскій, служившій въ Преображенскомъ полку, все бредилъ однимъ гусарскимъ мундиромъ и легко-кавалерійскою службой, пока желанія его наконецъ не исполнились, и его перевели въ гусары. Въ любимомъ мундирѣ, дѣлалъ онъ кампаніи противъ Французовъ и дрался съ тою храбростію, съ какою дерутся только Поляки да Русскіе. Во время мира, пресыщенный наслажденіями, дара-

ми Марса и Амура, онъ начиналъ уже скучать жизнью, какъ вдругъ настоящая любовь оживила его; онъ женился и съ молодою женою поселился въ Москвѣ. Тутъ опять настала его война среди первоначальныхъ восторговъ счастливаго супружества; онъ однакоже не отказался сослужить еще службу Россіи, но какъ полкъ, надъ коимъ принялъ онъ начальство, пошелъ въ Ярославль и не прежде слѣдующей весны могъ быть сформированъ, то и предпочелъ онъ вѣхать отыскивать отправленную имъ жену, туда гдѣ онъ ее достигнетъ. Между тѣмъ военныя обстоятельства приняли для насъ благоприятный оборотъ, и защищать Россію уже было нечего; тогда махнувъ рукою славъ и почестямъ, сказалъ онъ себѣ: „j'aime mieux ma mie, o gué!“ и на время остался у насъ.

Молодая княгиня Четвертинская была изъ тѣхъ женщинъ, коихъ стоить любить. Не знаю какъ сказать мнѣ о ея наружности? Если прямой, гибкій станъ, правильныя черты лица, большіе глаза, пріятнѣйшая улыбка и матовая, прозрачная бѣлизна неполированного мрамора, суть условія красоты, то она ее имѣла. Съ особами обоого пола была она равно привѣтлива и обходительна. Ее звали Надежда Ѳедоровна; но для мужчинъ на челѣ этой Надежды была всегда надпись Дантова ада: „оставь надежду навсегда.“ * Кто кого болѣе любилъ, мужъ или жена? Право сказать не могу.

Она пріѣхала въ Пензу съ матерью своею. Сія послѣдняя была столь долго въ Москвѣ извѣстная Прасковья Юрьевна, урожденная княжна Трубецкая, родная племянница фельдмаршала Румянцева-Задунайскаго, въ первомъ замужествѣ за полковникомъ княземъ Ѳедоромъ Сергѣевичемъ Гагаринымъ. Странная встрѣча случаевъ! Отецъ княгини Четвертинской погибъ, былъ умерщвленъ въ 1794 году, во время варшавскаго возмущенія почти въ одинъ день съ отцомъ мужа ея. Неутѣшная молодая вдова, мать нѣсколькихъ малолѣтнихъ дѣтей, взята была въ плѣнъ и въ темницѣ родила меньшую дочь, какъ гдѣ-то сказалъ я; вмѣстѣ съ другими была она освобождена Суворовымъ послѣ взятія Праги. Долго отвергала она всякія утѣшенія, въ серыѣ носила землю съ могилы му-

---

* Извѣстнѣйшій нашъ поэтъ въ досадѣ сказалъ то же о петербургскихъ дамахъ.

жа своего; но вмѣстѣ съ твердостью имѣла она необычайныя, можно сказать, невиданныя живость и веселость характера; разъ предавшись удовольствіямъ свѣта, она не переставала имъ слѣдовать.

Она жила въ Москвѣ, въ странномъ городѣ, гдѣ на все смотрять, всему подражаютъ, все дѣлаютъ въ преувеличенномъ видѣ. Правнуки степныхъ княгинь и боярынь, рѣдко покидавшихъ свои терема, пользовались въ немъ совершенною свободою, смѣю даже прибавить излишнюю. Сбросивъ иго старинныхъ предразсудковъ, они часто не хотѣли повиноваться и законамъ приличія. Тридцать или сорокъ лѣтъ спустя родился коммунизмъ и показались львицы, но тогда никто не могъ имѣть объ нихъ понятія; однакоже названіе *бойкихъ* московскихъ дамъ и барышень и тогда вселяло страхъ и уваженіе въ провинціалкахъ, не смѣвшихъ имъ подражать. Смотри безпристрастно, я нахожу, что нравы были дурны, но не испорчены; я полагаю, судя по холодности русскихъ женщинъ, что грѣха было мало, или вовсе его не было, но соблазна много. Худо было то въ этомъ жестокомъ и снисходительномъ городѣ, что клевета или злословіе не оставляли безъ вниманія ни одной женщины; и все это дѣлалось (и дѣлается) безъ всякаго дурнаго умысла; всѣ эти примѣчанія, выдумки совсѣмъ не были камнями, коими бы хотѣли бросать въ грѣшницъ, ибо каждый зналъ, что онъ самъ можетъ-быть ими закиданъ: радуясь чужому паденію, казалось, говорили: нашего полка прибыло. Чтобы сохранить чистое имя, должны были женщины приниматься за *pruderie*, что иначе не умѣю я перевести какъ словомъ жеманство. Ихъ число было не малое, но ихъ не терпѣли и надъ ними смѣялись, тогда какъ торжество и побѣды ожидали истинно или мнимо виновныхъ. Бѣда вся оттого, что въ Москвѣ не было регулятора—двора и тѣхъ бдительныхъ полицеймейстеровъ въ юбкахъ, которые въ другихъ столицахъ наблюдаютъ за порядкомъ въ гостиныхъ большого свѣта. Прасковья Юрьевна, которая всему охотно смѣялась, особенно вранью, никакъ не хотѣла разсердиться за то, что про нее распускали.

Но время шло, дѣти росли, и когда она совсѣмъ почти начинала терять свои прелести, явился обожатель. То былъ Петръ Александровичъ Кологривовъ, отставной полковникъ,

служившій при Павлѣ въ кавалергардскомъ полку. Утверждаютъ, что онъ былъ въ нее безъ памяти влюбленъ! *Où l'a-t-on va-t-il se nicher?* Любовь, куда тебя занесло? хотѣлось бы сказать. А между тѣмъ, оно было такъ: надобно было имѣть необыкновенную привлекательность, чтобы въ утробѣ этого человѣка расшевелить нѣчто нѣжное, пламенное. Во Франціи, говорятъ, какая-то дама, чтобы отвязаться отъ преслѣдованій влюбленнаго, вышла за него; въ Россіи это не водится, и Прасковья Юрьевна не безъ причины согласилась отдать ему свою руку. Какъ всѣ знатные у насъ, не однѣ женщины, но и мужчины, не думала она о хозяйственныхъ дѣлахъ своихъ, которыя пришли въ совершенное разстройство. Она до безумія любила дѣтей своихъ: мальчики вступали въ тотъ возрастъ, въ который по тогдашнему обычаю надобно было готовить ихъ на службу, дѣвочки съ каждымъ годомъ милѣе раздѣвѣтали. Какъ для нихъ не пожертвовать собою? Какъ не дать имъ защитника, опекуна и опору? Вообще же женщины любятъ любовь, и не такъ какъ мы, видя ее къ себѣ въ существахъ даже имъ противныхъ, не могутъ отказать имъ въ участіи и состраданіи; а тамъ, поглядишь, они уже и раздѣляютъ ее. Кологривовъ имѣлъ весьма богатое состояніе, да сверхъ того, несмотря на военное званіе свое, былъ великій хлопотунъ и дѣлецъ.

На полдорогѣ, между Пензой и Зубриловкой, было у него обширное помѣстье, село Мещерское, на три версты растянутое. Туда пробираясь, остановился онъ на всю зиму въ Пензѣ съ семействомъ, то-есть съ женою и съ двумя падчерицами, княжнами Софьею и Любовью; съ ними вмѣстѣ жили и Четвертинскіе. Я написалъ почти исторію этого дома, оттого что онъ сдѣлался моею отрадой: бывало погрустятъ о Москвѣ, а тамъ и примутся за хохотомъ за растабары, и нечувствительнымъ образомъ забудешься, и, хотя на время, уймется сердечная тоска.

Только французская компанія, несмотря на родство, очень рѣдко тутъ показывалась: сборнымъ мѣстомъ ея былъ домъ госпожи Рыщевской. Съ прибытіемъ въ октябрѣ плѣнныхъ французскихъ офицеровъ, сдѣлалось въ немъ большое приращеніе, но не умножились пріятности и достоинство его. Всѣ эти господа были въ поношенномъ, а мѣстами истертомъ

и изорванномъ платьѣ; бѣдѣ этой помочь легко, лишь были бы деньги, а Рыщевская не жалѣла ихъ, чтобъ обмундировать любезныхъ Французовъ. Но манеры ихъ и казарменные рѣчи поправить она не могла; все они отъ сохи перешли прямо къ ружью и шпагѣ, воспитаны были въ лагерѣ и не могли произнести ни одного слова, не сопровождая его слишкомъ энергически, непристойными терминами, такъ что сама Рыщевская, кажется, принуждена была наконецъ отказаться отъ ихъ посѣщеній.

VI.

Наступила глухая осень; желаніе Русскихъ исполнялось: Наполеонъ не трогался съ мѣста; казалось, его взяло какое-то раздумье. Мы не могли знать причинъ его нерѣшимости, да, лучше сказать, и ничего не знали о томъ, что происходитъ въ армию. Извѣстія о ней, печатаемая въ петербургскихъ газетахъ, которыхъ никто прежде у насъ не получалъ, дѣлая великой объѣздъ, приходили къ намъ весьма поздно. Мы знали только, что въ селеніи Леташевкѣ, на Калужской дорогѣ, находится главная квартира новопожалованнаго фельд-маршала Кутузова.

Надежда, между тѣмъ, закралась и ко мнѣ въ сердце и съ каждымъ днемъ болѣе возрастала. Про себя проходя мысленно исторію чуднаго града Москвы, вспоминалъ я, вычитывалъ все татарскія, литовскія и польскія нашествія, которыя, разрушая ее, объ нее сокрушались. Сходство между настоящимъ и давнопрошедшими событіями становилось очевидно, когда непобѣдимые воины бродили голодными стаями по опустошеннымъ окрестностямъ обгорѣвшей столицы и всегда почти дѣлались жертвами неустрашимости даже поповъ и деревенскихъ бабъ. Какъ было твердо не уповать на помощь небесную!

О первомъ настоящемъ успѣхѣ нашего войска узналъ я первый и пресмѣшнымъ образомъ. Былъ нѣкто майоръ Ф., обрусѣвшій Полякъ нѣмецкаго происхожденія, который, всю жизнь прослуживъ въ гарнизонныхъ полкахъ, сдѣлался наконецъ командиромъ пензенской штатной роты, и на этомъ покойномъ мѣстѣ надѣялся окончить вѣкъ. Но въ 1811 году роты сіи были взяты изъ-подъ начальства губернаторовъ и послужили основаніемъ составлявшагося тог-

да корпуса внутренней стражи; и бѣдный Ф., здоровый еще тѣломъ, но вѣчный инвалидъ умомъ, надѣвъ эполеты, долженъ былъ опять приняться за фронтъ. Замѣчательнъ былъ онъ также великимъ невѣдѣніемъ своимъ и, кажется, былъ не изъ храбраго десятка: когда въ 1812 году потребовали и внутреннюю стражу, и она стала въ ряды сражающихся, не знаю какъ Ф. умѣлъ это сдѣлать, только безпрестанно, не вдаваясь въ опасности, отводилъ и приводилъ онъ какія-то команды и рекрутскія партіи. Не помню, 16 или 17 октября сказали мнѣ, что онъ пріѣхалъ изъ Рязанской губерніи; я скорѣе къ нему, и онъ встрѣтилъ меня радостною вѣстію о пораженіи Французовъ, о которомъ достоверно слышалъ онъ въ Рязани. „Да гдѣ это было? и кто командовалъ?“ спросилъ я его. „Да кто же какъ не нашъ генераль-майоръ Русановъ.“ Это былъ окружной генераль внутренней стражи и его начальникъ, и онъ выше его не полагалъ. „Да это просто вздоръ; охота же мнѣ слушать дурака“, съ досадою подумалъ я. Не менѣе того, въ тотъ же вечеръ не утерпѣлъ я, чтобы не объявить пустой вѣсти нѣкоторымъ знакомымъ; одни смѣялись, а другіе, хватаясь за все что льстило ихъ надеждамъ, находили, что тутъ можетъ быть и правда.

На другой же день всѣхъ взяло тревожное любопытство; стали развѣдывать, сторожить всякаго пріѣзжаго, какого бы званія онъ ни былъ, спрашивать его, и дня черезъ два узнали, наконецъ, что Ф. не совсѣмъ совралъ, и что, дѣйствительно, не Русановъ, а Беннигсенъ, 6-го числа при Тарутинѣ, одержалъ великую побѣду надъ Мюратомъ. Это было только прелюдіей другихъ, еще болѣе важныхъ, болѣе радостныхъ извѣстій.

Домоправители, прикащики оставленныхъ въ Москвѣ господскихъ домовъ, изъ нея бѣжавшіе, жили однако же не очень вдалекѣ отъ нея. Другіе, изъ усердія, чтобы спасти господское добро, не покидали ее и претерпѣвали всѣ мученія и нужды, коимъ подвергнута была горсть оставшихся въ ней жителей: нѣкоторымъ изъ нихъ удавалось разжалобить полковниковъ и офицеровъ, и подъ ихъ защитою сберегать имущество, ихъ храненію ввѣренное. Первые кинулись въ Москву, коль скоро узнали только, что она очищена отъ непріятели; тѣ и другіе, приведя въ извѣстность сколько чего погибло и что сохранилось, поспѣшили съ нарочно посланными отправить донесенія свои къ владѣльцамъ въ мѣ-

ста ихъ пребыванія. Одинъ изъ сихъ посланныхъ, первый прискакалъ въ Пензу къ Кологривову, рано по утру, 22-го числа, въ день Казанской Божіей Матери.

Можно себѣ представить чувство радости и печали вмѣстѣ, при полученіи сопровождаемаго подробностями приведеннаго имъ извѣстія. Церкви въ этотъ день наполнены были народомъ, и благодарственнымъ молебнамъ не было конца. Нашимъ Москвичамъ посчастливилось: почти у всѣхъ уцѣлѣли дома; нѣкоторые были деревянные, а пламя, которое вокругъ все пожирало, какъ будто съ осторожностію обошло ихъ. Этого мало: въ иные снесены были, среди всеобщаго разгрома, захваченныя дорогія вещи, картины, зеркала, бронза, цѣлыя бібліотеки книгъ, которыя Французы, при великой поспѣшности, съ какою выходили, увезти съ собою не имѣли средствъ. Разбирать кому вещи эти принадлежали прежде не было возможности, и онѣ остались собственностію тѣхъ, къ кому попали.

Прощаніе Наполеона съ Москвою было жестокое, варварское; одни только Вандалы, безъ всякой нужды, любили истреблять памятники древности. Всякаго рода славы хотѣлось этому человѣку, даже — Эрострата и Омара. Онъ задумалъ внутренность холма, на коемъ поставленъ Кремль, начинить тысячами центнеровъ пороха, дабы въ одно мгновеніе, знаменующее его отбытіе, разрушить созданія вѣковъ; въ бѣшенствѣ неудачъ ему такъ и хотѣлось вырвать самое сердце Россіи. Но Богъ не попустилъ: цѣлыя водопады, по сказаніямъ самихъ Франгузовъ, низринулись съ неба на землю, чтобы въ утробѣ ея затушить адскій огонь. Уголь Арсенала, часть стѣны и Никольской башни взлетѣли только на воздухъ; но, о чудо новое, не только икона на башнѣ висящая, даже стекло ее покрывающее остались невредимы. Великъ ли былъ въ эти дни великій Наполеонъ, когда въ дѣйствіяхъ своихъ являлъ одну только злость безсилія? пусть о томъ посудятъ вынѣшніе его почитатели. Онъ еще не палъ тогда, и здѣсь еще не мѣсто выговорить послѣднее слово безпристрастнаго сужденія моего о немъ.

Но куда онъ направитъ теперь разрушительный свой ходъ? куда онъ пойдетъ? Онъ пошелъ, куда повела его рука Божія. Она подъ Малымъ Ярославцемъ заслонила ему дорогу во внутреннія области, въ изобильную и теплую Украйну, и насильно повернула его на тотъ самый путь, гдѣ, не задолго

передъ тѣмъ, земля стонала подъ шагами шести сотъ тысячной арміи; гдѣ отъ приближенія все гибло, все превращалось въ пепель; гдѣ, слѣное орудіе Провидѣнія, онъ самъ себя готовилъ гибель. Когда съ неописанною радостію узнали у насъ о томъ, то всѣ вскрикнули: „ну, теперь ему конецъ!“ „Нѣтъ, еще не совсѣмъ,“ отвѣтъ былъ свыше, — „но онъ уже не далекъ“.

Отъ добрыхъ вѣстей, одна за другою быстро слѣдовавшихъ, не вдругъ мы опомнились; но когда, въ началѣ ноября, мрачныя тучи совсѣмъ закрыли отъ насъ небо, и снѣгъ покрылъ вдругъ землю, когда зима, съ своими ужасами, прежде обыкновеннаго времени къ намъ поспѣшила, — намъ показалось тогда, что горизонтъ совершенно прояснился. По мѣрѣ удаленія Наполеона, угрюмость стала исчезать съ лицъ нашихъ, морщины — со лбовъ; но увы, какъ будто понемногу началъ слабѣть и энтузіазмъ моихъ соотечественниковъ. Таковъ-то еще народъ русскій въ своей незрѣлости, отъ барина до мужика: бѣда проходить, бѣда едва прошла, а ее какъ будто бы уже никогда и не бывало.

Въ день именинъ моихъ, 14 ноября, получилъ я прекрасный подарокъ: мнѣ принесли первый номеръ вновь выходящей московской газеты, и я нашелъ въ ней подробности какъ о разстройствѣ, о всѣхъ безпорядкахъ быстрого побѣга Наполеоновой арміи, такъ и о столь же быстромъ преслѣдованіи ея самимъ Кутузовымъ; — о новыхъ подвигахъ, прославившихся въ эту войну партизановъ: Давыдова, Селавина, Фигнера; — о летучихъ стаяхъ казацкихъ, которыя со всѣхъ сторонъ теребили бѣгущихъ, пока не уступили ихъ хищнымъ звѣрямъ и птицамъ, псамъ и коршунамъ. Казалось дѣло конченнымъ и гибель враговъ нашихъ неизбѣжною.

Еще болѣе утвердился мы въ этомъ мнѣніи, когда 22 числа получили мы извѣстіе о дѣлѣ, бывшемъ 4-го подъ Краснымъ. Ужасный сѣверный вѣтеръ, какъ гнѣвъ Божій, внезапно настигъ еще многочисленныя толпы несчастныхъ, полуодѣтыхъ, полуобутыхъ. Одни, еще согрѣтые мужествомъ, отстрѣливались; другіе, не въ силахъ владѣть оружіемъ, роняли его изъ окоченѣлыхъ рукъ и тысячами сдавались. Небо явно споспѣшествовало намъ: стихіи сдѣлались нашими союзницами; отъ проливнаго дождя, спасаго древній Кремль, до жестокаго мороза, близъ Смоленска истребившаго большую, лучшую часть неприятельской арміи, едва прошло три недѣли.

Все оживилось, все радостно зашумѣло у насъ. Во злобѣ, еще не совсѣмъ угасшей, никто изъ насъ не подумалъ пожалѣть о тысячахъ несчастныхъ жертвъ, насильно противъ насъ привлеченныхъ; во всѣхъ нихъ видѣли мы еще лютыхъ звѣрей, въ погонѣ за коими ни единого Кутузовъ не долженъ былъ пощадить.

Губернатору давно уже хотѣлось поплясать; но въ обстоятельствахъ, въ которыхъ находилась тогда Россія, балъ могъ бы почестся верхомъ неприличія. Тутъ показалось ему, что всѣ находятся въ одинаковомъ съ нимъ расположеніи, и онъ всѣхъ, туземныхъ и пріѣзжихъ, поспѣшилъ пригласить на большую вечеринку въ день именинъ жены своей, 24 ноября. Губернаторскій домъ довольно великъ, а въ комнатахъ его едва продраться было возможно. Веселѣе и забавнѣе этого бала я не видалъ: онъ былъ вмѣстѣ и раутъ, и маскарадъ безъ масокъ. Многие изъ мушкетеровъ, находя, что на именинный вечеръ къ губернаторшѣ, къ княгинѣ, пріѣхать не въ гражданскомъ мундирѣ будетъ слишкомъ непочтительно, явились въ немъ при шпагахъ; другіе дерзнули облечься опять во вражій костюмъ, во фраки, и самъ хозяинъ въ этомъ случаѣ послужилъ имъ примѣромъ; казачій кафтанъ успѣлъ ужъ ему надѣсть; ополченныя, затынутыя, съ эполетами и саблями, имѣли довольно воинственный видъ; другіе же, въ томъ числѣ и я, въ широкихъ сѣрыхъ или зеленыхъ зипунахъ казались нѣсколько мужиковаты. Еще болѣе пестроты являлось между прекраснымъ поломъ: большая половина дамъ была красивѣе въ сарафанахъ и повязкахъ; другія же, по склонности къ перемѣнѣ, нарядились по послѣдней извѣстной имъ модѣ; пожилая Польша Рыщевская была въ чалмѣ и казалась бунтующимъ турецкимъ пашею: эмигрантки одѣты были слишкомъ скромно; однакоже замѣтно было, что Смольянки, по недостатку въ деньгахъ и въ модныхъ торговкахъ, надѣли довольно поношеное простое платье, тогда какъ гордыя Московки, для пензенскаго общества, не захотѣли позаботиться о туалетѣ. Но кто бы въ какомъ нарядѣ ни былъ, вниманіе мало обращалось на то: угощеніе, освѣщеніе были славныя, и всѣ плавали въ удовольствіи, въ веселіи.

Праздникъ этотъ былъ только сигналомъ другихъ увеселеній, продолжавшихся во всю зиму; губернатору удалось заманить въ Пензу и остановить въ ней два богатыхъ, уве-

селительныя семейства, которыя нѣкоторымъ образомъ какъ будто одно изъ себя составляли; объ одномъ изъ нихъ упомянулъ я мелькомъ.

Такимъ образомъ во всю зиму, еженедѣльно разъ у губернатора, разъ у А. и два раза у Х. плясала вся Пенза со всеми невольнo ея поствившими. Большую роль на сихъ балахъ играла одна московская старая дѣвка и франтиха, Наталья Павловна М. Ей оказывали большое уваженіе по той причинѣ, что съ материнской стороны она была двоюродная сестра князя Ивана Сергѣевича Барятинскаго, женатаго на голштинской принцессѣ. Мы было сначала подружились съ ней, и она любила разказывать мнѣ о блестящей ампуреѣ, въ которой жила; но какъ я провелъ молодость въ Петербургѣ, оттого что-то плохо вѣровалъ въ преимущества московскаго бомонда, едва признавалъ его существованіе и не сумѣлъ этого скрыть отъ нея, то она совсѣмъ ко мнѣ охолодѣла.

Итакъ, при свѣтѣ лампъ и люстръ примѣтно начиналъ гаснуть огонь патриотическаго энтузіазма нашего. А, кажется, было чѣмъ питать въ насъ сіе священное пламя! Непріятель хотя и бѣжалъ опрометью, но еще не выбѣжалъ за предѣлы Россійскаго государства. Въ Петербургѣ, вѣрномъ раздражателѣ всего европейскаго, придумано было новое, дотолѣ не употребляемое средство къ возбужденію народа противъ враговъ. У Англичанъ переняли обычай рисовать и печатать каррикатуры на Наполеона и стали кипами разсылать ихъ по всей Россіи. Тамъ въ присядку пляшетъ Наполеонъ подъ русскую дудку, тамъ голодные воины его варятъ вороній супъ. Нѣкто Тербеневъ прославился въ этомъ дѣлѣ и въ это время. Русскіе отъ души начали смѣяться: тѣмъ хуже, — съ ихъ незлобіемъ и врожденнымъ великодушіемъ, смѣхъ почти всегда обезоруживаетъ ихъ.

Другое средство внушено было Нѣмцами, тогда только искренними, вѣрными, преданными намъ союзниками. Никто у насъ не умѣлъ или, лучше сказать, не смѣлъ отважно и основательно писать о политическихъ дѣлахъ. Газеты издаваемые отъ правительства или отъ правительственныхъ мѣстъ разказывали о происшествіяхъ не позволяя себѣ никакихъ сужденій: не только о другѣ Наполеонѣ, даже о злодѣѣ Бонапартѣ говорили съ нѣкоторою почительностію и робостію. Самые такъ-разываемые литературные журналы наши почти

не выходили изъ предѣловъ словесности, а когда изрѣдка случалось имъ коснуться до происходящаго въ Европѣ, тотчасъ окрашивались они какимъ-то офиціальнымъ колоритомъ. Въ 812 году, два человека спаслись къ намъ отъ гоненій мучителя Германіи, знаменитый государственный мужъ баронъ Штейнъ и столь же извѣстный профессоръ и писатель Арндтъ: оба были политическіе вольнодумцы. . . . .

. . . . . Надобно полагать, что первый изъ нихъ склонилъ Александра употребить магическое слово *вольность*, дабы всѣ европейскіе народы воззвать къ оружію противъ насильственной французской власти. Предложеніе не могло быть отвергнуто; оно тѣшило любимую мысль Царя нашего. Совѣтъ былъ недурень, и средство казалось вѣрнымъ; жаль только, что не подумано было о послѣдствіяхъ въ случаѣ побѣды, которая все еще казалась не совѣсмъ вѣроятною: возбуждать легко, унимать трудно. Какъ бы то ни было, ученые и восторженные Нѣмцы нашли, что наступило уже время откровенно говорить съ просвѣщенной частію жителей и, чтобы взволновать до дна океанъ народовъ населяющихъ Россію, необходимо приступить немедленно къ изданію политическаго журнала. Дѣло уже и безъ того было сдѣлано, и Шишковымъ написаннаго манифеста въ Полодкѣ было на то достаточно. Но гдѣ вдругъ найдешь матеріалы? портфели Арндта наполнены были неизданными проклятіями на Наполеона, а между Нѣмцами какъ не найти трудолюбиваго переводчика. Нѣмецъ Гречъ избранъ былъ издателемъ, и еженедѣльно сталъ появляться *Сынъ Отечества*. Кажется, это было около половины ноября, ибо въ началѣ декабря уже читалъ я съ жадностію жиденькія книжки его, исполненныя выразительныхъ, даже бѣшеныхъ статей. Были люди, которые находили, что это послѣ ужина горчица,—только не тѣ, которые пылали безкорыстною любовію къ отечеству, дорожили его честію и надѣялись видѣть совершенное торжество его. Для справедливаго негодованія ихъ журналъ сей былъ пищей.

Судьба Наполеона, казалось, рѣшена. Всѣ только разчитывали пространство, по коему оставалось ему бѣжать, и съ негерпѣливымъ любопытствомъ ожидали, какъ зрѣлища, рѣшительной его гибели. Странно и непонятно! Безъ всякаго знанія мѣстностей, еще прежде чѣмъ достигъ онъ Березины, народный гласъ уже избралъ берега ея мѣстомъ его казни.

Молдавская армія въ соединеніи съ резервною, подъ предводительствомъ Чичагова, шла съ юга къ нему навстрѣчу: большая армія съ начала шла по пятамъ его, но утомленная непрерывною погоней за нимъ начинала отставать; при первой же остановкѣ его всегда могла его настигнуть. Съ правой стороны шибко приближался къ нему Витгенштейнъ, побѣдитель трехъ маршаловъ, Макдональда, Удино и Викторра, съ корпусомъ усиленнымъ петербургскимъ ополченіемъ и войсками изъ Финляндіи выведенными *.

Ужасами переправы черезъ знаменитую съ тѣхъ поръ Березину не могла быть удовлетворена въ насъ жажда мести: намъ подавай самого Наполеона, а онъ ускользнулъ. И теперь еще не знаю, обвинять ли слѣдуетъ Чичагова или оправдывать его? Нельзя изобразить общаго на него негодованія: всѣ состоянія подозрѣвали его въ измѣнѣ, снисходительнѣйшіе кляли его неискusstво, и Крыловъ написалъ басню о пирожникѣ, который беретса шить сапоги, то-есть, о морякѣ начальствующемъ надъ сухопутнымъ войскомъ. Отъ воиновъ, безпристрастныхъ очевидцевъ и свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ судей, гораздо послѣ слышалъ я, что Чичаговъ невзначай оказалъ тутъ великую услугу Россіи. Онъ не пошелъ туда, гдѣ могъ бы остановить Наполеона; но кто знаетъ: сей послѣдній, въ отчаянномъ положеніи, могъ бы опрокинуть его небольшую армію и пойдти въ Минскъ, гдѣ, среди изобилія, находился Шварценбергъ съ австрійскими и саксонскими войсками, сомнительными союзниками, но тогда еще обязанными подкрѣпить его. Узнавъ гдѣ Чичаговъ стережетъ его, Наполеонъ предпочелъ кинуться на открытый, но ужасный путь къ Вильнѣ, который безъ сраженій довершилъ истребленіе его арміи.

Когда въ дѣлѣ Россіи съ Наполеономъ судъ Божій произнесъ рѣшительный свой приговоръ, когда изъ разсѣянной огромной тучи непріятельской, слабый остатокъ ея, въ видѣ легкаго облачка, гонимаго бурнымъ вѣтромъ, сталъ быстро удаляться отъ границъ нашихъ, тогда богобоязненный царь,

* Въ день побѣды Беннгсена при Тарутинѣ, 6-го октября, Витгенштейнъ одержалъ таковую же подъ Полодкомъ. Кому до кого, а мнѣ до своихъ: зять мой, генералъ Алексѣевъ, въ этотъ день былъ откомандированъ на рѣчку Струню, чтобы штурмомъ взять возведенныя надъ нею укрѣпленія. Онъ сдѣлалъ сіе съ обычною ему неустрашимостию, за что и награжденъ былъ владимірскою звѣздою второй степени.

смиренно повинуясь высокому призванію, почувствовалъ, что наступило и для него время великихъ подвиговъ. Онъ оставилъ Петербургъ и прибылъ въ Вильну, 12 декабря, съ побѣдоноснымъ войскомъ праздновать день рожденія своего, ровно черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ того, какъ въ той же самой Вильнѣ объявилъ, что не положитъ оружія, доколѣ единый непріятельскій воинъ останется на землѣ русской. Онъ сдержалъ слово, но не совсѣмъ, ибо оружія не положилъ. Да благословенъ будетъ тотъ, кто подаль ему смѣлую мысль, не останавливаясь продолжать идти впередъ, чтобы захватить задорную Польшу и ободрить напуганную нѣмечину, пока Франція не успѣла опомниться и оправиться. Мнѣ пріятно думать, что отвынѣ Александръ дѣйствовалъ единственно по вдохновеніямъ, ниспосылаемымъ ему свыше.

Бросаясь въ объятія Кутузова, недавно украшеннаго великолѣпнымъ титуломъ Смоленскаго князя, но что еще гораздо важнѣе того, цѣлою Россіей провозглашеннаго спасителемъ отечества, государь возложилъ на него знаки ордена, по моему, перваго въ мірѣ *. Любопытно бы было знать, что происходило тогда въ душѣ Кутузова? Всѣ современники согласны въ томъ, что онъ имѣлъ высокое образованіе, былъ чрезвычайно уменъ и пріятель въ обществѣ, неустрашимъ въ бояхъ и равно искусенъ въ дѣлахъ войны какъ и мира. Все это служить доказательствомъ необыкновеннаго ума и твердости, и соотечественники по всей справедливости могутъ гордиться имъ. Утверждаютъ однакоже, что онъ былъ также уклончивый и тонкій царедворецъ; это заставляетъ уже сомнѣваться въ высотѣ его чувствъ. Какъ бы ни было, но не возможно чтобъ онъ не раздѣлялъ восторговъ имъ производимыхъ: миллионы людей безпрестанно насылали ему нѣжнѣйшія хвалы и благословенія. Какъ все это должно было волновать и молодить его сердце! И какой блескъ юности можетъ сравниться съ пламенною зарей его заката! Онъ едва было не сдѣлалъ Русскихъ неблагодарными, чуть было не заставилъ ихъ забыть Суворова.

Приблизился конецъ этого вѣчнопамятнаго года, и все что въ продолженіе его я почувствовалъ, имѣло сильное влія-

---

* Съ самаго учрежденія Георгіевскаго ордена въ 1769 году, кавалеровъ его первой степени всего было понынѣ только шестнадцать, а въ это время ни одного.

ніе на здоровье мое. Я впалъ въ нервную болѣзнь, довольно серіозную, и въ страданіяхъ встрѣтилъ 1813 годъ. Я здѣсь остановлюсь, чтобы бросить взглядъ на сію чудную эпоху въ нашей исторіи. Желая польстить нашему самолюбію, англійскіе журналы начали сравнивать тогда подвиги Русскихъ съ тѣми, кои въ это время на противоположномъ концѣ Европы совершали у себя Гишпанцы. Кто изъ насъ позволитъ себѣ оспаривать славу великодушной защиты Саррагосы и вообще всѣхъ отчаянныхъ, неимовѣрныхъ усилій кастильской гордости, аррагонскаго и бискайскаго упрямства, особенно когда нѣкоторымъ образомъ были они для насъ полезны? Нынѣ, признаюсь, сіе сравненіе мнѣ кажется обиднымъ: въ одинакихъ ли отношеніяхъ съ Гишпаніей Россія находилась тогда къ Франціи? Давно подвластная республикѣ и имперіи, Гишпанія тогда только возмутилась, когда ей стало не въ мочь: это былъ мятежъ вассаловъ противъ притѣсненій власти, надъ ними господствовавшей. Природа на каждомъ пунктѣ жителямъ этой страны представляла удобныя средства къ отпору непріятелей,—непроходимыя горы и дебри; и Сьерра Морена и всѣ другія Сьерры не напоминаютъ ли скорѣе Кавказъ и борьбу горцевъ съ Россіей? Если симъ послѣднимъ и сыпались сотни тысячъ гиней, то это тайкомъ; за то нѣтъ десятковъ тысячъ вооруженныхъ Англичанъ, которые бы явно сражались за нихъ. Безъ помощи Англій, новой госпожи своей, что бы сдѣлали Гишпанцы?

Какихъ союзниковъ имѣла Россія въ началѣ войны 1812 года, кромѣ Бога, безпредѣльной вѣры въ Его могущество и мужества ея внушеннаго? Она одна встрѣтила напоръ двадцати языкъ, или, вѣрнѣе сказать, по крайней мѣрѣ десяти народовъ, изнемогала подъ ударами ихъ, но не пала; и ихъ же дружелюбно взявъ за руку, повела на предводительствовавшего ими. Шести мѣсяцевъ было ей достаточно, чтобы произвести совершенный переломъ въ судьбахъ цѣлаго міра. Шесть лѣтъ боролась Гишпанія съ нѣсколькими отрядами наполеоновскими, и едва успѣла не одолѣть Франціи, а только освободиться отъ нея; и то,—благодаря быстротѣ бурнаго потока, какъ будто на помощь ей съ сѣверо-востока текущаго. Гдѣ же тутъ сходство?

Изъ неприступнаго острова своего, какъ съ высоты амфитеатра, смотрѣли Англичане на гладиаторовъ, проливающихъ кровь свою будто бы для ихъ забавы и пользы, и,

рукопеская Русскимъ, хотѣли сравнить ихъ съ наемниками своими Гизпанцами. Даже и тогда какъ спасительная рать ся явилась посреди Европы, чтобъ избавить ее отъ тягости вѣчной войны, Россія сдѣлалась уже предметомъ зависти для западныхъ народовъ. Извинительно неправдолюбивой и пристыженной Франціи приписывать было неслыханный уронъ свой единственно суровости климата; но мнѣніе сіе, не раздѣляя его, старались также поддерживать Англичане и Нѣмцы. Извѣстно, что горячая кровь полуденныхъ людей сильнѣе противится дѣйствию холода, чѣмъ медленнѣе обращающаяся кровь жителей сѣвера. Послѣднимъ сама природа дала защиту, звѣриныя кожи, въ которыя съ малолѣтства, такъ сказать, пеленаясь, они прячутся въ невыносимо жаркихъ своихъ избахъ. Первые цѣлый вѣкъ любятъ жить на воздухѣ, который при всякой температурѣ, обхватывая весь составъ ихъ, пріучаетъ его къ перенесенію всякихъ непогодъ. Кто не видѣлъ Французовъ въ однихъ фракахъ, съ руками въ карманахъ, весело пляшущихъ на морозѣ, * когда термометръ показывалъ десять или двѣнадцать градусовъ? Цыгане, не погибая, въ кибиткахъ своихъ всю зиму кочуютъ у насъ на сѣверѣ. Отчего же Русскіе, преслѣдуя Французовъ, подобно имъ не падали какъ мухи? Оттого что они были въ шапкахъ, въ шубахъ, даже въ лаптяхъ и не съ пустыми желудками; оттого что воины непобѣдимой арміи шли наги, босы и голодны. Въ такомъ состояніи должны бы они были гибнуть среди лѣта. А кто привелъ ихъ къ нему? Прозорливый, терпѣливый нашъ Фабій, великій русскій вождь все разчелъ, все предугадалъ: умудрилъ его Господь, „насылая слѣпоту на того, кто мысленно дерзалъ уже почитать себя Ему равнымъ.“ Съ самыхъ первыхъ шаговъ Наполеона въ Россіи замѣтны были въ немъ нетерпѣливость, самонадѣянность, опрометчивость, — замѣтно было, что надежды не столько возлагаетъ онъ на гениальность свою, какъ на счастье и на сплоченныя имъ массы, огромный запасъ людей. „Двадцать пять тысячъ человекъ могу я проживать ежемѣсячно,“ говорилъ онъ; и онъ промотался и бѣжалъ изъ Россіи, какъ должникъ отъ тюрьмы. Не столько храбрость и

---

* Подъ Прейсшъ-Эйлау, 27 января, въ Пруссіи вѣрно было не тепле чѣмъ осенью въ Бѣлоруссіи, а Французы если и не побѣдили, но и побѣждены не были.

число солдатъ, сколько искусство полководцевъ даруетъ побѣды: спрашивается кто изъ двухъ показалъ тутъ болѣе искусства? уже конечно тотъ, кто съ меньшимъ числомъ войскъ предводительствовавшаго несмѣтными силами заставилъ обратиться въ бѣгство. Все еще толкуютъ о генералѣ *морозъ*, забывая что этотъ годъ осень стояла у насъ теплѣе чѣмъ во Франціи, что первыя пораженія при Тарутинѣ и Маломъ Ярославцѣ были въ началѣ октября, и что на протяженіи почти четырехъ сотъ верстъ отъ Москвы до Смоленска, когда еще генералъ этотъ не думалъ показываться, уже цѣлыя бригады и дивизіи начинали исчезать въ непріятельской арміи.

Все въ этомъ году было необычайно, неожиданно, чудесно; изображеніе его, по мнѣнію моему, принадлежитъ эпопее еще болѣе чѣмъ исторіи. Запрятанный въ уголокъ той огромной сцены, на которой разыгрывалась великая драма, какъ почти всѣ, тогда былъ и я нѣкоторымъ образомъ вовлеченъ въ ея движеніе, и изъ тогдашнихъ событій могъ собрать нѣкоторыя черты, достойныя вниманія читателя. Какой же славный трудъ предстоитъ будущему творцу русской *Илиады*! Но гдѣ онъ? родился ли онъ, тотъ, который соединяя въ себѣ одномъ геній Карамзина и Пушкина, Тацита и Гомера, былъ бы въ состояніи достойнымъ образомъ начертать потомству величіе его предковъ? Сіи шесть мѣсяцевъ великому писателю едва ли не болѣе представляютъ матеріаловъ чѣмъ десятилѣтіе Троянской войны. Для кисти его сколько красивыхъ, мужественныхъ лицъ, коимъ въ стихахъ тогда же сдѣланъ былъ обрисъ! И почти у всѣхъ русскія названія: Платовъ и Милорадовичъ, Раевскій и Дохтуровъ,—и молодой еще тогда, храбрый Воронцовъ, богатый золотомъ и доблестями, который всю тягость и опасности воинской жизни предпочелъ забавамъ и пышности двора,—нѣжный, попечительный отецъ для подчиненныхъ, товарищъ, братъ и другъ соратствующимъ. И ты предстанешь тутъ, близнецъ его во славу, менѣе его счастливый, но гораздо болѣе чтимый, чудный Ермоловъ, чье имя, священное для Русскихъ, почти въ первый разъ тогда имъ прогремѣло! Какъ бы нарочно, во станъ христіюбиваго воинства providѣніе послало юношу достойнаго воспѣть его подвиги, чистаго душой и тѣломъ, восторженнаго Жуковскаго. Цари тутъ также сражались подъ знаменами царя царей, передъ

которымъ Агамемнонь можетъ казаться Терситомъ. Только изъ пепла нашей Трои возникла гибель новымъ Грекамъ, ибо на нашей сторонѣ былъ опытный, мудрый Несторъ, съ хитростью Улисса и отважностію Ахилла. Неимовѣрное, почти тоже что баснословное, — его тутъ было вдоволь; и какъ иначе назвать внезапную казнь гордынь и спасеніе погибающимъ, съ высоты могущества паденіе исполна, и изъ пучины золь быстрое вознесеніе народа? У насъ боги, съ человѣческими страстями, непристойнымъ образомъ не мѣшались въ дѣла смертныхъ; за то вездѣ и во всемъ было чувствуемо присутствіе чего-то невидимаго и всесильнаго. Я почти увѣренъ, что Александръ и Кутузовъ Его прозрѣли, и что даже самому Наполеону блеснулъ гнѣвный ликъ Его.

Въ недавнемъ времени, одинъ сенаторъ-воинъ взялся написать намъ исторію этой войны. Вышло, какъ въ наше время и ожидать было должно, что офиціальное твореніе его не что иное какъ собраніе реляцій, съ прибавкою похвальныхъ словъ сильнымъ міра сего. . . . .

VII.

Въ болѣзненномъ состояніи, въ которомъ находился я при наступленіи 1813 года, какъ сказалъ я выше, утѣшали меня вѣсти, получаемыя уже изъ-за границы, ибо во второй половинѣ декабря заняты нашими войсками восточная Пруссія и даже Варшава въ самый день Рождества; какъ вдругъ былъ я встревоженъ и сильно огорченъ однимъ неожиданнымъ и постыднымъ происшествіемъ, о коемъ хотѣлось бы мнѣ, но не смѣю, умолчать.

Изъ полковъ новонабраннаго пензенскаго ополченія одинъ только формировался и стоялъ на квартирахъ въ губернскомъ городѣ, другіе размѣщены были въ уѣздахъ. Двое изъ начальствовавшихъ надъ ними полковниковъ, люди черезъ мѣру расчетливые, нашли, что о прокормленіи ратниковъ много заботиться нечего, и что, при всеобщемъ усердіи жителей, они безъ пищи ихъ не оставятъ. А между тѣмъ исправно принимали и клали себѣ въ карманъ суммы, изъ нашего комитета отпускаемыя, для продовольствія воиновъ.

Одинъ изъ нихъ N. былъ приглашенъ, упрощенъ оставить кавалергардскій полкъ, въ которомъ дослужился до полковничьяго чина. По моему мнѣнію, неправы были господа офицеры, а онъ

совѣтъ не виновать, если, будучи сыномъ бѣднаго помѣщика, попалъ онъ нечаянно въ такой полкъ, гдѣ тогда однимъ богачамъ служить было подъ силу, и что для поддержанія требуемаго велелѣнія долженъ былъ онъ прибѣгать къ такъ-называемымъ непозволительнымъ средствамъ. Дѣло не обошлось безъ драки, разумѣется не рукопашной. Говорятъ, онъ былъ не трусливъ и между военными товарищами своими; въ провинціи же, среди мирныхъ земляковъ, смѣлость его часто доходила до дерзости. Что удивительнаго? Все на свѣтѣ, даже уваженіе согражданъ, долженъ былъ брать онъ съ бою; самые дары фортуны могъ онъ не иначе похищать какъ насильственнымъ образомъ: вотъ отчего всегда находился онъ въ бранномъ состояніи. Простое воровство въ обществѣ презирается, необходимо надобно нѣсколько облагородить его разбойничьими формами. Въ Москвѣ, главномъ центрѣ тогдашнихъ картежныхъ операцій, поселился Н. и подвизался тамъ въ сообществѣ съ однимъ своимъ родственникомъ. Онъ оставилъ ее въ 1812 году, когда въ ней ничего ему дѣлать не оставалось, и прибылъ въ Пензу, гдѣ удалу сему предложенъ былъ полкъ.

Оба полковника сіи прежде всего принялись за полковую экономію. Пока средства не истощались у жителей, ни они, ни ратники роптать не смѣли. Но когда голодъ привелъ ихъ въ отчаяніе, послѣдніе возмущались и произвели безпорядки.

Сіе происходило въ двухъ городахъ, Саранскѣ и Чембарѣ, полтораста верстъ одинъ отъ другаго отстоящихъ. Ни безчинства, ни грабежа не было, воины требовали одной пищи, и понаѣвшись сдѣлались спокойнѣе и смиреннѣе. Ужасу было много у насъ въ продолженіе двухъ или трехъ дней. Но скоро подоспѣли другіе ополченныя, — самъ графъ Толстой прискакалъ въ Саранскъ. Дѣло обошлось . . . . .

Въ половинѣ января, уже покорные, ратники, равно какъ и . . . . . начальствующіе, преспокойно отправились вмѣстѣ въ дальній походъ по направленію къ Кіеву.

Съ отбытіемъ ополченія, казалось что занятія нашего комитета, кромѣ приготовленія отчетовъ, должны бы были прекратиться, — ни мало. Не зная достанетъ ли у Нѣмцевъ довольно смѣлости, чтобъ явно присоединиться къ нему; съ другой стороны, видя съ какимъ рвеніемъ и посѣпшностію, по

единому слову его, земля Русская рождает и образуетъ рату; желая имѣть достаточный запасъ воиновъ, въ случаѣ несогласія съ Нѣмцами,—Государь повелѣлъ, чтобы набрано было, подъ именемъ резерва, второе ополченіе, только въ половину меньше перваго. Изъ него велѣно отдѣлить нѣсколько штабъ-и оберъ-офицеровъ, если не въ ратномъ, то во фронтовомъ дѣлѣ искусившихся. Геройскій жаръ въ нѣкоторыхъ успѣлъ уже погаснуть, и они охотно воспользовались случаемъ на нѣсколько мѣсяцевъ еще остаться, не покидать родимаго края. Не оставалось болѣе военныхъ людей, высокое званіе носящихъ, и надлежало довольствоваться менѣе чиновными. Казань избрана мѣстомъ пребыванія главнаго начальства новаго ополченія, и оно поручено отставному артиллеріи генераль-майору, Дмитрію Александровичу Булыгину, съ тѣми же правами, кои присвоены были графу Петру Александровичу Тостому.

Я знавалъ этого Булыгина, только немного. Онъ слылъ весьма умнымъ: объ этомъ судить я не могу, ибо вниманіе мое не столько обращено было на его рѣчи, сколько на наружность. Отецъ его былъ женатъ на придворной Калмычкѣ, и образъ ея, въ преувеличенномъ видѣ, рѣзкими чертами напечатанъ былъ на лицѣ сына. Говорили также, что онъ былъ отличный артиллеристъ, добрый и честный человѣкъ.

Губернскимъ же начальникомъ, вмѣсто отбывшаго генерала Кишенскаго, избранъ былъ у насъ отставной бригадиръ, графъ Федоръ Андреевичъ Толстой. На вопросъ (если мнѣ сдѣлають его): какой это былъ Толстой?—вмѣсто отвѣта, отошлю читателя къ краткой родословной сей многочисленной нынѣ фамиліи, здѣсь ниже въ особой выноскѣ помѣщенной.* Онъ и нѣкоторые изъ братьевъ его служили припѣваючи въ Екатери-

---

* У первопожалованнаго графа Толстаго, въ исторіи Петра Великаго столь извѣстнаго Петра Андреевича, любимца его и преданнаго ему до готовности къ преступленіямъ, было два сына, Иванъ да Петръ, которые при Аннѣ Іоанновнѣ попали въ немилость. Старшій Иванъ былъ сосланъ въ Архангельскъ, гдѣ отъ скуки женился на дочери какого-то неважнаго чиновника и прижилъ съ нею семь сыновей. Всѣ они послѣдовали его примѣру, всѣ переженались, оставили потомство; одинъ изъ нихъ, Андрей Ивановичъ, подражаніе довелъ до совершенства, имѣлъ также семь сыновей, въ томъ числѣ и нашего Федора Андреевича. Другая линія, отъ Петра происходящая, не была такъ плодуща, и оттого сохранила богатство и знатность.

ненской гвардіи до капитанскаго чина, потомъ вышли въ отставку бригадирами, поселились въ Москвѣ и стали искать богатыхъ невѣсть. Ему посчастливилось болѣе другихъ: со Степанидою Алексѣевною Дурасовой, на коей онъ женился, приобрѣлъ онъ большой достатокъ. Даже для умѣреннаго удовольствія его вкусовъ надобно было много денегъ, и онъ бы разорился, еслибы не былъ удержанъ бережливостію, можно сказать, скупостію жены своей. Онъ былъ несвѣдущій, а не менѣе того страстный антикварій и собиратель всякаго рода рѣдкостей. Но какъ при покупкѣ картинъ, манускриптовъ, медалей, всегда руководствовался онъ совѣтами свѣдущихъ людей, то въ собраніе его немного попадало ничтожныхъ вещей, и оно наполнено было драгоценностями. По природѣ мягокравный, онъ всегда казался веселъ, оставался спокойнъ духомъ. Воинъ былъ бы онъ плохой, и если вступилъ въ ополченіе, то, вѣроятно, для того чтобы нѣсколько времени, хотя бы съ сѣрымъ кафтаномъ, пощеголять генеральскими эполетами.

Супруга его рѣшительно была и нелюбезна, и немилосердна. Она, по матери, была въ числѣ наследницъ знаменитаго Твердышева, простаго мужика, который съ пятью только рублями, но съ умомъ и съ честностію, съ неимоверною дѣятельностію, изворотливостію и смѣтливостію, началъ созидать огромную fortuna свою. Онъ соорудилъ двадцать шесть желѣзныхъ и мѣдиплавильныхъ заводовъ, тѣмъ оживилъ и обогатилъ заброшенный дотолѣ Оренбургскій край, и каждой изъ четырехъ племянницъ своихъ, Дурасовой, Пашковой, Бекетовой и Козицкой, сверхъ сказанныхъ заводовъ, оставилъ по шестнадцати тысячъ душъ крестьянъ. Каждый обломокъ раздробленнаго послѣ нихъ имѣнія стоить еще не менѣе мильіона.

И такъ наши помѣщики покряхтѣли, поморщились; но, дѣлать было нечего, принялись опять за наборъ людей и за пожертвованія; чрезъ то на неопредѣленное время должно было продолжиться существованіе нашего комитета. Это испугало почтеннаго предсѣдателя нашего Кашкарова. Болѣе двадцати лѣтъ былъ онъ въ отставкѣ съ бригадирскимъ чиномъ, изрѣдка показывался въ Москвѣ и, хотя былъ холостой, совершенно свыкъся съ деревенскою жизнью. Долгъ дворянина, въ тяжкій годъ для отчизны, вызвалъ его опять на временную службу; но бѣдствія миновались, дни становились все

длиннѣе, солнышко краснѣе и ярче, и все тянуло его въ мирное убѣжище, гдѣ жилъ онъ отцомъ и благотворителемъ дворни и крестьянъ. Ему не стерпѣлось, онъ отказался отъ мѣста и казался больнымъ.

Въ великое затрудненіе поставленъ былъ губернаторъ По вздорнымъ несогласіямъ съ губернскимъ предводителемъ Колокольцовымъ, какъ сказалъ я выше, умѣлъ онъ, чрезъ посредство главноначальствовавшего графа Толстаго, совершенно устранить его отъ сего предсѣдательства. Тогда надлежало на мѣсто Кашкарова вызвать старшаго по немъ кандидата, который былъ ему во сто разъ противнѣе Колокольцова. И кто же былъ сей кандидатъ? отставной уже тогда оберъ-прокуроръ, Аркадій С., высокообразный, высокообразный человекъ, о которомъ что-то очень давно я ни слова не упоминалъ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ сихъ запискахъ разстался я съ нимъ, продолжалъ онъ служить экспедиторомъ, или начальникомъ отдѣленія, въ канцеляріи министра юстиціи. Наконецъ назначенъ онъ оберъ-прокуроромъ въ одинъ изъ московскихъ департаментовъ сената. Главнокомандовавшій, фельдмаршалъ Гудовичъ, засѣдалъ тогда въ сенатѣ и въ немъ хотѣлъ деспотствовать точно также, какъ и въ городѣ: можетъ быть, весьма основательно противился С. его незаконнымъ требованіямъ; но въ протестахъ своихъ употреблялъ выраженія столь дерзкія, что далъ старику все право справедливо жаловаться на него самому государю. Еще за полгода до паденія Сперанскаго, несмотря на его покровительство, былъ онъ отставленъ и поселился въ своей пензенской деревнѣ. Въ началѣ сентября 812 года, внезапно явился онъ на дворянскомъ съѣздѣ и дѣйствовалъ такъ быстро и такъ тайно, что едва не попалъ въ предсѣдателя комитета для пожертвованій.

Недѣли полторы или двѣ, губернаторъ все медлил съ извѣщеніемъ его объ отбытіи Кашкарова и съ приглашеніемъ занять его мѣсто. Бумага о томъ была уже подписана, а онъ не рѣшался ее отправить и надѣялся, что наступившая совершенная распутица воспрепятствуетъ С. скоро пріѣхать. Между тѣмъ, по званію старшаго члена, вступилъ я въ должность предсѣдателя. Кто повѣритъ, чтобы мнѣ, молодому человеку, совсѣмъ не польстила временная честь наслѣдовать старику бригадирю? Но съ нею сопряжены были затрудненія, которыя долженъ буду здѣсь объяснить.

Между оставшимися отъ перваго ополченія, для образованія новаго, находился одинъ отставной конной гвардіи штабъ-ротмистръ, Федоръ Ивановичъ Л. Человѣкъ былъ онъ еще довольно молодой, весьма неглупый, исполненный чести. Другъ порядка, безъ малѣйшей подлости, всегда оказывалъ онъ должное уваженіе начальству, что въ нынѣшнее время непремѣнно бы названо было холопствомъ. Жаль только, что при столь похвальныхъ свойствахъ, чрезмѣрная живость въ крови часто затмѣвала у него разумъ, такъ что названіе „взбалмошный“ какъ бы нарочно для него было придумано. Ему поручено было сформировать конницу втораго ополченія, то-есть всего только два эскадрона, и онъ захотѣлъ блеснуть ими передъ пензенскою публикой. Для того, затѣялъ онъ для нихъ какія-то куртки, съ широкими свѣтло-зелеными отворотами и краснымъ кушакомъ, сабли, мѣдныя эполеты и мѣховыя, за неимѣніемъ медвѣжьихъ, собачьи шапки. Все это шествованіе, по его счету, должно обойтись въ сорокъ пять, а навѣрное стоило бы не менѣе семидесяти тысячъ рублей; тогда какъ по распоряженіямъ главнаго, въ Петербургѣ, комитета, подъ предѣдательствомъ Аракчеева, все должно было ограничиваться пиками и простыми сѣрыми кафтанами. Въ семь видѣ конный полкъ перваго ополченія вышелъ и въ походъ.

По связямъ своимъ съ губернаторомъ и губернскимъ начальникомъ, Л. безъ затрудненія склонилъ ихъ утвердить его затѣи: князь отнесся къ намъ о томъ, а графъ потребовалъ денегъ. Я не зналъ что дѣлать. Осторожный, даже бережливый членъ отъ правительства, Карауловъ, прикинулся больнымъ и не участвовалъ въ засѣданіяхъ; безграмотный купецъ К. сдѣлалъ бы только то, что я приказалъ бы ему: слѣдственно, я оставаясь совершенно одинъ, и вся отвѣтственность лежала на мнѣ. Немногіе наличные дворяне тайкомъ убѣждали меня понапрасну не сорить деньгами, и мнѣ самому не хотѣлось поплатиться, можетъ быть, цѣлымъ имѣніемъ за чужіе прихоти; но я опредѣленъ былъ правительствомъ, то-есть губернаторомъ, и трудно мнѣ было опять идти противъ него. Я не отказывалъ, и не соглашался, и старался выиграть только время; къ счастью, Л. не полагая возможнымъ какое-нибудь съ моей стороны сопротивленіе, дѣломъ не торопился. Насчетъ нелѣпныхъ требованій его рѣшился я однимъ вечеромъ объясниться съ губернаторомъ; тотъ отвѣ-

чалъ мнѣ ласками и шутками. Тогда составилъ я себѣ планъ и хотѣлъ дѣйствовать смѣло.

На слѣдующее утро, когда еще я лежалъ въ постелѣ, въ мою комнату вошелъ С. Это было въ началѣ апрѣля. Не дождавшись официальнаго извѣщенія, онъ рѣшился сдѣлать болѣе ста верстъ по непроходимымъ дорогамъ, тамъ завязая въ глубокой грязи, тамъ переплывая быстрые потоки, и, на съ кѣмъ не увидѣвшись, показался мнѣ первому. Онъ озадачилъ меня и неожиданнымъ появленіемъ своимъ, и рачительностію похвалъ: отъ имени цѣлаго дворянства благодарилъ онъ меня. „Да я еще ничего не сдѣлалъ,“ отвѣчалъ я. „Все равно, вы медали и хотѣли сумасбродамъ дать время образумиться. И я пріѣхалъ вамъ на помощь, пріѣхалъ выручить васъ.“

С. не замедлилъ вступить въ должность, и первымъ дѣйствіемъ его, вмѣстѣ съ комитетомъ, былъ отказъ въ удовлетвореніи фантазій Л. Но, противъ обыкновенія своего, согласно съ моимъ желаніемъ, сдѣлалъ онъ его въ умѣренныхъ и почтительныхъ терминахъ, съ сожалѣніемъ представляя всю невозможность исполнить требованіе начальства, по неимѣнію на то достаточныхъ правъ. Вскорѣ получили мы отвѣтъ, полный угрозъ и писанный самымъ повелительнымъ тономъ; Л. являлся также въ засѣданіе комитета съ дерзостію объявить гнѣвную волю губернатора. Тогда С. задумалъ посѣщеніе и слова его внести въ журналъ. Я возсталъ противъ того, доказавъ ему что это будетъ чересчуръ смѣшно и скандально.

Была тогда страстная недѣля. С. самъ писалъ возраженіе и, чтобы выслушать его, въ великую пятницу, пригласилъ меня къ себѣ на домъ. Меня нѣсколько удивило, что опредѣленіе и отпускъ уже написаны были на-бѣло. Онъ началъ читать, пропуская рѣзкія, язвительныя мѣста, противъ которыхъ я могъ бы возставать. Чтобы кончить все передъ праздникомъ, предложилъ мнѣ скорѣе подписать бумаги; я то и сдѣлалъ. На другой день призвалъ къ себѣ члена отъ купечества, показалъ ему свою и мою подписи, а тотъ, по обыкновенію своему, подъ ними всепокорнѣйше подмахнулъ и свое прозваніе. Притворная болѣзнь г. Караулова все еще продолжалась, и сею искусною, по мнѣнію его, уловкой онъ выигралъ одно только то, что съ обѣихъ сторонъ на него досадовали.

Въ свѣтлый день Пасхи былъ я съ поздравленіемъ у сіятельнаго. Онъ похристосовался со мною ласково, только слегка пошучивалъ насчетъ новыхъ связей моихъ: онъ не получалъ еще нашей бумаги, а если и получалъ, то вѣрно не распечатывалъ еще; сіе послѣдовало на другой день. Онъ былъ человѣкъ, нельзя сказать, добрый, но легкомысленный, разсѣянный, который ничего не умѣлъ дѣлать серіозно, особенно сердиться. Тутъ, говорятъ, онъ на себя не походилъ: ярился, свирѣпствовалъ,—и было отъ чего. Онъ объявилъ, что никогда уже со мной не увидится и не велитъ къ себѣ даже на крыльцо пускать. А за членомъ отъ купечества послалъ на другой же день.

— Какъ смѣлъ ты, купчишка мерзкой, написать ко мнѣ ругательную бумагу? сказалъ онъ ему.

— Да возможно ли, да какъ бы осмѣлился я евто сдѣлать, о семи что ли я головахъ?

— Да чья же это подпись?

— Охъ, виноватъ, согрѣшилъ: мнѣ велѣли подписать, а я и самъ не знаю что подписалъ.

— Да какъ же ты не читавши подписываешь?

— Да что дѣлать? Умилосердитесь, батюшка, ваше сіятельство! человѣкъ я темный: еслибы я сталъ читать, вѣдь все бы равно, вѣдь я ничего бы не понималъ.

Губернаторъ расхохотался.

Не житье было тогда С. въ Пензѣ. Тѣ, которые тайно одобряли его поступокъ, явно не смѣли того показывать. Другіе какъ будто боялись зачумиться близъ него; иные позволяли себѣ дѣлать ему грубости.

Мое положеніе было также не совѣмъ пріятное. Я ни отъ чего не отрекался и не хотѣлъ признаться, что почти не читавши подписалъ бумагу; даже самому С. не сдѣлалъ ни малѣйшаго упрека.

Новые перуны готовилъ на насъ губернаторъ, но не самъ хотѣлъ грянуть ими, а трезу вызывалъ изъ Казани. Нѣсколько дней писали, писали у него, сочиняли ужасную бумагу къ главноначальствовавшему, генералу Булыгину, и отправили ее съ нарочнымъ. Въ ней С. представленъ былъ какъ человѣкъ весьма опасный въ настоящихъ обстоятельствахъ. „Будучи въ тѣсной связи съ предателемъ Сперанскимъ, можетъ имѣть онъ и тайныя сношенія съ Наполеономъ. Вотъ почему, вѣроятно, старается онъ препятствовать скорому об-

разованію новаго ополченія, и особенно Л—скихъ эскадроновъ, которые могли бы нанести послѣдніе удары непріятелю.“ О другихъ членахъ ни слова не сказано.

Дороги были ужасныя: ручьи, рѣчки и рѣки выступили изъ береговъ своихъ и покрывали поля; во многихъ мѣстахъ не было переправъ, и пятьсотъ верстъ надобно было сдѣлать курьеру. И потому-то, болѣе двухъ недѣль прождали мы, пока получили отвѣтъ отъ Булыгина, который былъ довольно благоразуменъ. Приписывалъ всѣ несогласія, неудовольствія, недоумѣнія, нарушенію общеутвержденнаго порядка, при назначеніи предсѣдателя въ комитетъ, для возстановленія его онъ требовалъ чтобы губернской предводитель занялъ сіе мѣсто. А этотъ предводитель, какъ не разъ уже сказалъ я, былъ Димитрій Аполлоновичъ Колокольцовъ, котораго губернаторъ не терпѣлъ, единственно за то что изъ-подтишка онъ иногда трунилъ надъ нимъ. Но все-таки, въ глазахъ его, это былъ лучше чѣмъ С.

Сей послѣдній дня два, три хотѣлъ было воспротивиться распоряженіямъ Булыгина, и собирался писать уже протестъ, какъ вдругъ ото всего отступился. Мнѣ первому, какъ увѣрялъ онъ меня, объявилъ онъ за тайну, что замыслилъ жениться, просватанъ и даже помолвленъ на Вѣрѣ Николаевнѣ, второй дочери Николая Семеновича Мордвинова. Сіе единственно заставляеть его бросить эту дурацкую распрю. Онъ спѣшитъ въ деревню, гдѣ послѣ отца остался ему огромный домъ; въ немъ станетъ ожидать будущаго тестя, невѣсту и все ихъ семейство, и тамъ надѣется безъ промедленія сыграть свадьбу. На другой день всѣ о томъ узнали, и въ обществѣ губернатора не оставили приписать сей союзъ духу революціонной партіи Сперанскаго, не совсѣмъ еще въ Россіи подавленному. Сватовство происходило въ домѣ нашемъ, занятомъ Мордвиновымъ, который, несмотря на извѣстную скупость свою, заплатилъ мнѣ за весь годъ, хотя прожилъ въ немъ не болѣе девяти мѣсяцевъ. Изъ конурки своей перебрался я въ него опять и принялся жить на просторѣ.

Между тѣмъ исторія все не кончилась. Губернскій предводитель, пользуясь отпускомъ, жилъ въ деревнѣ, и мѣсто его заступалъ уѣздный предводитель, Николай Степановичъ Ермолаевъ, милый и кроткій чудакъ, дѣйствительно, а иногда притворно разсѣянный, который въ дѣлахъ, какъ и въ раз-

говорахъ, своимъ уступчиво-упорнымъ обхожденіемъ не допускалъ возможности разсердиться на него. За отсутствіемъ Колокольцова, по предложенію губернатора, занялъ онъ мѣсто предсѣдателя комитета. Онъ не одобрялъ поступковъ С.; не спѣшилъ однакожь и повиноваться: еще успѣемъ, сегодня да завтра, подождемъ да погодимъ, — все откладывавъ, все медлилъ. Начинали уже меня въ томъ обвинять и изъ жертвы произвели въ соблазнителя. Такимъ образомъ прошло еще дней десять.

Вдругъ Колокольцовъ явился къ должности, хотя срокъ отпуска его еще не кончился. Представился ему единственный случай подразнить губернатора, и онъ не хотѣлъ его упустить. Ермолаевъ опростетью бѣжалъ отъ насъ. Съ первой минуты, Колокольцовъ, дотолъ довольно робкій и покорный, объявилъ намѣреніе противиться неправильнымъ требованіямъ губернскаго начальства. Дабы сколько-нибудь законнымъ образомъ оградить себя отъ набѣговъ Л., какъ говорилъ онъ всѣмъ, перенесъ онъ присутствіе комитета въ депутатское собраніе, и на столъ поставилъ зеркало. Озлобленный Карауловъ, видя что ни мало не угодилъ тѣмъ что устранилъ себя отъ соучастія въ дерзостяхъ С., выписался изъ больныхъ и вновь засѣлъ у насъ, съ желаніемъ усилить оппозицію. Купеческое сердце К. умѣлъ я тронуть, предрекая раззореніе скудной лавкѣ его, въ случаѣ какого-нибудь взысканія. Видя тогда, что большинства будетъ достаточно чтобы не попустить нападчикамъ нашимъ восторжествовать, при составленіи новаго опредѣленія вошелъ я съ особливымъ мнѣніемъ. Въ немъ одинъ соглашаюсь я на выдачу большой суммы, уступая волѣ пославшаго мя и убѣдившись, наконецъ, въ пользѣ и необходимости собачьихъ шапокъ и красныхъ кушаковъ. Мнѣ непремѣнно нужно было примириться съ губернаторомъ, какъ для того чтобы успокоить бѣдную мать мою, такъ и по другимъ причинамъ, которыя гораздо послѣ долженъ буду объяснить.

Губернаторъ не зналъ что ему дѣлать. Все это ему надо-ло, и человекъ былъ онъ весьма не упрямый; но его подбивали, стараясь ему доказать, что онъ совсѣмъ останется въ дуракахъ, если прекратитъ свои настаиванія.

Въ половинѣ мая, изъ главной императорской квартиры пришло примиреніе — развязка всему дѣлу, приказаніе распустить это ополченіе и ратниковъ возвратитъ по домамъ.

Всѣ чрезвычайно обрадовались тому, кромѣ Л., который одинъ остался съ носомъ и съ убыткомъ, ибо многое для эскадроновъ своихъ уже закупилъ, иное заказалъ, въ увѣренности, что дворянскія деньги уплатятъ сіи издержки, и все за безцѣнокъ долженъ былъ обывать.

Изъ чего же спорили, ссорились? изъ чего вся эта возня? Не менѣе того сія буря въ нашей дужбѣ безъ малаго три мѣсяца сильно волновала ее. Вотъ такъ-то между людьми. Шести недѣль было для насъ достаточно, чтобы свести всѣ наши счета: вышло, что за удовлетвореніемъ потребностей обоихъ ополченій, осталось еще 150 тысячъ рублей ассигнаціями, которыя для приращенія положены въ приказъ общественнаго призрѣнія. Береженіе по крайней мѣрѣ половины этой суммы имѣю, кажется, я право приписывать себѣ; ибо, при безпрестанной перемѣнѣ предсѣдателей и стлукчѣ члена, я одинъ постоянно отстаивалъ ее. И что же? на первыхъ дворянскихъ выборахъ положено небольшой капиталъ этотъ превратить въ вспомогательную кассу для неимущихъ и задолжавшихъ дворянъ, дабы за малые проценты ссужать ихъ небольшими суммами, а комитету объявить благодарность дворянства. Но и этого, спасибо, я не получалъ, равно и ни малѣйшаго изъявленія благоволенія отъ правительства за временную, однакоже, довольно заботливую тутъ службу мою. Такъ-то всегда со мною было и послѣ, такъ видно у меня на роду написано: я не ропщу, это видно компенсація, ибо сначала все приходило мнѣ даромъ.

Если подробности, въ кои входилъ я, найдутъ излишними и пустыми, я съ этимъ не соглашусь. Я пишу воспоминанія свои, и это дѣло занимаетъ въ нихъ просторное мѣсто. Въ отдаленіи тридцати лѣтъ, описаніе обстоятельствъ его нахожу я даже забавнымъ, и такимъ, по мнѣнію моему, должно оно казаться читателю. Къ тому же оно изображаетъ состояніе, въ коемъ находилась Россія послѣ сильной брани и тревогъ, во время продолжительнаго отсутствія государя своего, когда при слабомъ управленіи предсѣдателя государственнаго совѣта, Салтыкова, царствовало въ ней нѣчто похожее на безначаліе.

Военныя происшествія перестали столь сильно занимать насъ, провинціаловъ; слухи и извѣстія о движеніяхъ арміи изъ-за границы стали все позже доходить до насъ: во мнѣ любопытство и участіе никакъ не уменьшились. Русскія

войска безостановочно такъ и катились по слѣдамъ полчищъ наполеоновскихъ, растаявшихъ какъ воскъ отъ лица Господня. Бывало въ вѣдомостяхъ только и читаешь, какъ они заняли то Кенигсбергъ, то Варшаву, то Берлинъ, то Гамбургъ, то Дрезденъ. Прусская монархія, всёми составомъ своимъ, примкнула къ намъ; но она только одна. Разобиженный, униженный, не менѣе правдивый и достопочтенный король ея, укрѣпясь духомъ, въ Бреславлѣ наскоро подписалъ миръ и поскакалъ въ Кааши, чтобы пасть въ объятія великодушнаго, уже счастливаго Александра, который въ глубинѣ души не переставалъ быть его союзникомъ. Сердце мое исполнено было надеждъ и благодарности къ промыслу Всевышняго.

Одно только смущало меня: это было явное пристрастіе, которое оказывалось враждовавшимъ противъ насъ Полякамъ, во время послѣдняго похода, болѣе чѣмъ когда ознаменовавшимъ себя жестокостями противъ русскаго народа. Это не было прощеніе, христіанское забвеніе зла, а скорѣе походило на любовь, на награду. По особенному приказанію, Рыцевская освобождена и весной провалилась отъ насъ.

Вскорѣ послѣ нея стали покидать насъ и другіе наши посѣтители. Въ числѣ ихъ находилось и семейство Кологриво-Гагаринское, къ которому принадлежалъ и князь Четвертинскій. Главѣ семейства сего принадлежало село Мецкерское, по дорогѣ къ Зубриловкѣ, верстахъ въ сорока не доѣзжая ея. Тамъ не было пріюта; но въ продолженіе зимы, съ русскою поспѣшностью, настроено множество отдѣльныхъ деревянныхъ хоромъ, такъ что къ лѣту для всѣхъ готово было просторное помѣщеніе. Я принялъ приглашеніе прогуляться туда на нѣсколько дней, пока приводятся къ концу отчеты по дѣламъ и суммамъ комитета моего.

На обратномъ пути, остановился я переночевать въ селѣ Бекетовкѣ, принадлежащемъ Алексѣю Матвѣвичу Б. Вотъ еще новое лицо, новый членъ безчисленнаго пензенскаго дворянства, котораго не случилось еще мнѣ назвать.

Жизнь Алексѣя Матвѣвича Б. и самъ онъ похожи были на тѣ образцовыя письма, которыя можно находить въ письмовникахъ: слогъ чистъ, все правильно, и всѣ формы соблюдены. Онъ не былъ ни скупъ, ни мотоватъ, ни съ кѣмъ ни заносчивъ, ни подобострастенъ, имѣлъ хорошій разумъ, хорошее состояніе — всего вдоволь, ничего лишняго. Въ

Пензѣ, преисполненной тогда одними чудаками, совершенное отсутствіе оригинальности одно только дѣлало его оригиналомъ. Странно было только то, что супруга его, Анна Матвѣевна, была вся въ него, даже лицомъ; а какъ она носила одинаковое съ нимъ отчество, то можно было подумать, что онъ женатъ на родной сестрѣ своей.

Если сія чета, о которой съ душевнымъ уваженіемъ я вспоминаю, прошла сквозь міръ сей, не возбуждая въ немъ особеннаго вниманія, за то изъ шести человѣкъ дѣтей ея было одно чадо, весьма примѣчанія достойное. Три сына были на войнѣ, а изъ трехъ дочерей одна была тогда замужемъ: полно, такъ ли я сказалъ? безошибочно можно было ее назвать женою. У Екатерины Алексѣевны Дмитрій Васильевичъ З—въ, нашъ симбуховскій сосѣдъ, былъ плохой мужичишка, но отличный хозяинъ, котораго умѣла употребить она съ большою пользою, опредѣливъ его прикащикомъ надъ общимъ ихъ имѣніемъ и предоставивъ себѣ главное надъ онымъ распоряженіе. Природа дѣлаетъ такого рода ошибки, но онѣ случаются такъ часто, что, право, можно подумать, будто она творитъ сіе съ умысломъ. Она дала Катеринѣ Алексѣевнѣ то удалство, которое львицы нынѣшняго времени приобрѣтаютъ только искусствомъ. Ея откровенный видъ, всегда веселое лицо и дебелость, довольно преувеличенная съ перваго взгляда, заставляли предполагать въ ней много простодушія и даже какую-то рыхлость въ характерѣ. Это было обманчиво: твердость воли была у нея мужская, и злоязычіе ея всегда бывало остроумно. Паче всего любила она упражненія нашего пола: сколько разъ видѣли ее по дорогѣ, стоймя въ телѣгѣ, съ шапкою на бекрень, погоняющую тройку лихихъ коней, съ ямскою приговоркой: „съ горки на горку, дастъ баринъ на водку.“

Откуда ни возьмись ей подстать одна иностранка, поселившаяся въ домѣ ея родителей. За весьма умѣренную цѣну нанялась она быть гувернанткой при двухъ взрослыхъ, почти двадцатилѣтнихъ, меньшихъ сестрахъ ея. Француженка съ нѣмецкимъ прозваніемъ, мадамъ Гофъ,—все въ ней казалось загадочнымъ, — была малаго роста, худая, дряблая, косая, въ морщинахъ, имѣла голосъ мужающаго строка. Также какъ у З—ой, были у нея всѣ склонности не женскія: чрезвычайно любила играть въ билліардъ и курить трубку,—и отъ того-то у сихъ женщинъ свелась самая тѣсная

дружба. Времена были старинныя, варварскія, всѣмъ казалось это зазорно, а нынѣшнее новое, смѣлое женское поколѣніе можетъ почитать ихъ своими прародительницами.

Съ 3—ой были у насъ лады, но Француженкѣ я не любился, и она старалась насъ поссорить. Съ первую бывало мнѣ очень весело: можно было похохотать съ нею; но когда подлѣ этой насѣдки появилась мрачная сова, и мы съ сею послѣднею не могли скрывать взаимнаго другъ отъ друга отвращенія, то знакомство наше на время прекратилось. Когда разгорѣлась война, то на Француженку стали падать какія-то подозрѣнія: она часто начала посѣщать Рыцевскую и водиться съ Французами, которые были сосланы. Въ обѣихъ нашихъ столицахъ не бывала, ни въ какомъ другомъ домѣ прежде она не жила, никто не зналъ ее, и за годъ до войны она какъ будто съ неба свалилась въ Пензу. Губернаторъ хотѣлъ было ее выслать, но его упростили, а меня стали подозрѣвать въ склоненіи его къ сей строгой мѣрѣ; я же, напротивъ, находилъ, что въ расположеніи, въ которомъ были умы, никакой лазутчикъ не могъ быть опасенъ: напраслина всегда была моя участь. Весною г-жа Гофъ сама уѣхала съ г-жею Рыцевской, и только года два спустя узнали настоящее ея фамильное имя. Она писала изъ Вѣны, что обстоятельства, о которыхъ она умалчиваетъ, заставляли ее нѣкоторое время искать убѣжища въ Россіи, и подписалась, — графиня Куденговенъ: это названіе одной изъ извѣстнѣйшихъ и знатнѣйшихъ австро-баварскихъ фамилій. Ея уже не было, когда я рѣшился посѣтить Бекетовку; самого хозяина не было дома, и по усильному приглашенію почтенной хозяйки согласился я переночевать.

Рано поутру слышались мнѣ голоса въ сосѣдней комнатѣ, отъ которой отдѣленъ я былъ запертою дверью. Семейство собралось въ кабинетѣ отца читать въ слухъ только-что полученныя изъ Пензы *Московскія Вѣдомости*, и до меня невнятно доходили слова: сраженіе, Кутузовъ, Витгенштейнъ. Эго совсѣмъ прогнало у меня сонъ; я на-скоро одѣлся, и за чаемъ узналъ множество новостей. Дивному Наполеону достаточно было трехъ-четырехъ мѣсяцевъ, чтобы набрать новыя, огромныя силы, поднять ихъ на Россію и сразиться съ нею въ самомъ сердцѣ Германіи. И уже не долженъ былъ онъ всгрѣтить искуснаго, престарѣлаго побѣдителя своего, который въ это самое время на одрѣ болѣз-

ни исчезала, озаренный своею славой. Какъ всякому сыну отечества, прискорбна мнѣ была великая утрата, имъ сдѣланная, но утѣшеніе являлось вмѣстѣ съ горестію: люценское сраженіе выдали намъ за побѣду; присоединясь къ намъ, вся Пруссія возстала, и войсками предводительствовалъ недавно прославившійся полководецъ.

Театръ войны такъ отдалился отъ насъ, что только въ концѣ мая получены были нами извѣстія сіи, болѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ происшествія: о желѣзныхъ дорогахъ и даже о пароходахъ тогда еще у насъ и помину не было.

Лѣто прошло почти непримѣтнымъ образомъ. Война продолжалась вдали, реляціи искусно умѣли скрадывать наши уроны, въ нихъ находились все названія нѣмецкихъ городовъ и, послѣ прошлогоднихъ тревогъ, это казалось обыкновеннымъ браннымъ состояніемъ, которое долѣе для Россіи никогда почти не прекращалось. Только не могли понять земляки мои, отчего мы все вертимся на одномъ мѣстѣ, не двигаясь ни взадъ, ни впередъ; невѣдѣніе иногда бываетъ дѣло весьма полезное. Немногимъ, которые подобно мнѣ, не смотря на сходство именъ, знали, что Бауценъ далеко отстоитъ отъ Люцена, не хотѣлось сознаться, что вѣроятно мы принуждены были много отступать.

Я рѣдко посѣщала Пензу. Мать моя, построивъ себѣ небольшой домикъ въ подгородномъ селѣ Лебедевкѣ, туда перѣехала, а я поселился опять въ томъ же Симбухинѣ, въ семи верстахъ отъ нея; слѣдственно, въ городъ мнѣ почти и не зачѣмъ было ѣздить. Сіи два-три мѣсяца были если не пріятнѣйшимъ, то едва ли не спокойнѣйшимъ временемъ въ моей жизни. Перемиріе, заключенное съ Франціей, и Прагскій конгрессъ подавали надежду на прочный, продолжительный миръ. Я полагалъ, что Наполеонъ не захочетъ продлить борьбы истощенной Франціи съ торжествующею Россіей и раздраженною, возставшею, ополчающеюся почти цѣлою Германіей,—захочетъ взять отдыхъ, и исполненіе дальнѣйшихъ замысловъ отложить до удобнѣйшаго времени. Я старался не узнавать что происходитъ въ свѣтѣ, не читалъ даже вѣдомостей. Успокоенный духомъ, пользуясь совершенною независимостію, не имѣя никакихъ заботъ (ибо мать моя опять вступила въ совершенное распоряженіе имѣніемъ), я съ наслажденіемъ предавался мсей лѣни и праздности, которыя могутъ быть только пріятны послѣ сильныхъ душевныхъ

волненій и тяжкихъ умственныхъ трудовъ. Тишина, меня окружавшая, благорастворенный воздухъ, тѣнь сада и рощь, ослабляя во мнѣ даже способность мыслить, создавали мнѣ то матеріальное благосостояніе, которое испытываютъ выздоравливающіе послѣ жестокой болѣзни. Не на долго судьба дала мнѣ отпущкѣ отъ печалей жизни сей, на которыя, кажется, постоянно она осуждала меня. Онѣ ожидали меня слѣдующею зимой, и нынѣ въ старости не безъ стыда приступаю я къ изображенію ихъ въ слѣдующей главѣ.

VIII.

Въ концѣ сентября узнали мы, что Австрія съ юга и Швеція съ сѣвера пристали къ великому союзу нашему противъ Наполеона; что послѣдняя на нѣмецкій берегъ высадила уже войска свои, которыя прикрываютъ Берлинъ; что искусные и храбрые французскіе генералы, Моро и Бернадоттъ, находятся въ рядахъ нашихъ противъ поработеннаго отечества и, наконецъ, что военныя дѣйствія уже начались.

Опять съ новою силой запылала еще неугасшая всеобщая европейская война, въ которой всѣ народы ея должны были принять непосредственное участіе. О, неизгладимыя воспоминанія послѣдней гигантской борьбы, въ которой все было велико,—и дѣла, и люди, и средства, и усилія, и чувства, кои оживляли царей и народы, вождей и ратниковъ! Чтò нынѣ съ вами сравниться можетъ! Франція, которая билась на смерть, упорно защищая пріобрѣтенную славу и могущество, Германія, съ отчаяннымъ мужествомъ поднимающаяся изъ праха на завоеваніе своей независимости, Россія, идущая освободить народы, Англія, напрягающая всѣ силы для поддержанія союза, ибо въ изложеніи своего безсмертнаго противника видѣла единственное спасеніе своихъ всемірныхъ богатствъ,—вотъ зрѣлище, которое являлось тогда на сценѣ міра, и которое въ продолженіе немногихъ мѣсяцевъ быстро стремилось къ развязкѣ чудной революціонной драмы. Кто изъ подвизавшихся въ сію великую эпоху можетъ вспомнить объ ней безъ восторга, особливо когда сравнить ее со скудностію и съ подлостію настоящаго? Страданія, конечно, были велики, язвы наносимыя народамъ глубоки, боль была жива, но утишаема, умѣряема высокими чувствами патриотизма и чести. Она ничего не имѣла общаго съ глухою болью, съ

тоскою и ломотою, которыя нынѣ одолеваютъ составъ общественнаго тѣла и въ будущемъ предвѣщаютъ ему много золь. Тогдашнее общее волненіе въ отношеніи къ нынѣшнему мирному состоянію то же самое, что быстрыя движенія сильнаго бойца къ судорожнымъ движеніямъ гальванизированнаго трупа. Но оставимъ настоящее,—грустно смотрѣть на него.

Хотя, при открытіи сей новой кампаніи, первая попытка союзныхъ войскъ на Дрезденъ и весьма походила на поражение, но мы вдали едва могли это замѣтить, ибо оно въ то же время было заглушено тремя побѣдами: кронъ принца шведскаго при Гросъ-Бееренѣ, Блюхера при Кацбахѣ и, наконецъ, одной русской гвардіи при Кульмѣ, въ ущеліяхъ бегемскихъ. Отъ сей послѣдней мы всѣ были безъ памяти и ужасно какъ ею возгордились.

Одинъ изъ отличавшихся въ сію знаменитую войну находился тогда у насъ, среди нашего семейства; это былъ зять мой Алексѣевъ. Жена его, по недостаточному состоянію, долго жить въ Петербургѣ не могла; поручивъ Богу двухъ малолѣтнихъ сыновей, и оставивъ ихъ въ Пажескомъ корпусѣ, еще въ мартѣ мѣсяцѣ пріѣхала она къ намъ въ Пензу. Генералъ же Алексѣевъ находился въ сраженіи при Люденѣ и получилъ сильную контузію въ ногу. Этотъ совершенно русскій человекъ не умѣлъ какъ-то угодить возрастающему тогда въ могуществовѣ Нѣмцу Дибичу, имѣлъ нѣкоторыя непріятности и воспользовался заключеннымъ перемиріемъ, чтобы отпроситься домой, отдохнуть, полѣчиться и навѣстить жену и родныхъ. Съ іюля мѣсяца жилъ онъ въ Пензѣ. Неблагодарно расположенные къ нему, въ главной квартирѣ, воспользовались его отсутствіемъ, чтобы вмѣсто какой-нибудь лестной награды испросить ему подарокъ въ десять тысячъ рублей, да прусскій король далъ ему орденъ Краснаго Орава второй степени. Когда пришли къ намъ вѣсти о новыхъ русскихъ побѣдахъ, сильно забилось въ немъ ретивое. Несмотря на неудовольствія, которыя онъ уже имѣлъ и которыя еще ожидать могъ, его такъ и позывало въ армію. Какъ ни старались его удерживать, въ половинѣ октября отправился онъ по пути къ Кіеву, а мы съ сестрой провожали его до Чембара.

Верстахъ въ пятидесяти отъ Чембара, черезъ степныя и мало населенныя мѣста, находилась Зубриловка. Князь Тео-

доре Г., которому селеніе сіе досталось по раздѣлу, на-
зиму съ семействомъ своимъ уединился въ немъ и, вѣрно
скуки ради, меня убѣдительно приглашалъ навѣстить его.
Пользуясь сосѣдствомъ, далъ я сестрѣ одной отправиться
обратно въ Пензу, а самъ, несмотря на неприятности осен-
нихъ дорогъ и погоды, отправился къ нему.

Я пріѣхалъ поздно вечеромъ и нашелъ его вдвоемъ съ
женой въ слабо освѣщенной комнатѣ нижняго этажа. Они
умирали со скуки, и нѣтъ ничего удивительнаго, если прі-
ѣздъ новаго лица, челоуѣка сколько-нибудь образованнаго,
ихъ обрадовалъ. Тутъ только, могу сказать, познакомился я
съ этою княгиней; въ петербургской многолюдной ея гости-
ной, гдѣ на софѣ, какъ на тронѣ, предсѣдала она, это дѣло
было невозможное; тамъ можно было довольствоваться отъ
нея двумя-тремя привѣтливими словами, какъ отъ особъ
царской фамиліи. Она имѣла всѣ свойства европейскихъ ари-
стократокъ прежняго времени: вмѣстѣ съ умомъ и добротою
была холодна и надменна и дѣлалась любезна только съ ко-
роткими людьми. Такія женщины своимъ примѣромъ под-
держивали лучшее общество, но въ провинціи онѣ не годи-
лись. Учивость безъ малѣйшей улыбки, которую княгиня
оказывала сосѣдкамъ своимъ, имъ казалась обидною; и онѣ
вмѣстѣ съ мужьями своими перестали тутъ показываться.
Домашній весьма тѣсный кругъ, составленный изъ наемныхъ
иностранцевъ и иностранокъ, былъ единственнымъ обще-
ствомъ знатной четы.

Но саженьяхъ въ семидесяти отъ ея жительства можно бы-
ло еще иногда встрѣчать барынь, прежнихъ частыхъ посѣ-
тительницъ Зубриловки. Тамъ, подлѣ церкви и близъ праха
супруга, старая княгиня построила себѣ небольшія деревян-
ныя хоромы, какъ внутри такъ и снаружи отличающіяся
совершенною простотою, и въ нихъ поселилась, большія па-
латы предоставивъ сѣдѣющему на княжествѣ наследнику сво-
ему. Пока мы вечеромъ разговаривали, хозяйка получила
отъ матери маленькую записку, въ которой поручаетъ она
ему пригласить меня на другой день къ ней обѣдать. Я во
вдовствѣ еще не видалъ ее; хотя она пріѣзжала въ Пензу,
но рѣдко кому показывала свѣтлое лицо свое. Не предвидя
ничего для себя неприятнаго, безъ малѣйшей боязни пошелъ
я къ ней. Она встрѣтила меня съ какою-то язвительною
улыбкой, превративъ старинное, знакомое *ты* въ учтиво у-

коризненное *вы*. Когда я устылся противъ нея, спросила она меня: часто ли я получаю письма отъ друга моего С.? Я отвѣчалъ, что имѣлъ сношенія съ нимъ по службѣ, но переписки никогда. Тутъ пустилась она всячески поносить его и меня, утверждая, будто изъ подлости, изъ пустой надежды на покровительство Мордвинова (тогда не служащаго), рѣшился я поправить всѣ обязанности сына и пріятеля, не убоюся оскорбить два семейства и тому подобно. Я призвалъ на помощь все достоинство свое, стараясь ей напомнить, что я уже не тотъ отрѣкъ, котораго знала она въ Казанкомѣ, а едва ли не юноша, за-урядъ. Куда тебѣ! глаза у нея засверкали, губы затряслись и, послѣ минутнаго молчанія, она вскрикнула: „Да знаешь ли, что ты у меня въ рукахъ? Знаешь ли что я могу съ тобою сдѣлать? Могу велѣть разложить тебя и высушить.“ Я вспомнилъ то, что слышалъ про подвиги ея молодости и обмеръ. Сынъ ея, мигая мнѣ глазомъ, бросился къ ней съ словами: „Полноте, матушка, вѣдь они давно съ братомъ помирились, дайте и вы ему вашу руку поцѣловать.“ Дѣлать было нечего, я подошелъ, а она то подавала, то отдергивала руку свою. Черезъ минуту пришли сказать, что обѣдъ готовъ; она встала, увѣряя что меня не надобно за столъ пускать, а между тѣмъ сама повела къ нему и посадила подлѣ себя. За обѣдомъ повторяла, что мнѣ не надобно ѣсть давать, а всякаго кушанья сама накладывала мнѣ на тарелку. Такія вбалмошныя злы не бываютъ: это доказываетъ, что сердитыя женщины въ существѣ всегда предобрыя; только избави Богъ и отъ нихъ. Невѣстка была свидѣтельницей сей траги-комической сцены и отъ нея, конечно, не менѣе меня страдала; она вся была исполнена важности и приличія и вѣрно въ жизни ни разу не забывалась. Между ею и свекровью находилось какъ будто цѣлое столѣтіе; одна казалась боярыней времяя Елизаветы Петровны, другая—дамой двора Елизаветы Алексѣевны.

Вечеромъ объявилъ я любезному хозяину моему, что Зубриловка его становится страшна, опасна, и что на другой день, рано по утру, намѣренъ я бѣжать изъ нея. Онъ увѣрялъ меня, что мать его опомнилась, въ отчаяніи отъ случившагося и хочетъ удвоенными ласками заставить меня забыть его. На безлюдьи Омаа человекъ, готовъ я сказать, можетъ-быть съ излишнею скромностію: оттого-то хозяева мои употребили всѣ убѣжденія, чтобы удержать меня долѣе, и я

пробыль цѣлую недѣлю въ добромъ согласіи съ обѣими княгинями. Грязь замерзала отъ сильныхъ утренняяковъ, а днемъ солнце сіяло на чистомъ небѣ, и прогулки по роцамъ были не безъ пріятности.

Не прошло еще пяти лѣтъ какъ князь Ѳеодоръ былъ женатъ на пребогатой единственной дочери фельдмаршала, князя Прозоровскаго; затѣи его не успѣли еще разстроитъ имѣніе, и разореніе даже издали еще не грозило ему. Отъ великолѣпнѣй двора по временамъ отдалялся онъ, чтобы мѣнять ихъ на пышность собственнаго великокняжескаго житья, которое намѣренъ былъ завести онъ въ отдаленномъ помѣстьѣ. Ему хотѣлось чтобы замокъ его походилъ на Павловскій дворецъ; и средній и верхній этажи его въ это время передѣлывались самымъ великолѣпнымъ образомъ, а самъ онъ покамѣсть помѣщался въ нижнемъ, который также съ большимъ вкусомъ и роскошью отдѣлывалъ. Этому мало: огромный, красивый прудъ хотѣлъ онъ обратить въ широкую рѣчку; для открытія видовъ, дѣлалъ просѣки и рубилъ славныя деревья въ степныхъ мѣстахъ, гдѣ лѣсъ цвѣнится золотомъ; однимъ словомъ, знатнымъ образомъ куралесилъ. Въ этомъ состояли его деревенскія занятія; княгиня занималась дѣтми, чтеніемъ классическихъ авторовъ и изученіемъ древней исторіи; хозяйствомъ кажется никто. Право, жаль мнѣ было на все это смотрѣть.

Можетъ быть, читатель подивится терпѣливости моей въ отношеніи къ княжескому семейству Г. Чтобы оправдать себя передъ нимъ, долженъ я войти въ нѣкоторыя подробности, въ описаніе нѣкоторыхъ семейныхъ и провинціальныхъ сплетень, коими, можетъ быть, ему наскучу; но что дѣлать? безъ этого я никакъ обойдись не могу.

Да вспомнитъ читатель стариннаго друга, потомъ недруга отца моего, Бѣима Петровича Чемесова; его уже не было на свѣтѣ; о немъ и о супругѣ его я много говорилъ, а о семействѣ его едва упомянулъ. Изъ трехъ меньшихъ дочерей его средняя, Марѳа, была не красавица, но миловидность ея была лучше красоты. Ея черные, огня исполненные глаза и самая пріятная улыбка были отмѣнно привлекательны. Она хорошо умѣла воспользоваться воспитаніемъ, полученнымъ въ Екатерининскомъ институтѣ, со всѣми была отмѣнно любезна и умомъ превосходила все семейство свое. Честолюбивая тетка, Елизавета Петровна Леонтьева, которую также

прошу не забывать и которая брата моего не допустила жениться на внучкѣ своей Ступишиной, имѣла на племянницу великіе виды. Незнаю по какому случаю были у нея давнишнія, короткія связи съ княгинею, Варварой Васильевной Г., и въ Пензѣ выдавала она себя за опекушку трехъ меньшихъ сыновей ея, братьевъ губернатора. Она положила одного изъ нихъ непременно женить на Марѣ Чмесовой, и старшій, Павелъ, оказался болѣе другихъ къ тому склоннымъ. Мать его сначала слышать о томъ не хотѣла, но какъ это было въ самый разгаръ войны, и молодой человекъ вступилъ въ ополченіе, то, дабы выиграть время, изъявила она согласіе, съ условіемъ, чтобы свадьбѣ быть по заключеніи мира. А между тѣмъ женихъ такъ захворалъ, что вмѣсто арміи, среди зимы, долженъ былъ ѣхать дѣлаться на Кавказъ.

Въ то же время другое горе посѣтило княжескую семью: любимецъ княгини, Василій, почувствовалъ также необоримую склонность къ дѣвочкѣ, можно сказать сироткѣ, воспитывавшейся въ домѣ у брата его Григорія. Это уже было дѣло совсѣмъ нештучное; моложе Павла четырьмя годами, Василій совсѣмъ былъ не чета старшему брату, во всемъ бралъ первенство передъ нимъ, и если взять въ соображеніе и чины, то и тутъ стоялъ выше его, будучи камеръ-юнкеромъ пятаго класса, когда тотъ находился только въ десятомъ; въ самомъ обращеніи съ нимъ онъ какъ будто удостоивалъ его братствомъ. Хотя въ немъ не было ничего необыкновеннаго, по мнѣнію матери и братьевъ, ему предстояло самое блестящее поприще, и также подобная женитьба ожидала его въ будущемъ. Война и это дѣло поправила: онъ вступилъ въ пензенское ополченіе и отправился съ нимъ въ походъ.

Исторія красотки, къ ногамъ которой князь Василій надвѣялся, по возвращеніи, бросить лавры свои, вѣроятно потому мнѣ кажется *занимательною*, что въ воспоминаніяхъ моихъ *занимаетъ* важное мѣсто. Лѣтъ двадцать тому назадъ, мнѣ бы еще пріятно было ее разказывать, подъ перомъ моимъ ей бы конца не было, а нынѣ, да успокоится читатель, мнѣ не трудно будетъ ее сократить.

Дочь пребогатаго и пренатнаго польскаго пана, князя Ксаверія Любомирскаго, Клементина, влюбилась въ шляхтича Петра К—ра, сына одного изъ управителей отцовскихъ имѣній, бѣжала съ нимъ и, противъ воли отца, съ нимъ

обвѣчалась. Жестокое наказаніе, какъ бы самимъ небомъ ниспосланное, было послѣдствіемъ сего дѣтскаго неповиновенія—преступленія, которое въ глазахъ моихъ извиняется силою любви. Отецъ никогда не хотѣлъ ее простить, лишилъ насѣдства и выдѣлялъ ей только законную часть изъ имѣнія умершей матери. Въ продолженіе немногихъ лѣтъ, неблагодарный мужъ, которому всею она пожертвовала, и который всею ей былъ обязанъ, успѣвъ присвоить себѣ все небольшое имущество ея, прогналъ ее и отнялъ у нея даже двухъ малолѣтнихъ дѣтей, дочь и сына. Лишившись всего, гдѣ было искать ей утѣшеній если не тамъ, гдѣ всѣ несчастные находятъ его? Она нашла убѣжище въ женскомъ кармелитскомъ монастырѣ, въ городѣ Дубнѣ, Волынской губерніи, и, спустя нѣсколько времени, въ немъ постриглась.

Во время предпослѣдней войны нашей съ Французами, когда наши Поляки не смѣли еще и думать чтобъ имъ возможно было отдѣлиться отъ Россіи, бѣлорусскій помѣщикъ Петръ К—ръ вступилъ въ милицію, которою въ этомъ краю начальствовалъ князь Сергій Феодоровичъ Г. Человѣкъ былъ онъ проворный, полюбился ему и прилепился къ его свитѣ. Случись, что брошенная имъ жена находилась въ родствѣ, и весьма недалеко, съ невѣсткою князя, женою Григорія. Сія послѣдняя, благочестивая и сострадательная, выпросила къ себѣ у К—ра несчастную дѣвочку, дочь его, которая не получала никакого воспитанія, и онъ отказать ей въ томъ не смѣлъ, а можетъ-быть и радъ былъ освободиться отъ дочери, какъ отъ обременительной заботы.

Когда первый разъ увидѣлъ я въ Пензѣ эту дѣвочку, которую звали Теофила, ей было лѣтъ шестнадцать, но въ сужденіяхъ, въ разговорахъ она была еще совершенное дитя. Создавая ее на славу и украсивъ всею наружными прелестями, сама природа видно такъ залюбовалась своимъ произведеніемъ, что въ разсѣянности забыла ей дать многое, которое для женщины въ жизни бываетъ не излишнимъ. То же самое дѣлали и люди: пораженные ея очаровательною красотой, не думали справляться, подъ этою небесною оболочкою есть ли чувства и умъ? Просто какъ совершенствомъ творенія величайшаго изъ артистовъ, долго любовался я симъ цвѣткомъ, который все пышнѣе въ глазахъ моихъ распускался. Князю Василью полюбилась дѣвочка, препятствій желаніямъ своимъ онъ еще не встрѣчалъ, и потребовалъ дозволенія женить-

ся на ней. Она же, безъ всякой особой къ нему склонности, охотно была на то согласна; но когда, послѣ отъѣзда его, за-
прещено ей было о томъ думать, она ни мало не огорчилась.
Все это было семейная тайна, о которой я не имѣлъ ника-
кого понятія, тогда какъ сватовство Павла на Чемесовой
было извѣстно цѣлому городу.

Не надобно было полагаться на дѣйствіе времени, забве-
ніе, охлажденіе двухъ влюбленныхъ, нужно было воспользо-
ваться ихъ отсутствіемъ, чтобы приискать жениховъ для ихъ
невѣсть; а гдѣ ихъ было взять тогда? Губернаторъ подмѣ-
тилъ необыкновенное удовольствіе, съ которымъ слушалъ я
милый вздоръ изъ устъ ихъ воспитанницы, сталъ подозрѣвать
чувство, котораго во мнѣ вовсе тогда не было, и ожидалъ его
развитія, чтобы поощрить его; исторія съ ополченіемъ на-
время все это остановила.

Вскорѣ послѣ примиренія нашего, не могъ я не замѣтить,
что какъ будто невзначай мнѣ случается часто оставаться
наединѣ съ молоденькою красавицей, дозволяется дѣлать
прогулки пѣшкомъ и въ коляскѣ за городъ съ нею и съ
Нѣмкою, болѣе нянькою чѣмъ гувернанткою. что въ обра-
щеніи со мною она сдѣлалась скромнѣе, что отъ малѣйшей
похвалы, у меня вырывавшейся, она улыбается, краснѣетъ
и потупляетъ глаза: эдакъ она мнѣ еще болѣе нравилась. Да
что же? подумалъ я, почему бы мнѣ прелестною подругой не
украсить жизнь мою, которая въ будущемъ является мнѣ
столь одинокою и тоскливою? Я шутя началъ говорить о
томъ матери моей; она сильно и гнѣвно возстала противъ
намѣренія моего. Живши долго въ Варшавѣ, въ Люблинѣ,
наконецъ въ Кіевѣ, имѣла она сильное предубѣжденіе про-
тивъ Полекъ: всѣ онѣ кокетки, невѣрныя жены, твердила
она. Я зналъ, что въ важныхъ случаяхъ воля ея бываетъ
очень тверда и, дабы положить всему конецъ, рѣшился пе-
реѣхать въ наше Симбухино. Напрасно: препятствія раздра-
жали меня; въ бездѣйствіи, въ уединеніи деревенской жизни
воображеніе мое пуце воспламенилось, и все мелькалъ передо
мною чудесный образъ; то, что едва зародилось въ сердцѣ,
развилося въ головѣ; такъ-то, я думаю, почти и всегда бы-
ваетъ съ любовію.

Когда осенью воротился я въ Пензу, то это была уже на-
стоящая страсть. Описывать ее не буду, во-первыхъ потому,
что теперь не сумѣю; во-вторыхъ потому, что какъ-то со-

вѣстно въ нынѣшнія лѣта мои за это приниматься. Еслибы, паче чаянія, читатель захотѣлъ узнать о томъ, то пусть раскроетъ любой романъ: тамъ изображено все то, что я переживалъ. Мнѣ кажется нынѣ, что это должно походить на сонъ, въ который погружаетъ опиумъ послѣ сильнаго его приѣма; въ опьяненіи, которое онъ производитъ, чувствуешь, говорятъ, неизъяснимыя муку и блаженство. Вообще, изъ всѣхъ моихъ воспоминаній это одно, которое постоянно я отталкиваю. Любовь есть непрерывное самоотверженіе; но когда разогорченное самолюбіе восторжествуетъ надъ ней, она становится ненавистна. Никогда еще въ жизни не игралъ я столь глупой роли; въ провинціяхъ всякій несчастный любовникъ казался смѣшонъ, и я былъ баснею Пензы. А отчего я былъ несчастливъ? Оттого единственно, что былъ покорный сынъ.

Итакъ, любовь была причиною, истребившею во мнѣ духъ оппозиціи. На губернатора, въ началѣ зимы, я никакъ жаловаться не могъ; онъ какъ нельзя болѣе былъ доволенъ моею покорностію и часто шутилъ со мною насчетъ моей страсти. Въ случаяхъ объясниться съ Теофилой у меня недостатка не было, но я не рѣшался; когда же сіе сдѣлалось противъ воли моей, она отвѣчала мнѣ глупою улыбкой, которую назвалъ я невинною и прелестною, и принялъ за согласіе. Вскорѣ потомъ все перемѣнилось; въ январѣ получилъ я наконецъ согласіе матери моей, и она поручила сестрѣ моей Алексѣевой сдѣлать формальное предложеніе. Губернаторъ отвѣчалъ, что у воспитанницы его есть отецъ, который одинъ можетъ располагать ея судьбою, что онъ въ концѣ марта долженъ пріѣхать въ Пензу, слѣдственно переписка объ этомъ предметѣ будетъ напрасна, а что, по пріѣздѣ его, онъ самъ беретъ быть моимъ сватомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, просилъ онъ сестру мою, чтобъ она убѣдила меня воздерживаться отъ прежней короткости съ невѣстою, ибо дѣло, становясь серіознымъ и будучи не рѣшеннымъ, должно оставаться тайною, иначе было бы неприлично въ глазахъ публики! Я какъ дуракъ повѣрилъ, и дая два или три былъ совершенно счастливъ.

Вдругъ увидѣлъ я, что моя возлюбленная совсѣмъ отъ меня отворачивается и всегда такъ окружена, что нѣтъ для меня возможности лишняго слова съ нею молвить. Я подумалъ сперва, что это какой-нибудь брачный этикетъ, мнѣ вовсе неизвѣст-

ный, но вскорѣ потомъ со всѣхъ сторонъ начали обращаться ко мнѣ съ вопросомъ: „скажите, правда ли, что вы сватались и вамъ отказали?“ Легкомысленный и нескромный Г. двумъ или тремъ знакомымъ успѣлъ разказать, что онъ лучше отъ меня отдѣлаться не умѣлъ, какъ выдумать пріѣздъ К—ра. Мнѣ показалось, что все это было сдѣлано съ намѣреніемъ меня одурачить. Мое положеніе сдѣлалось ужаснымъ: я кипѣлъ досадою и не смѣлъ показывать ее; это значило бы навсегда проститься съ надеждою, которая одна только живила меня тогда. Я не перерывалъ знакомства съ домою губернатора, но когда разговаривая съ нимъ, выжималъ на уста улыбку, глаза мои горѣли негодованіемъ. Замѣтивъ это, разъ опуская голосъ, такъ чтобы окружающіе не слышали его, сказалъ онъ мнѣ: „пожалуста ничему не вѣрьте, имѣйте только маленькое терпѣніе; мы всѣмъ этимъ дѣломъ поладимъ.“

Вотъ что было причиною этой внезапной перемѣны. Осенью прошли слухи, что князь Павелъ умеръ на Кавказѣ; онъ дѣйствительно умиралъ, но ожилъ, и здоровый въ декабрѣ явился къ матери въ Зубриловку; тамъ наложили на него секвестръ и въ Пензу не пустили. Въ то же время губернаторша, съ цѣлымъ семействомъ, ѣздила навѣстить свекровь; пріѣзжій нашелъ, что дѣвица К—ръ выросла, похорошѣла и сказала, что она ему очень приглянулась. Тогда между членами этого семейства родилась новая комбинація. „Нѣтъ германской принцессы, руки которой бы братъ Василій не былъ достоинъ, но для Павла, чего же лучше?—красотка, какъ бы уже принадлежащая къ семейству и по матери въ родствѣ со всею польскою знатью. Состояніе, правда, весьма небольшое, но чтобы жить внѣ столицы и его будетъ достаточно; главное же, чтобы спастись отъ пензенскаго родства и однимъ махомъ сдѣлать два удара.“ Тогда, кажется, положено бросить веденную на меня атаку, и, напротивъ, поставить себя въ оборонительное состояніе. Не понимаю, отчего не скоро послѣдовало исполненіе общаго приговора. Она все дѣлала по приказу: не было ни мыслей, ни чувствъ, ни воли въ этомъ жалкомъ, прекрасномъ созданіи, а оно всегда было существо самое безхарактерное, неосновательное.

Спѣшу кончить романъ сей, котораго я былъ весьма не блестящій герой, съ тѣмъ чтобы впередъ никогда о немъ

не поминать. Когда уже меня не было въ Пензѣ, ровно черезъ годъ послѣ предложенія моего, совершился ненавистный мнѣ бракъ. Князь Василій возвратился почти наканунѣ свадьбы; братья не поссорились: они не знали истинной любви. Что касается до меня, то не скоро могъ я забыть близость недостигнутаго блаженства. Бывало, когда случится мнѣ сдѣлать доброе дѣло, или сердце мое исполнится состраданія къ несчастію ближняго, или внезапно чувство набожности наполнить душу мою,—въ эти рѣдкія и прекрасныя минуты жизни моей, бывало, всегда посѣтитъ меня нѣжный образъ Теофилы и напомнитъ мнѣ время чистѣйшей любви. Но, наконецъ, призракъ исчезъ навсегда. Увы, зачѣмъ увидѣлъ я ее вдовою, лѣтъ черезъ двадцать послѣ ея замужества! Еслибы, по крайней мѣрѣ, и станъ и черты ея вовсе измѣнились, я бы могъ еще увѣрить себя что вижу совсѣмъ иную женщину; но нѣтъ, почти все то же, и со всѣмъ тѣмъ какъ сказать мнѣ?... Въ прекрасной Теофилѣ, или Теофилѣ, увидѣлъ я настоящую Фефѣлу.

Извѣстіе о знаменитой лейпцигской битвѣ, самой рѣшительной изъ всѣхъ бывшихъ въ эту войну, получено у насъ въ половинѣ ноября. Со всѣхъ концовъ Европы собрались тутъ сражающіеся: съ четырехъ сторонъ, четыре арміи устремились на одинъ пунктъ сей, защищаемый Наполеономъ. Французы приписываютъ потерю этого сраженія какому-то капралу, который успѣшилъ взорвать мостъ и чрезъ то предалъ бѣгущихъ въ руки непріятели; да вѣдь надобно же было напередъ, чтобъ она обращена была въ бѣгство. Тутъ нельзя было взвалить вину на морозы, а очевидцы увѣряютъ, что послѣ того ретирата ихъ совершенно походила на прошлогоднее бѣгство изъ-подъ Краснаго. Кажется, Французы взяли девизомъ: побѣдить непріятели или бѣгомъ бѣжать отъ него; надобно отдать имъ справедливость, они великіе мастера бороться съ истиной. Съ другой стороны, Нѣмцы въ этомъ дѣлѣ и понынѣ почитаютъ себя единственными побѣдителями, забывая, что съ ними вмѣстѣ сражалась вся огромная русская армія, сражались Шведы, Венгры, Славяне по всѣмъ наименованіямъ, даже изъ отдаленныхъ мѣстъ Башкиры и Татары. И кто былъ душою, двигателемъ, можно сказать, главою этого безчисленнаго сборища, между которымъ такъ трудно было сохранить согласіе? Кто поставилъ на ноги прусскаго короля? Кто вытаскивалъ на поприще великихъ событій самаго мир-

наго австрійскаго императора? Кто, если не нашъ молодой Агамемнонъ, какъ въ стихахъ называлъ его Жуковскій, если не тотъ, надъ которымъ въ этотъ день и въ послѣдующіе за нимъ мѣсяцы видимо сіяла благодать небесная?

У насъ въ провинціяхъ отъ этой вѣсти и отъ многихъ другихъ, быстро одна за другою получаемыхъ, только-что съ ума не сошли отъ радости. Давно ли, кажется, дрались наши на берегахъ Москвы рѣки, и вотъ уже они на Рейнѣ, и, въ свою очередь, Франція угрожается нашествіемъ иноплемennыхъ! Если Наполеонъ не совсѣмъ рехнулся, онъ поспѣшитъ заключить миръ. И въ этихъ провинціальныхъ сужденіяхъ, право, было болѣе благоразумія, чѣмъ въ его тогдашнихъ дѣйствіяхъ. Особенно нашимъ пензенскимъ пріятно было узнать, что ихъ ополченіе участвовало въ славной битвѣ, и что изъ ихъ родныхъ никто въ немъ не погибъ. Ополченіе это, принадлежавшее къ арміи Бенигсена, направлено было потомъ къ Гамбургу, а малая часть его причислена къ гарнизону, занявшему Дрезденъ.

Все располагало моихъ дворянъ къ веселостямъ, но въ предшествующемъ году они крѣпко поиздержались, а безъ денегъ какъ можно веселиться? Несмотря на то, къ Рождеству, откуда взялись наши помѣщики: изъ всѣхъ уѣздовъ понаѣхали, и пошла потѣха. Отъ самаго Рождества, вплоть до послѣдняго дня масленицы, только два дня были безъ пляски, въ томъ числѣ одинъ сочельникъ. Весело проживался губернаторъ и другихъ въ мотовство умѣлъ втягивать. Изъ Зубриловки, по его вызову, пріѣхалъ и братъ его, князь Феодоръ съ супругою своею; но она ни съ кѣмъ почти не говорила, ни на что не хотѣла смотрѣть и вскорѣ потомъ уѣхала.

Что я дѣлалъ въ это время общаго сумасброднаго разгуля? То же не иначе,—сумасбродствовалъ. Я ничего не вѣдалъ о замышляемыхъ бракахъ князей Василя и Павла, никакъ не подозрѣвалъ, что Теофила—невѣста трехъ женовъ, и все еще предавался слабой надеждѣ. Она въ такихъ случаяхъ настоящее зло и похожа на продолжительныя предсмертныя страданія, когда человѣкъ невольно хватается за жизнь; скорое ея пресѣченіе дѣлается тогда счастіемъ. Еслибы не глупая страсть, я, кажется, всю эту зиму плавалъ бы въ радостныхъ восторгахъ: Россія наша вездѣ торжествовала! Но что дѣлать? Никогда еще судьба не дала мнѣ вполне насладиться удовольствіями жизни, и въ розы, которыми изрѣдка украшала ее, всегда впадала самыя колючія тернія.

IX.

Прошла зима, первые мѣсяды 1814 года; наступила русская весна, мартовская великопостная оттепель; все возвѣщало скорое появленіе жизни. Но праздникъ Свѣтлаго Воскресенья, въ самомъ концѣ марта, встрѣтили мы невесело: воротилась стужа съ вѣтрами, мятелями и непогодюю. Къ тому же и самыя извѣстія изъ арміи почитали мы неудовлетворительными,—мы, уже избалованные постоянными и быстрыми успѣхами. Казалось, что союзная армія разгуливаетъ по Франціи, напрягая всѣ силы, чтобы гдѣ-нибудь прорваться къ Парижу, но что вездѣ гдѣ только встрѣтится ей самъ, всюду покажетъ еще себя прежнимъ, несокрушимымъ Наполеономъ. Такъ было гораздо за половину апрѣля мѣсяца.

Въ это время создалъ я себѣ новую забаву, вовсе не похвальную: я золь былъ на все человѣчество и кого бы ни было сердить, огорчать сдѣлалось для меня наслажденіемъ. Я избѣгалъ сосланныхъ Французовъ, Радюльфа и Магіера, а еще болѣе плѣнныхъ; тутъ началъ я сближаться съ ними, ихъ посѣщать и принимать у себя. Ни Рыщевской, ни сестры ея Четвертинской, ни котораго изъ Поляковъ и даже изъ Москвичей, которые съ ними были знакомы, давно уже не было, а въ нашихъ случайный патриотизмъ не успѣлъ еще довольно простыть чтобы съ ними водиться. По-русски ни одинъ изъ нихъ не зналъ ни слова, иностранныхъ газетъ мы не получали, откуда было имъ знать что происходитъ въ мірѣ, и я былъ для нихъ газетой. Особенно примѣчательнъ былъ плѣнный полковникъ Піонъ, который молодымъ солдатомъ, съ молодымъ генераломъ Бонапарте, воевалъ еще въ Египтѣ, былъ имъ замѣченъ, отличенъ, всегда лично ему извѣстенъ и находился потомъ во всѣхъ съ нимъ кампаніяхъ. Другіе плѣнные также говорили о Наполеонѣ съ восхищеніемъ, но въ этомъ преданность доходила до изувѣрства, и я увидѣлъ, какъ человѣкъ изъ другаго человѣка можетъ сотворить себѣ Бога. Я всегда спѣшилъ возвѣщать ему наши успѣхи, а онъ бѣсился и отвергалъ истину моихъ словъ.

— Вѣдь это не мое, а напечатано въ вѣдомостяхъ.

— Да ваши газеты лгутъ также какъ и наши.

— Можетъ быть, и я готовъ согласиться, что Французы вездѣ бьютъ Русскихъ, отвѣчалъ я,—только странно, что подъ ихъ ударами они все идутъ впередъ отъ Москвы до Рейна и далѣе.

Онъ пересталъ со мной видѣться и другимъ заказалъ. Но нѣтъ, любопытство его проныло, и онъ опять ко мнѣ явился. Я заговорилъ съ нимъ о дѣлахъ совсѣмъ постороннихъ войнѣ; онъ вѣрно подумалъ что мнѣ нечѣмъ передъ нимъ похвастаться, и рѣшилъ меня спросить. „Я ничего не скажу вамъ, вы мнѣ не вѣрите, все сердитесь, а мнѣ совсѣмъ не хочется васъ печалить“,—и такимъ образомъ заставлялъ его умолять меня о вѣстяхъ, а я съ нѣкоторою прикраскою ихъ сообщалъ ему. Бѣдняжка! нынѣ, право, мнѣ жаль его.

Въ концѣ апрѣля, помнится 28-го числа, на безоблачномъ небѣ запылало вновь яркое солнце. Въ этотъ же день какой-то прїѣзжій или проѣзжій изъ Петербурга кому-то сказалъ, что Парижъ взятъ штурмомъ и, подобно Москвѣ, другой день какъ горитъ: вѣрно ему этого хотѣлось. Побѣда! Торжество!—но не такое, какого бѣ я желалъ. Для другихъ было все равно, и радостная вѣсть изъ устъ въ уста вездѣ разнеслась. На другой день къ вечеру, съ присланнымъ отъ министерства курьеромъ, получилъ губернаторъ предписаніе распорядиться о совершеніи благодарственнаго молебствія по случаю сего чрезвычайно важнаго событія. Къ предписанію приложены были два печатныхъ листочка. Въ одномъ находилось извѣстіе, что Парижъ сданъ на капитуляцію, послѣ сраженія, бывшаго подъ стѣнами его, и что русскій генералъ Сакенъ назначенъ военнымъ его губернаторомъ. Въ другомъ было объявленіе Парижу и Франціи, что союзные монархи болѣе не намѣрены входить въ какія-либо условія съ Наполеономъ и членами его семейства: оно подписано однимъ только Александромъ, котораго имя гремѣло тогда во всѣхъ концахъ міра, и скрѣплено Нессельродомъ, коего имя и въ Россіи тогда было вовсе неизвѣстно. Дальнѣйшихъ подробностей мы не могли еще имѣть; но и этого было довольно и гораздо лучше слуховъ, прошедшихъ наканунѣ.

Вотъ тутъ-то Россія заликовала, и, правду сказать, было чѣмъ возгордиться. Что бы ни говорили Нѣмцы, все главное дѣло сдѣлано русскимъ царемъ и русскимъ войскомъ; тѣ, которые, полторагода передъ тѣмъ, по владимірской дорогѣ отступали къ Клязьмѣ, готовы были потянуться къ Луарѣ.

Губернаторъ хорошо сдѣлалъ, что на нѣсколько дней отложалъ молебствіе, дабы побольше дворянъ могли къ нему съѣхаться, и чрезъ то приданъ ему былъ видъ болѣе торжественный. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ему хотѣлось чтобы данъ былъ великолѣпный пиръ, обѣдъ и балъ; это уже было неумѣстно. Съѣхавшіеся помѣщики на радостяхъ изъ кошелевъ и шкатулокъ потащили послѣднее; кто-то указалъ имъ на средство сдѣлать лучшее употребленіе изъ значительной суммы ими собранной. Отдѣливъ нѣкоторую часть на какое-нибудь простонародное увеселеніе, все остальное должно было принадлежать вдовамъ и сиротамъ, инвалидамъ, увѣчнымъ, страждущимъ, нищимъ, такъ что въ этотъ памятный день не оставалось въ городѣ ни одного человѣка, который не ощутилъ бы радости. Въ эти дни я опять полюбилъ было Пензу; я не слышалъ ни одной хвастливой рѣчи, а всѣ казались исполнены трогательнаго умиленія и благодарности какъ къ небесному, такъ и земному создателю ихъ благъ.

Въ воскресенье 3 мая, день именинъ и рожденія матери моей, у насъ въ домѣ былъ семейный, а въ городѣ общественный праздникъ. Въ этотъ день мать моя была почти весела, и я почти забылъ сердечное свое горе. По утру соборный храмъ не могъ вмѣстить въ себѣ стекшагося народа; онъ густыми толпами тѣснился вокругъ него, и всѣ мы съ восторгомъ внимали побѣдную пѣснь поющимъ. Купцы и откупщикъ угощали потомъ народъ пивомъ, водкой и пирогами.

Между губернаторскимъ домомъ и соборомъ былъ просторный пустой квадратъ, который князь Г. засадилъ березами, и на нихъ, какъ нарочно, къ этому дню распустились листья; на этомъ мѣстѣ сочинили кой-какую иллюминацію. Въ серединѣ горѣлъ щитъ, на коемъ выставлены были слова: Парижъ, 19 марта, и вензелевое имя государя, и онъ окруженъ былъ рамкой изъ разноцвѣтныхъ стаканчиковъ, раскрашенныхъ. Вечеромъ, на этомъ небольшомъ пространствѣ вся Пенза старалась умѣститься. Поодаль, въ темнотѣ, замѣтилъ я французскихъ пѣвчихъ, ласково подошелъ къ нимъ, но не утерпѣлъ, чтобы, указывая на щитъ, не спросить Пюна, все ли онъ еще сомнѣвается. „Вы можетъ правы, отвѣчалъ онъ, — а я все-таки немогу повѣрить.“ Я улыбнулся и вспомнилъ Чванкину въ *Хвастунѣ*, комедіи Княжнина: „знаю, да не вѣрю,“ — также говорить она.

Надобно признаться, что и намъ едва вѣрилось: все то, что прочитали мы въ полученныхъ на другой день газетахъ, казалось обворожительнымъ сномъ. Какъ! Бурбоны провозглашены, и Наполеонъ изъявляетъ согласіе отказаться отъ престола,—да это конецъ революціи, конецъ всѣмъ бѣдствіямъ. Миръ мірови дарованъ, и источникомъ благоденствія Европы, будущаго ея спокойствія все-таки останется наша Россія. О, какъ попрамъ Господь гордыню народовъ западныхъ, и какъ высоко вознесъ Онъ наше смиреніе!

Черезъ нѣсколько дней долженъ былъ я находиться на другомъ празднествѣ, хотя частномъ, но болѣе великолѣпномъ. Зимой, изъ Петербурга, къ князю Феодору пріѣхалъ погостить Рибопьеръ, другъ его и родственникъ по женѣ, урожденной Потемкиной, со всѣмъ семействомъ. Послѣ парижскихъ извѣстій, кому была охота оставаться въ глуши: всѣ спѣшили показаться на свѣтъ и, на прощанье съ Зубриловой, князю Феодору хотѣлось задать огромный пиръ; для того избралъ онъ день рожденія Рибопьера, 13 мая. Онъ какъ можно болѣе разослалъ пригласительныхъ грамотъ, и я получилъ собственноручную записку отъ самой княгини. Мнѣ бы не ѣхать: но губернаторъ отправлялся туда на все лѣто со всѣмъ семействомъ своимъ, и мнѣ хотѣлось хоть бы еще поглядѣть на *нее*.

Пиръ былъ пребогатый, только не гостями: изъ приглашенныхъ немногіе нанего пріѣхали. Наши дворяне начинали уже считаться съ боярами. Однакоже человѣкъ до пятидесяти было за обѣдомъ; въ томъ числѣ изъ сосѣднихъ уѣздныхъ городовъ нѣсколько плѣнныхъ французскихъ офицеровъ. Одинъ изъ нихъ, вѣроятно, полагая что Россія раздѣлена на мелкія княжества также какъ Германія, въ которой онъ воевалъ, почиталъ себя въ гостяхъ у владѣтельнаго герцога, и весьма искренно поздравлялъ меня съ особою милостью, которою, по замѣчаніямъ его, я пользуюсь у его свѣтлости; я не оставилъ этимъ потѣшить добраго и чваннаго нашего хозяина. Вечеромъ, на всѣхъ возвышенныхъ мѣстахъ горѣли смоленныя бочки; вся роца была освѣщена плашками, и по ней въ разныхъ мѣстахъ раздавались пѣсни разныхъ народовъ европейскихъ: тамъ были русскіе пѣсельники, коихъ не трудно было найти; тамъ труппы Тиролецевъ, Итальянцевъ, Славянъ и другихъ,—все набранные изъ плѣнныхъ солдатъ разнородной разрушенной Наполеоновои арміи. На щитахъ въ одномъ

мѣстѣ видно было 19 марта, въ другомъ 13 мая,—свобода Европы и рожденіе Рибопьера.

Возвратясь въ Пензу, пошли у насъ совѣты, что мнѣ изъ себя сдѣлать? Я въ службѣ себя болѣе не почиталъ: по поступленію въ пензенскій комитетъ для пожертвованій, просилъ я министерство уволить меня изъ онаго вовсе, а получилъ увольненіе, вѣрно по ошибкѣ, для продолженія занятій по сказанному комитету, и это недоразумѣніе въ послѣдствіи было для меня весьма полезно. Мать моя, тайно радуясь моимъ любовнымъ неудачамъ, весьма желала чтобы для развлеченія оставилъ я Пензу; но я, сколько могъ, тому противился. Она доказала мнѣ, наконецъ, сколь несбыточны мои мечты, и самого заставила желать удалиться.

Но меня въ сторону, и нѣсколько словъ о моихъ военныхъ родныхъ. Зять мой, Алексѣевъ, никакъ не могъ догнать армію, которая двинулась изъ Лейпцига, прежде чѣмъ выѣхалъ онъ изъ Пензы. Путемъ-дорогой остановился онъ въ Дрезденѣ, у царствующаго тогда въ Саксоніи князя Реннина, и съ нимъ нѣкоторое время пропировалъ, до чего оба были великіе охотники. Явясь въ армію, находился при осадѣ Метца и вскорѣ тамъ узналъ о взятіи Парижа, куда поспѣшно и отправился: слѣдственно, прокатался даромъ. Братъ же мой, Павелъ, въ началѣ 1813 года назначенъ былъ комендантомъ варшавскаго извѣстнаго укрѣпленія Праги, а потомъ опять находился въ арміи, гдѣ въ сраженіяхъ, вѣроятно, успѣлъ отличиться, ибо во время двухъ кампаній получилъ двѣ шаги, Аннинскую и золотую за храбрость, Владимірскій крестъ съ бантомъ, Аннинскій на шею, да прусскій Пуръ-ле-Меритъ и французскій Почетнаго Легіона въ петлицу и, наконецъ, чинъ полковника. Отъ обоихъ получили мы радостныя, веселыя письма изъ Парижа.

Конечно, и холодный Петербургъ ощутилъ восторги не менѣ живыя, чѣмъ у насъ, въ провинціяхъ. Тамъ начали приготовляться къ торжественной встрѣчѣ миротворца-побѣдителя: совѣтъ, сенатъ и синодъ, въ совокупности, опредѣлили поднести ему титулъ „Благословеннаго;“ два верховныхъ государственныхъ сановника должны были ѣхать ему на-встрѣчу съ поздравленіемъ и изъявленіемъ вѣрноподданнической благодарности, и, наконецъ, для сего же предмета вызваны въ Петербургъ изъ всѣхъ губерній депутаты отъ дворянства. Все это весьма милостиво и кротко онъ отвергъ,

однакоже отвергъ. Что побудило его къ тому? По усилившейся въ немъ набожности, можетъ-быть, желалъ онъ только награды небесныхъ и пренебрегалъ величіемъ мірскимъ? Гордость ли, или смиреніе заставили его сіе сдѣлать? Это одному Богу извѣстно.

Ничего о томъ не зная, у насъ въ Пензѣ, около половины іюня, дворянство, чрезъ губернскаго предводителя, сдѣлало мнѣ приглашеніе отправиться въ Петербургъ, чтобы тамъ вмѣстѣ съ генераль-майоромъ Сергѣемъ Адамовичемъ Олсуфьевымъ и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Платономъ Богдановичемъ Огаревымъ составить депутацію къ царю. Предложеніе было слишкомъ лестно чтобы отказаться отъ него: я готовъ былъ это сдѣлать подъ предлогомъ, что, исключая подорожной безъ пошлины, дворянство не соглашается ничего мнѣ дать на путевыя издержки; но мать моя объявила, что въ этомъ случаѣ замѣнить она дворянство. И такъ дѣло рѣшено; я опять ѣду въ Петербургъ, и опять дѣлаюсь искателемъ фортуны.

Между тѣмъ, мать моя и сама дѣлала сборы къ отъѣзду: она хотѣла съ двумя дочерьми ѣхать въ Кіевъ, чтобы поклониться тамъ святымъ угодникамъ и взглянуть еще на мѣсто, гдѣ провела столько счастливыхъ дней. Третья сестра, Алексѣева, должна была ей сопутствовать, дабы изъ Кіева отправиться навстрѣчу къ мужу. Отслуживъ молебень 23 іюня, благословясь пустились онѣ въ путь. Я остался совершенно одинъ: не было для меня ни малѣйшей причины длить мое пребываніе въ Пензѣ; но начиналась ярмарка, и она послужила мнѣ предлогомъ пребыть въ ней еще нѣсколько дней.

Въ Москву дотолѣ обыкновенно ѣзжалъ я по Владимірской дорогѣ, на этотъ разъ захотѣлось мнѣ испытать ѣзду по Рязанской, которая была нѣсколько длиннѣе, но за то, говорили, гораздо лучше и покойнѣе. Чтобы укоротить ее, я задумалъ ѣхать не на Чембарь, а проселочными дорогами на Зубриловку: разницы было всего верстъ двадцать или тридцать, но да позволено мнѣ будетъ не сказать здѣсь почему я предпочелъ ее. Въ день Сергія чудотворца, 5 іюля, выѣхалъ я, наконецъ, изъ Пензы.

Въ Зубриловкѣ царствовала совершенная пустота: въ ней нашелъ я одного князя Павла, котораго никакъ еще не думалъ подозрѣвать въ соперничествѣ. Старая княгиня, также какъ и мать моя, уѣхала на богомолье въ Кіевъ и для сви-

данія съ сестрой своей Браницкой. Князь Феодоръ со всѣмъ дворомъ своимъ отправился въ подмосковную, въ Петербургъ или въ чужія края: въ день отъѣзда своего онъ еще навѣрное не зналъ. Оставшійся въ Зубриловкѣ единственный членъ фамиліи, не знаю почему, отказался ѣхать со мной до селенія Макарова, въ десяти верстахъ отъ нея лежащаго. Оно принадлежало брату его, нашему губернатору, который съ семействомъ своимъ на все лѣто тамъ находился. Оно было на самой дорогѣ, пролегающей оттуда въ Тамбовъ, и объѣхать его было бы странно. Вотъ тутъ-то насмотрѣлся я его княжескихъ проказъ. Хоромы деревянные, не весьма большія, но которыя стоили очень дорого, ибо безпрестанно перестраивались, прислонены были къ хорошенькой рожицѣ и были мѣстомъ жительства владѣльца. Маленькій дворъ, составленный изъ увезенныхъ имъ писцовъ губернаторской канцеляріи, одѣтъ былъ единообразно, въ казачьи кафтаны сѣраго цвѣта изъ холщевой матеріи съ синимъ холстиннымъ стоячимъ воротникомъ, на которомъ бѣлыми нитками было вышито слово *Макарово*; потомъ дворян, раздѣленная на три класса, изъ коихъ каждый отличался цвѣтомъ жилета; по праздникамъ происходило производство въ сіи классы и допущеніе къ цѣлованію руки; лакейскіе балы, въ которыхъ, исключая князя и княгини, должна была еще принимать участіе и самая мѣлочь изъ сосѣднихъ дворянъ, и на которыхъ, вмѣсто лакомства подавались брусника и моченыя яблоки, — и многое множество другихъ нецѣлостей. Все это было странно, смѣшно, но въ расположеніи духа, въ которомъ я находился, мнѣ совсѣмъ не казалось забавно. Я далъ слово читателю не докучать ему болѣе моимъ любовнымъ вздыхательствомъ, и потому скажу только, что тяжело мнѣ было оставаться нѣсколько дней въ этомъ Макаровѣ, а можетъ еще тяжелѣе было разстаться съ нимъ.

Проѣхавъ оттуда верстъ пятьдесятъ по дорогѣ ведущей въ Тамбовъ, въ какомъ-то бѣшенномъ отчаяніи пріѣхалъ я въ Оржевку, Курсановскаго уѣзда, и тамъ остановился. Другаго названія не умѣю дать Оржевкѣ; мѣстечекъ у насъ въ Россіи нѣтъ, а пригородомъ или посадомъ нельзя назвать нѣсколько деревень, собранныхъ вмѣстѣ на большомъ пространствѣ, въ которомъ живутъ сорокъ помѣщиковъ, изъ коихъ десять или двѣнадцать весьма зажиточныхъ и даже довольно богатыхъ. Въ числѣ ихъ была у меня тамъ одна родственница, вдова

Елизавета Петровна Мартынова, которую давно обѣщала я посѣтить. Ничего не могло быть добродушнѣе ея самой и многочисленнаго ея семейства: у нея было четыре молодца сына,—все въ отставкѣ, и четыре красоти дочери,—все невѣсты. Обо всѣхъ ихъ ничего не скажу, что бы могло походить на осужденіе или насмѣшку; все что можно сказать въ похвалу ихъ сердца и наружности, я сказалъ, и сего довольно.

Уѣздное любопытство гораздо сильнѣе губернскаго, но и оно ничто въ сравненіи съ деревенскимъ. Лишь только узнали, что къ Мартыновой пріѣхалъ гость, наѣхали сосѣди, и осыпали меня приглашеніями на обѣды и вечера; стѣ нѣкоторыхъ умѣлъ я отдѣлаться, но не ото всѣхъ; и такъ дня три-четыре пришлось мнѣ тутъ остаться. Все такъ быстро измѣняется у насъ въ Россіи, что, по теченіи двадцати пяти лѣтъ, наше старинное дворянское житье въ помѣстьяхъ, даже у меня, видѣвшаго его, осталось въ памяти какъ сонъ; на яву же ни я, и нынѣ, вѣрно, никто его уже не узритъ. И потому я счелъ не лишнимъ дать здѣсь о немъ нѣкоторое понятіе. Весьма немногіе изъ помѣщиковъ занимались тогда сельскимъ хозяйствомъ, хлѣбопашествомъ; осеннее время было для нихъ лучшее въ году: они могли гоняться за зайцами; карты не были еще въ такомъ всеобщемъ употребленіи какъ нынѣ. Ихъ жизнь была совершенно праздная, однако же они не скучали, безпрестанно посѣщая другъ друга, пируя вмѣстѣ. За обѣдомъ и по вечерамъ шли у нихъ растабары о всякой всячинѣ, они шутили не весьма приличнымъ образомъ, подтрунивали другъ надъ другомъ въ глаза и весело выслушивали насмѣшки, въ отсутствіи вступаясь за каждаго, однимъ словомъ, въ образѣ жизни приближались къ низшему сословію. Барыни и барышни занимались нарядами, а когда съѣзжались вмѣстѣ, то — маленькимъ злословіемъ и сплетнями, точно также какъ въ небольшихъ городахъ.

Оржевка, будучи ни городъ, ни деревня, имѣла пріятности и неудобства обоихъ. Не сказываться дома не было возможности, а ежедневнымъ посѣтителемъ конца не бывало. Дѣвицы не позволяли себѣ не только привозить съ собою рукодѣлье, но даже заниматься имъ въ присутствіи гостей. Шутихи, дураки, которые были принадлежностью каждаго довольно богатаго дворянина, также много способствовали къ увеселенію особъ обоого пола и всѣхъ возрастовъ. Та-

кое житье для человека съ просвѣщеннымъ разсудкомъ, конечно, должно было казаться мукою; но у меня его тогда не было, и оно мнѣ полюбилось. Беззаботность, веселое простодушіе этихъ владѣльцевъ, безтрепетность ихъ слугъ, которые смѣло разговаривали съ ними, даже во время обѣда, стоя за ихъ стуломъ,—вся эта патриархальность нравовъ дѣйствительно имѣла въ себѣ что-то привлекательное. Къ тому же, въ это время, нѣкоторыми изъ сихъ господъ, получены были самыя радостныя вѣсти изъ-за границы: ихъ братья и сыновья писали къ нимъ, что вышли живы, здоровы и невредимы изъ кровопролитной войны, получили награды и осенью надѣются ихъ обнять. По сему случаю начались безконечныя пиры, и я попался въ самый разгулъ, что мнѣ, горемычному, показалось весьма отрадно. Человѣкъ въ инныя минуты жизни своей совсѣмъ бываетъ не похожъ на себя; а въ эти дни шумъ, смѣхъ, громкіе и нестройные звуки домашнихъ оркестровъ, цыганская пляска съ визгливымъ пѣніемъ горничныхъ дѣвокъ, объяденіе и безпрестанно пѣнящіеся бокалы, могли одни на время заглушить тоску моего сердца. Взятіе Парижа положило начало совсѣмъ у насъ новому (какъ называютъ его) гражданскому развитію, которое мало-по-малу истребило, даже въ провинціяхъ, весь нашъ старинный русскій бытъ, и я здѣсь сотворилъ ему поминки.

Проведя нѣсколько дней въ Оржевкѣ совсѣмъ непривычнымъ для меня образомъ, пустился я далѣе. Прошелъ слухъ, что Государю не угодно принимать никакихъ депутацій, и мнѣ казалось что я могу располагать своимъ временемъ. Однакоже оттуда, благодаря казенной подорожной и расточаемымъ мною гривнамъ на водку, поскакалъ я, какъ говорится, сломя голову. Я никуда и ни къ чему не спѣшилъ, но быстрота ѣзды какъ-то оживляла упавшій мой духъ.

Начиная отъ самаго Тамбова, проѣзжалъ я по дорогѣ совсѣмъ для меня новой, но никогда еще я не былъ менѣе внимателенъ къ окружающимъ меня предметамъ. На Козловъ и на Ряжскъ я едва взглянулъ; въ послѣдствіи, проѣзжая разъ черезъ первый, могъ я замѣтить, что онъ одинъ изъ красивѣйшихъ нашихъ уѣздныхъ городовъ. Все-таки губернскій городъ хотѣлось мнѣ посмотреть, и для того въ Рязани намѣренъ я былъ провести нѣсколько часовъ; судьба того не хотѣла. Передъ пріѣздомъ туда, грустныя раз-

мышленія во всю ночь не дали мнѣ сомкнуть глазъ моихъ, и только передъ разсвѣтомъ, утомленный, заснулъ я крѣпкимъ, сладкимъ сномъ. Когда солнце взошло, меня разбудили; я взглянулъ на какой-то бѣлый домъ, что-то пробормоталъ и опять въ сонъ погрузился. Изъ невнятныхъ словъ моихъ слуга понялъ приказаніе запрягать лошадей и ѣхать далѣе, и когда я совсѣмъ проснулся, Рязань была уже далеко за мною. Я было хотѣлъ разсердиться на слугу своего, но равнодушіе ко всему восторжествовало надъ моимъ гнѣвомъ. На Зарайскъ, и даже на Коломну, поглядѣвъ я съ тѣмъ же вниманіемъ какъ на Козловъ и на Рязкскъ.

Около полудня, 18 іюля, увидѣвъ я издали Москву, и сердце опять забилось во мнѣ любовью, которую другая не могла погасить. Золотая шапка Ивана Великаго горѣла вся въ солнечныхъ лучахъ, какъ бы вѣнецъ сей новой великомученицы. Надъ нимъ сіялъ крестъ, сорванный безбожіемъ и восстановленный вѣрою, и я бы воскликнулъ съ Жуковскимъ, пѣвцомъ въ Кремлѣ:

Свѣтаѣй вознесъ ты къ небесамъ
Свой крестъ непобѣдимый.

Но эти славные стихи его тогда еще не были написаны. Все было ясно, тихо, весело окрестъ Москвы многострадальной, недавно успокоенной и возвеличенной. Сама она, въ отдаленіи, попрежнему казалась громадною, и только проѣхавъ Коломенскую заставу могъ я увидѣть ужасныя слѣды разрушенія. Тѣ части города, чрезъ кои я проѣзжалъ, кажется, Таганская и Рогожская, совершенно опустошены были огнемъ. Вымощенная улица имѣла видъ большой дороги, деревянныхъ домовъ не встрѣчалось, и только кой-гдѣ начинали подыматься заборы. Далѣе стали показываться каменные двухъ и трехъэтажные обгорѣлые дома, сквозные какъ рѣшето, безъ кровель и оконъ. Только приближаясь къ Яузскому мосту и Воспитательному дому, увидѣвъ я, наконецъ, жилые дома, уцѣлѣвшіе или вновь отдѣланные. Подумавъ гдѣ бы мнѣ пристать, вспомнилъ я добраго моего пріятеля, Александра Григорьевича Товарова, у котораго въ послѣдній проѣздъ черезъ Москву я останавливался. Къ счастью моему, деревянный домъ его былъ цѣлъ, и самъ хозяинъ въ Москвѣ. Мы обрадовались другъ другу, обня-

лись и стали бесѣдовать: было намъ что одинъ другому поразказать.

Послѣ обѣда поспѣшилъ я въ Кремль, оскверненный и поруганный. Чудомъ спасенный нашъ Сіонъ, нашъ Капитолій, наполненъ еще былъ знаками лютаго, безсильнаго мщенія врага нашего. Цѣлый уголъ арсенала, прилегающій къ никольской башнѣ, косообразно былъ оторванъ; вся площадь вокругъ соборовъ завалена была мусоромъ, отломками обрушившихся зданій; дворца не было, и грановитая палата безъ него казалась печально вдовствующею. Но сами соборы были очищены и приведены въ прежнее состояніе; всѣ двери въ нихъ были открыты, съ утра до вечера народъ въ нихъ толпился, и священники едва успѣвали служить молебны: вѣра и любовь Русскихъ къ сему священному мѣсту, послѣ временнаго его пораженія, кажется, еще болѣе усилились. Въ слѣдующіе дни не пощадилъ я денегъ на извозчиковъ, чтобы извѣздить Москву по всевозможнымъ направленіямъ, право, не столько изъ любопытства какъ по чувству искренняго участія. Я находилъ цѣлыя улицы нетронутыя пожаромъ, точно въ томъ видѣ, въ какомъ я зналъ ихъ прежде; въ другихъ видѣлъ каменные дома, коихъ владѣльцы, вѣроятно богатые, съ большими пожертвованіями начинали ихъ вновь отдѣлывать; въ иныхъ мѣстахъ стукъ топора возвѣщалъ мнѣ поднимающееся надворное деревянное строеніе; но гораздо болѣе показывались мнѣ дворы, совсѣмъ поросшіе травой. Вообще, возбуждающее во мнѣ сожалѣніе встрѣчалъ я чаще чѣмъ утѣшительное. И посреди сей картины разоренія, все одни довольныя и веселыя лица! Привычка смотрѣть на пепелища, успокоеніе послѣ ужасовъ, новыя надежды и даже благопріятная погода истребили между всѣми сословіями печальныя мысли.

Хозяина моего Товарова разъ при мнѣ посѣтили двѣ пожилыя дѣвицы, его дальнія родственницы (названія ихъ не помню), и доставили мнѣ большое удовольствіе. Съ гавномъ разказывали онѣ, какъ работающій на нихъ женскій портной, дабы попасть въ моду, принялъ французское названіе, и на вывѣскѣ своей поставилъ *Affurz*; какъ въ негодованіи своемъ поѣхали онѣ сами къ нему и объявили, что если не смараетъ онъ ненавистнаго прозвища, то онѣ донесутъ о томъ Сергѣю Глинкѣ. Нравственное могущество этого челоуѣка было еще такъ велико, что испуганный портной ис-

полнил ихъ требованіе. Я подумалъ, что и лучшее общество въ столицахъ дышетъ тѣмъ же патриотизмомъ: какъ я ошибся, и вскорѣ въ томъ удостовѣрился!

Отъ Прасковьи Юрьевны Кологривовой имѣлъ я письмо къ старшей дочери ея и зятю, Вяземскимъ. Отъ Петербурга до Пензы былъ я наслышанъ объ очаровательности княгини Вѣры; о мужѣ ея я много говорилъ въ предыдущей части, а еще болѣе слышалъ; общіе пріатели наши заочно всегда восхищались его остроуміемъ. Не знаю, отчего не вдругъ рѣшился я къ нимъ ѣхать, хотя умъ въ другихъ я болѣе любилъ чѣмъ боялся его. Они жили въ такомъ кварталѣ, въ которомъ нынѣ едва ли сыщется порядочный человѣкъ. Сему мѣсту, между Грузинами и Тверскими воротами, кѣмъ-то дано было пріятное названіе *Тишина*; нынѣ называется оно прежнимъ подлымъ именемъ *Живодерки*. Тутъ находился длинный, деревянный, одноэтажный, нестроившій домъ, принадлежавшій г. Кологривову, * вотчиму княгини, съ множествомъ службъ, съ обширнымъ садомъ огородами и прочимъ, однимъ словомъ — господская усадьба среди столичнаго города.

Меня сначала смутила холодность, съ какою, казалось мнѣ, былъ я принятъ. Вяземскій, съ своими прекрасными свойствами, талантами и недостатками, есть лицо ни на какое другое не похожее, и потому необходимо изобразить его здѣсь особенно. Онъ былъ женатъ, былъ уже отцомъ, имѣлъ видъ серьезный, даже угрюмый, и только что начиналъ брить бороду. Не трудно было угадать, что много мыслей роится въ головѣ его, но съ перваго взгляда никто не могъ бы подумать, что съ малолѣтства сильныя чувства тревожили его сердце: эта тайна открыта была однѣмъ женщинамъ. Съ ними только былъ онъ живъ и любезенъ какъ Французъ прежняго времени; съ мужчинами холоденъ какъ Англичанинъ; въ кругу молодыхъ друзей былъ онъ русскій гуляка. Я не принадлежалъ къ числу ихъ и не имѣлъ правъ на его привѣтливую искренность. Но съ неподвижными чертами и взглядомъ, съ голосомъ немного охриплымъ, сдѣлалъ онъ мнѣ нѣсколько предложеній, которыя все клонились къ тому, чтобы въ краткое пребываніе мое въ опустѣвшей Москвѣ

---

* Въ этомъ домѣ, нѣсколько лѣтъ спустя, Кологривовы имѣли счастье видѣть у себя на балѣ самого Государя Императора.

доставить мнѣ какъ можно болѣе развлеченій. Онъ поспѣшилъ записать меня въ англійскій клубъ (куда однакожь я не поѣхалъ), пригласилъ меня на другой день къ себѣ обѣдать и назначилъ мнѣ въ тотъ же вечеръ свиданіе на Тверскомъ бульварѣ, лишенномъ почти половины своихъ деревьевъ, куда два раза въ недѣлю остатки московской публики собиравались слушать музыку, имѣя въ виду цѣлый рядъ обгорѣвшихъ домовъ.

Супруга его, Вѣра Феодоровна, была также существо весьма необыкновенное. Я зналъ трехъ меньшихъ сестеръ ея, милыхъ, скромно-веселыхъ: она не совсѣмъ походила на нихъ. При неистощимой веселости ея нрава, никто не сталъ бы подозрѣвать въ ней глубокой чувствительности, а я менѣ чѣмъ кто другой. Какъ другія любятъ выказывать ее, такъ она ее прятала передъ свѣтомъ, и только время могло открыть ее передъ нимъ. Не было истинной скорби, — которая бы не произвела не только ея сочувствія, но и желанія облегчить ее. Ко всему человечеству вообще была она сострадательна, а немилосерда только къ нашему полу. Какая женщина не хочетъ нравиться, и, я готовъ прибавить, какой мужчина? Пльнники красоты суть ея подданные. Въ молодости женскій полъ любитъ царствовать такимъ образомъ, и долго не соглашается отказать отъ престола, воздвигнутаго страстями. Иныя дорого платятъ за успѣхи кратковременнаго своего владычества. Такого рода честолюбія вовсе не было въ княгинѣ Вяземской: всѣ влюбленные казались ей смѣшны; страсти ею производимыя въ глазахъ ея были ни что иное какъ сочиненныя ею комедіи, которыя передъ ней разыгрывались и ее забавляли. Не служить ли это доказательствомъ что, при добротѣ ея сердца, то, что мы называемъ любовію, никогда не касалось его; еслибъ она могла понять ея мученія, то содрогнулась бы. Самымъ прекраснѣйшимъ изъ женщинъ одной красоты недостаточно чтобы увлекать въ свои сѣти; необходимы нѣкоторое притворство, тонкость, уловки, однимъ словомъ, вся стратегія кокетства. Отъ нихъ она тѣмъ отличалась, что никогда не прибѣгала къ подобнымъ средствамъ, употребляя, если можно сказать, простыя, естественныя чары. Никого не поощряя, она частыми насмѣшками болѣе производила досаду въ тѣхъ, коихъ умѣла привлекать къ себѣ. Какъ между ископаемыми, въ царствѣ животныхъ нѣтъ ли также существъ одаренныхъ

магнитною силой? Не будучи красавицей, она гораздо больше их нравилась; немного старше мужа и сестеръ, она въсѣхъ ихъ казалась моложе: небольшой ростъ, маленькій носъ, огненный, пронзительный взглядъ, невыразимое перомъ выраженіе лица и граціозная непринужденность движеній долго молодили ее. Смѣлымъ обхожденіемъ она никакъ не походила на нынѣшнихъ львицъ; оно въ ней казалось не наглостію, а остаткомъ дѣтской рѣзвости. Частый и громкій хохотъ ея въ другой казался бы непристойнымъ, а въ ней восхищалъ, ибо она скрашивала и приправляла его умомъ, которымъ безпрестанно искрился разговоръ ея. Такія женщины иногда рождаются, чтобы населять сумасшедшіе дома; въ это время я самъ годился бы туда, но, можетъ-быть, это и спасло меня. Я не могъ прельститься умомъ, тогда какъ я плѣнялся простодушіемъ, то-есть глупостію. Увы! и безъ меня сколько было безумцевъ, закланныхъ подобно баранамъ на жертвенникѣ супружеской вѣрности тою, которая и мужа своего любила болѣе всего, любила нѣжно но не страстно.

У Вяземскихъ увидѣлъ я въ первый разъ Катерину Андреевну Карамзину и былъ ей представленъ. Она обошла со мною, также какъ и со всѣми незнакомыми и даже со многими давно знакомыми, не весьма привѣтливо: это не помѣшало мнѣ отдать справедливость ея наружности. Чтò мнѣ сказать о ней? Она была бѣла, холодна, прекрасна, какъ статуя древности. Еслибы въ головѣ язычника Фидіаса могла бы блеснуть христіанская мысль, и онъ захотѣлъ бы изваять Мадонну, то, конечно, далъ бы ей черты Карамзиной въ молодости. Одно имя, ею носимое, уже освящало ее въ глазахъ моихъ: я любовался ею робко и подобострастно, и хотя уже былъ зрѣлый, и едва ли не перезрѣлый юноша, но, какъ пажъ Херубино о графинѣ Алмавива, готовъ былъ сказать о ней: „*qu'elle est belle, mais qu'elle est imposante!*“ А душевный жаръ, скрытый подъ этою мраморною оболочкой, могъ узнать я только позже. Послѣ обѣда пріѣхалъ самъ Карамзинъ и разговаривалъ со мною: ему нельзя было узнать челоуѣка, котораго, вѣроятно, едва замѣтилъ онъ мальчикомъ, а я не смѣлъ ему напомнить о себѣ въ Марсеинѣ.

Тутъ за обѣдомъ находился одинъ персонажъ, съ которымъ меня познакомили, и который мнѣ вовсе не полюбился. Это былъ многоглаголевыи генералъ и камергеръ Алексѣй

Михайловичъ II — нъ, острякъ, волтеріанецъ, циникъ и безбожникъ. Онъ былъ гораздо просвѣщеннѣе современника своего Копіева; его умъ былъ забавенъ, но не довольно высокъ чтобы снять съ него печать, наложенную обществами восемнадцатаго вѣка. Странно и довольно гадко было мнѣ слушать обветшалыя сужденія и правила философизма, отчасти породившаго революцію, въ ту самую минуту, когда казалось что она сокрушена была навсегда.

Также прискорбно показалось мнѣ, что въ два или три посѣщенія, сдѣланныхъ мною Вяземскимъ, не слышалъ я ни одного русскаго слова. Въ городѣ, который нашествіе Французовъ недавно обратило въ пепель, всѣ говорили языкомъ ихъ. Одинъ только Карамзинъ говорилъ языкомъ, можно сказать, имъ созданнымъ. Стыдно, право, Вяземскому, который такъ славно писалъ на немъ, такъ чудесно выражался на немъ въ разговорахъ, что онъ не попытался ввести его въ употребленіе въ московскомъ обществѣ, гдѣ имѣлъ онъ такой вѣсъ. Но онъ съ малолѣтства, также какъ и я съ первой молодости, прельстился французскою литературой, а отъ пристрастія къ твореніямъ, до любви къ сочинителямъ не далеко. И мнѣ ли упрекать его, когда съ любезными ему Французами онъ храбро сражался, и въ славной бородинской битвѣ готовъ былъ проливать кровь за отечество, тогда какъ я, въ Пензѣ, объ участи его проливалъ однѣ только слезы.

Вообще, примиреніе съ милою Франціей казалось искреннимъ, вѣчнымъ. И за что ихъ ненавидѣть голубчиковъ Французовъ? Вѣдь они противъ воли увлечены были ненасытнымъ честолюбіемъ вождя своего. Забыты всѣ ихъ злодѣянія, ихъ несносное хвастовство, ихъ лживыя бюллетени, въ которыхъ Русскихъ топтали они въ грязь. Всѣ вины взвалены на одного Наполеона: и по дѣломъ ему, разбойнику! Весь міръ, который онъ хотѣлъ завоевать, обрушился на преступную главу его; пусть же задыхается теперь на островкѣ своемъ Эльбѣ. Слушая членовъ офранцуженнаго нашего высшаго общества, право, можно было подумать, что наша война съ Наполеономъ была не что иное какъ междуусобіе; Россія въ борьбѣ своей оживлена, поддержана была духомъ противной ему партіи; эта партія восторжествовала, и вся наша знатность предовольна.

Извѣстно было, что 13-го іюля побѣдоносный Александръ

возвратился въ восторженную свою столицу; разказывали о трогательномъ первомъ свиданіи его съ счастливою матерью, съ этою Маріей, благословенною въ женахъ, коей плодъ чрева вся Россія назвала „Благословеннымъ“, — о великолѣпномъ праздникѣ, данномъ ею въ Павловскѣ, по случаю его возвращенія. Узнали также съ сожалѣніемъ, но безъ ропота, что онъ продолжаетъ отклонять отъ себя всякое изъявленіе общественной благодарности: другимъ народамъ даровавъ независимость, своему не дозволяетъ даже въявь любить себя.

Узнали также, что онъ соглашается, наконецъ, принять со всѣхъ краевъ Россіи съѣхавшіяся дворянскія депутаціи не вдругъ, но поочередно. Раздѣляя общее чувство, мнѣ желательно было, хотя на минуту, вблизи посмотрѣть на него и услышать его голосъ, и я вмигъ собрался къ отъѣзду. Я поскакалъ по дорогѣ тогда безпокойной, тряской, столько разъ мною проѣханной, все такимъ же бѣднякомъ, въ такой же кубиткѣ какъ и прежде. Ничего примѣчательнаго на этой дорогѣ мнѣ не встрѣтилось, и послѣдній день іюля къ вечеру пріѣхалъ я въ Петербургъ.

X.

Какъ сущій провинціалъ повѣрилъ я словамъ ямщика, который меня привезъ, и послушался его совѣта. Онъ увѣрилъ меня, что Петербургъ такъ наполненъ пріѣзжими, что ни въ одной гостиницѣ не найду я для себя помѣщенія, и уговорилъ меня пристать на какомъ-то постояломъ дворѣ, на межѣ Разъѣзжей улицы и Ямской, близъ Глазова кабака. И за этотъ тѣсный и зловонный уголокъ, въ которомъ я пробылъ не болѣе сутокъ, долженъ былъ я заплатить вдвое болѣе, чѣмъ бы за комнату въ хорошемъ трактирѣ.

Однакоже въ немъ на слѣдующее утро, 1-го августа, принарядился я, вымылся, выбрился, натянулъ мундиръ, и вышелъ изъ него, сѣлъ въ карету, чтобъ ѣхать въ Большую Морскую являться къ главнокомандующему въ Петербургѣ, Сергѣю Кузьмичу Вязмитинову.

Какъ въ столицѣ начальствовалъ онъ, такъ и управлялъ министерствомъ полиціи только временно, по случаю постоянного отсутствія Балашова, который, по должности генераль-адъютанта, во все время войны сопровождалъ императора, сохраняя, впрочемъ, званія министра и военного гу-

бернатора. Нельзя сказать чтобъ онъ находился неотлучно при государѣ, ибо безпрестанно былъ на посылахъ, то къ Наполеону, то къ Мюрату, то къ англійскому принцу-регенту: оно могло казаться доказательствомъ особой къ нему довѣренности, но рысьи очи царедворцевъ ясно видѣли, что кредитъ его примѣтно упадаетъ. Даже воротившись изъ походовъ, онъ къ должностямъ своимъ допущенъ не былъ.

Прождавъ болѣе часа не совсѣмъ въ прихожей, а въ комнатѣ передъ кабинетомъ Вязмитинова, когда онъ вошелъ, подаль я почтенному старцу бумагу отъ моихъ вѣрителей. Онъ спросилъ меня, не сынъ ли я отца моего, котораго онъ коротко зналъ, и съ коимъ нѣкогда былъ товарищемъ по службѣ. Послѣ того объявилъ онъ мнѣ, что я опоздалъ двумя сутками, что списки отъ него уже посланы, и что на другой день, 2-го числа, пензенская депутація вмѣстѣ съ двумя или тремя другими въ 10 часовъ утра, на Каменномъ Острову, будетъ представляться государю. Странное дѣло! Всякій разъ что пріѣзжалъ въ Петербургъ, встрѣчала меня въ немъ какая-нибудь неудача, какъ читатель сіе замѣтитъ можетъ.

Большіе столичные города въ тѣхъ, кои никогда въ нихъ не бывали и пріѣзжаютъ въ первый разъ, производятъ невольное почтительное изумленіе, въ которомъ они охотно никогда не признаются. Обширность города, многолюдство его, роскошь вездѣ выказываемая, шумъ, движеніе на улицахъ,—все поражаетъ непривыкшаго къ тому. Все, что ни встрѣчается ему, кажется принадлежащимъ къ этой огромной машинѣ и участвующимъ въ ея дѣйствіяхъ. То же самое впечатлѣніе, хотя въ меньшей степени, дѣлаютъ столицы на людей, кои подобно мнѣ возвращаются въ нихъ послѣ долгаго отсутствія. Это чувство, не совсѣмъ пріятное для самолюбія, было не одно, которое, по пріѣздѣ моемъ, сначала я долженъ былъ испытать.

Я долженъ былъ спросить у себя: зачѣмъ я пріѣхалъ? и на то никакъ не могъ дать себѣ отвѣта. Я почиталъ себя въ отставкѣ, не охотно вступилъ бы въ службу, а еслибъ и пожелалъ, то встрѣтилъ бы много препятствій: у меня не было никакого покровительства, никакой подпоры. Что же? приняться опять за прежнюю жизнь, скучную, одинокую, бѣдную, праздную, которую только легкомысліе первой мо-

лодости помогало мнѣ весело переносить. А тутъ, достигая совершенной зрѣлости, опять, какъ говорится, бить мостовую, жить безъ дѣли, безъ надеждъ, тогда какъ всѣ ровестники мои давно меня опередили, не говоря уже о томъ о чемъ читателю далъ я слово не поминать! Сообразивъ все это вмѣстѣ, можно себѣ представить всю тягость моего тогдашняго положенія.

Но въ это время холодный Петербургъ былъ такъ оживленъ, такъ весь исполненъ радости, что даже я, горемычный, наконецъ былъ ею потопленъ. Общему счастью какъ можно завидовать? имъ всегда я былъ утѣшенъ. Само! небо, казалось, праздновало торжество Россіи: июнь и начало іюля, говорятъ, были холодные и дождливые, но августъ сами пріѣзжіе изъ Южной Европы называли италіанскимъ. И дѣйствительно, вмѣсто свѣтлыхъ и сырыхъ ночей, которыя обыкновенно бывають на сѣверѣ, въ этомъ феноменальномъ году имѣли мы ночи темныя, совершенно темныя, и почти жаркія. Въ день Успенія Богородицы была ужаснѣйшая гроза и чуть-чуть освѣжила только воздухъ.

Зрѣлище совершенно новое и отъ того довольно странное въ воинственно-придворномъ Петербургѣ было тогда: какъ на улицахъ такъ и вездѣ, отсутствіе военныхъ мундировъ, генеральскихъ и офицерскихъ; всѣ ходили во фракахъ. Самолюбивые офицеры французской арміи, дотолѣ непобѣдимой, приписывали однимъ Русскимъ (Русскіе всегда во всемъ виноваты) ея уроны, ея паденіе, и въ Парижѣ во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ придирались къ нашимъ офицерамъ, чтобъ оскорбить ихъ честь, отъ чего выходили частые поединки. Дабы положить тому препону, государь приказалъ чтобы всѣ офицеры одѣлись во фраки; по возвращеніи же въ Россію сія обязанность обратилась имъ въ право, коего лишены были они со временъ Екатерины. Были люди, которые въ этомъ видѣли начала торжества [гражданственности: по ихъ мнѣнію, самъ мечъ уничтожилъ царствіе меча.

Однакоже подъ этимъ (какъ называютъ его у насъ) партикулярнымъ платьемъ легко было узнавать молодыхъ гвардейцевъ, по ихъ скромно-самодовольному виду. Изъ нихъ нѣкоторая только часть, четыре полка старой гвардіи, за нѣсколько дней до пріѣзда моего, возвратилась изъ похода. Ихъ посадили на англійскіе корабли, они приставали сутокъ

на двое къ английскому порту Дилю; потомъ привезены были моремъ и высажены на берегъ въ Петергофъ, гдѣ уготовлены имъ были успокоеніе и пиры, и откуда церемоніальнымъ маршемъ вступили они въ Петербургъ. Тѣлохранители, сотрудники, сподвижники Александра сдѣлались въ это время его любезнымъ семействомъ; имъ предоставилъ онъ все торжество его ожидавшее. Черезъ Триумфальныя ворота, хотя деревянные, но богато изукрашенныя, на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ у Петергофской новой заставы возвышаются нынѣ гранитныя и мѣдныя, не хотѣлъ онъ самъ вѣзжать, а чрезъ нихъ имъ велѣлъ вступить. Великолѣпную иллюминацію во всемъ городѣ, къ прїѣзду его приготовленную, по ихъ возвращеніи, имъ въ честь велѣлъ онъ зажечь. За то и ихъ энтузіазмъ къ нему изобразить не возможно: по возможности желая уподобиться кумиру своему, они въ разказахъ не думали хвастаться подвигами своими, съ сердечною радостью обнимали знакомыхъ, всѣхъ мирныхъ согражданъ встрѣчали улыбкою и ласковыми привѣтами. Чтò за время! Особенно, какъ милъ казался нѣжный возрастъ самой первой молодости, уже опаленной порохомъ! Забывая совершенно о славныхъ опасностяхъ, въ кои вдавался, не умолкалъ онъ о парижскихъ своихъ наслажденіяхъ, о Пале-Роялѣ, о Вери, о тысячеколонномъ кафе и прекрасной лимонадьерѣ, о театрахъ, о *Жокондѣ*. Увы! кто могъ бы тогда подумать, что между ними зародятся первыя мысли о возстаніи противъ законной, благотворной имъ власти!

Итакъ, съ душевнымъ удовольствіемъ смотрѣлъ я на то, чтò едва ли кому удастся когда-либо видѣть; смотрѣлъ на Петербургъ не зѣвающий, не суетящійся и не чванный. Отъ хорошихъ знакомыхъ желательно мнѣ было узнать какой видъ имѣлъ онъ въ предыдущихъ годахъ, и слышанное отъ нихъ могу здѣсь передать. Во время отсутствія государя, въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ коихъ находилась Россія, дворъ притихъ, замолкъ: веселиться ему было бы неприлично. Когда въ началѣ зимы, императрица Елизавета Алексѣевна, въ первый разъ по замужствѣ, поѣхала для свиданія съ германскими своими родными, а вслѣдъ за тѣмъ молоденькіе великіе князья, братья государевы, отправились въ армію, то знатные, при дворѣ состоящіе, рѣшительно стали гнушаться столицей. Въ модномъ свѣтѣ вошло

въ моду покидать Петербургъ. Одни, болѣе богатые, еще прошлагоднею весной отплыли въ союзную намъ роскошную Англiю, гдѣ въ это время всякому Русскому было житье; другіе поспѣшили въ освобожденную Германію услышать благословенія спасительному нашему оружію; многіе удалились въ деревни. Тогда-то Петербургъ изъ придворнаго города превратился въ казенный; всѣ тѣ, кои занимали въ немъ высшія должности, заняли также и первыя мѣста въ обществѣ.

Государь почиталъ себя въ Петербургѣ какъ бы проѣздомъ, какъ бы въ гостяхъ. Въ Парижѣ положено было только основаніе всеобщаго мира, устроена участь одной только Франціи; на знаменитомъ вѣнскомъ конгрессѣ, имъ созванномъ, надѣялся онъ упрочить сей миръ, стараясь по возможности удовлетворять требованія европейскихъ государей, согласовать между собою и охранять выгоды каждаго изъ воевавшихъ народовъ и устранить на будущее время малѣйшія причины къ раздорамъ. Сіи высокія мысли занимали его, и въ концѣ августа намѣренъ былъ онъ опять отправиться въ путь, дабы возвратясь зимою приняться за внутреннее устройство собственнаго государства.

Прежде отъѣзда государь хотѣлъ обрадовать Петербургъ столь же умилительнымъ какъ и великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Въ бытность въ Парижѣ, въ день святаго Воскресенія, въ прекраснѣйшій весенній день, на площади мятежа, гдѣ совершено было величайшее изъ преступленій, воздвигъ онъ высокій помостъ, на которомъ православное духовенство громко возгласило: *Христосъ воскресъ!* При семъ возгласѣ, всякое русское сердце радостнымъ трепетомъ наполняющемъ, православный царь и за нимъ воины всѣхъ христіанскихъ народовъ и вѣроисповѣданій пали на колѣна передъ Богомъ браней и Богомъ мира, благословившимъ однѣ и даровавшимъ имъ другой. Безчисленныя толпы нечестивыхъ зрителей составляли раму этой картины изображающей торжество вѣры, примиреніе неба съ землею. Есть въ исторіи минуты, которыя должны гремѣть въ вѣкахъ, и русскій молебень на парижской площади принадлежитъ къ нимъ. У насъ давнымъ давно объ ней забыли, но кичливые иностранцы-иновѣрцы помнятъ ее и не могутъ ее простить намъ.

Сіе благодарственное торжество повторено было на Царыцыномъ лугу 18-го августа, въ день воспоминанія Кульмскаго

сраженія. Большая часть участвовавшихъ въ немъ, ровно за годъ передъ тѣмъ, находилась въ парадѣ. Это также одно изъ нашихъ славнѣйшихъ воспоминаній въ нынѣшнемъ вѣкѣ, когда избраннѣйшая часть русскаго войска въ Богемскихъ ущеліяхъ возобновила чудеса Эромопилъ. Въ этотъ же самый день учрежденъ благотворный комитетъ для раненыхъ воиновъ, и десятина со всего жалуемаго государемъ должна собираться на содержаніе и успокоеніе ихъ.

Къ отъѣзду государя ожидали большихъ переменъ въ министерствахъ, и нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно послѣдовали. Министръ иностранныхъ дѣлъ, государственнй канцлеръ графъ Румянцевъ, еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ сложилъ съ себя должности сіи. Онъ былъ ненавидимъ: чистосердечно дивясь и уважая Наполеона, союзника Россіи, онъ не могъ и не хотѣлъ никого увѣрить въ переменѣ чувствъ своихъ къ нему, когда онъ возсталъ на нее. При началѣ войны, онъ лишился мѣста председателя государственнаго совѣта, переданнаго Салтыкову, потому что послѣдовалъ за государемъ въ Вильно; потомъ въ Великихъ Лукахъ заключилъ онъ союзный трактатъ съ испанскимъ правительствомъ и находился наконецъ въ Абовѣ во время свиданія кронъ-принца Бернадотта съ императоромъ. Но послѣ того оставался въ Петербургѣ безъ всякаго значенія, безъ всякой довѣренности. Радуюсь успѣхамъ нашего оружія, онъ явно не одобрялъ средствъ употребляемыхъ къ умноженію нашего нравственнаго могущества, и время показало какъ былъ онъ правъ. А его почитали недругомъ отечества, и онъ оставался въ самомъ фальшивомъ положеніи, изъ коего вышелъ наконецъ смѣло и благородно. Товарищъ его, сынъ князя Салтыкова, Александръ Николаевичъ, видя что всѣ важныя дипломатическія акты совершаются за границей безъ участія ихъ обоихъ, прежде его еще вышелъ въ отставку. Управление (все еще) коллегіей иностранныхъ дѣлъ само собою пало на члена ея, тайнаго совѣтника Ивана Андреевича Вейдемейера, который, вѣроятно слишкомъ обрадовавшись столь неожиданной для него чести, тотчасъ послѣ того и умеръ. Тогда управление сей коллегіи перешло къ старшему ея чиновнику, начальнику одной изъ экспедицій ея, тайному совѣтнику Павлу Гавриловичу Дивову, человѣку весьма образованному, но

не довольно способному къ занятію столь важной должности. Такъ оставалось оно болѣе полутора года.

Наканунѣ отъѣзда своего, въ день своихъ именинъ 30 августа, государь роздалъ много наградъ и сдѣлалъ нѣсколько новыхъ назначеній. Главнoкомандовавшій не весьма удачно арміями, Александръ Петровичъ Тормасовъ, въ семь же званіи опредѣленъ въ Москву на мѣсто графа Растончина. „Онъ сжегъ Москву“, начали кричать пострадавшіе отъ пожара и недовольные строгимъ порядкомъ имъ вводимымъ. Не знаю, но думаю что неблагодарность соотечественниковъ возмутила его строптивый духъ, и онъ самъ пожелалъ отойти, а государь вѣроятно не захотѣлъ воспротивиться общему желанію. Послѣ того Растончинъ на долго уѣхалъ за границу.

Призваніе Димитрія Прокофьевича Трощинскаго къ должности министра юстиціи было также большою новостію этого дня. Въ первые полтора года царствованія Александра былъ онъ главною пружиной управленія. Послѣ того обидно ему казалось оставаться при однихъ почтахъ и удѣлахъ, и онъ оставилъ службу. Но видно бездѣйствіе тяготило его точно такъ же, какъ дѣятельностію скучалъ его предмѣстникъ. Дмитріевъ по прошенію весьма милостиво уволенъ. Мнѣ случилось послѣ отъ него самого слышать, что какія-то несогласія съ Молчановымъ побудили его выйти. Признаюсь, я въ этомъ видѣлъ одинъ предлогъ. Оторванный отъ мирной жизни и любимыхъ занятій, повѣтъ, я думаю, часто вздыхалъ о свободѣ. Доказательствомъ того что онъ мечталъ о ней, служить годовой отпускъ его въ 1813 году. Онъ воспользовался имъ, чтобы на пожаращѣ Москвы уготовить для себя укромный и красивый пріютъ. Во время отсутствія его, министерствомъ управлялъ преданный ему Болотниковъ, кажется, знакомый моему читателю.

При этомъ вспомнилъ я разказанные мнѣ довольно забавные анекдоты, и ими хочу кончить сію главу. Когда Дмитріевъ уѣхалъ, Болотниковы, не спросясь его и отдавъ собственный домъ въ наймы, перебрались въ казенный домъ министерства юстиціи, въ старинномъ вкусѣ просторный отель, во времена Екатерины построенный генераль-прокуроромъ княземъ Вяземскимъ. Тамъ расположились они въ богатыхъ комнатахъ со штофными обоями и бархатомъ обитыми креслами, но никакъ не отказались отъ привычекъ своихъ.

Каждое утро, падчерица Болотникова въ большой приѣмной залѣ проходила сквозь толпу просителей и докладчиковъ, взлѣзала на стулъ и собственноручно заводила стѣнные деревянные часы съ кукушкой, вѣроятно родовые, наслѣдственные. Елизавета Христіановна подлѣ самой спальни министерской, съ раззолоченною альковной, устроила себѣ кухню съ плитой. Со времени прекрасныхъ дней французской революціи, послѣ мадамъ Роланъ, ни одна министерша въ житѣ своемъ не являла столь милой простоты.

За мѣсяць до возвращенія своего, Дмитріевъ письменно извѣщалъ объ немъ Болотникова и просилъ очистить для него домъ. Но супругъ его полюбилось широкое житѣе, и она не хотѣла съ нимъ разстаться. Въ одну ночь, когда возвратясь съ бала, можетъ-быть отъ Хвостова, она начала раздѣваться, безъ спроса вошелъ къ ней Дмитріевъ въ дорожномъ платьѣ, и пошли у нихъ пререканія. Въ эту ночь Иванъ Ивановичъ въ одной изъ комнатъ нашелъ себѣ мѣсто для отдохновенія, а на другое утро Алексѣй Ульяновичъ, какъ съ чужаго коня середь грязи, долженъ былъ выѣхать изъ дома. И это ихъ навсегда поссорило.

XI.

Совершенное выздоровленіе вскорѣ послѣ тяжелой болѣзни есть самое пріятное состояніе для человѣка. Въ немъ, казалось, всю осень и всю зиму находился Петербургъ. Никакихъ заботъ, неудовольствій, искательствъ, ничего что бы похоже было на обманутое честолюбіе не было замѣтно: ну точно какъ будто въ прежніе годы въ Москвѣ. О политикѣ не было помину; впрочемъ подъ этимъ словомъ разумѣли дотолѣ толки о побѣдахъ и завоеваніяхъ или о пораженіяхъ Наполеона.

Все что происходило въ Вѣнѣ, какъ межевали тамъ Европу, какія представлялись затрудненія, какія возникали несогласія,—все это было великою тайной, которую никто проникнуть не старался. Знали только что Польша будетъ наша. Говорили также, что конгрессъ не идетъ, а пляшетъ: увеселеніямъ, празднествамъ конца тамъ не было.

Утраты придворнаго общества въ эту зиму еще болѣе умножились. Сама императрица съ супругомъ находилась въ Вѣнѣ. Знатные сотнями кинулись за границу, въ отпертую

имъ со всѣхъ сторонъ Европу; это совершенно походило на эмиграцію. Оттого петербургское общество сохранило прошлогодній цвѣтъ, и графиня Хвостова съ компаніей продолжала балничать. Изъ высшаго круга нѣкоторые члены посѣщали сіи вечернія собранія и жестоко надъ ними насмѣхались.

Я возобновилъ въ это время много старыхъ знакомствъ и сдѣлалъ нѣсколько новыхъ. Послѣ долгой разлуки, первое свиданіе мое съ Дмитриемъ Николаевичемъ Блудовымъ было одною изъ радостныхъ минутъ моей жизни. Въ продолженіе двухъ лѣтъ съ половиною сколько перемѣнъ! Нужно ли говорить, что взаимныя чувства наши не измѣнились? Любопытно мнѣ было челоуѣка, котораго оставилъ я безпечнымъ юношей, найтти мужемъ, отцомъ и хозяиномъ дома. Желанія его совершились: весной 1812 года вступилъ онъ въ бракъ съ княжною Щербатовой. Военныя происшествія омрачили первые мѣсяцы его супружества, и вскорѣ потомъ, когда собирался онъ къ новому мѣсту назначенія, совѣтника посольства въ Стокгольмѣ, долженъ былъ похоронить онъ тещу. Онъ оставилъ эту должность и пріѣхалъ въ Петербургъ, не задолго до возвращенія моего въ сію столицу.

Находясь въ Стокгольмѣ, онъ имѣлъ случай близко узнать славнаго воина Бернадотта, мудраго и дальновиднаго челоуѣка, который, несмотря на всѣ быстрыя перемѣны обстоятельствъ, умѣлъ твердо удержаться на ступеняхъ шведскаго престола и на немъ самомъ. Потомъ былъ онъ въ короткихъ сношеніяхъ съ ученымъ и достопочтеннымъ библіофиломъ, графомъ Сухтеленемъ, о которомъ много говорилъ я въ первой части сихъ записокъ, и который находился тогда при этомъ дворѣ въ качествѣ не посланника, а чего-то болѣе. Тутъ познакомился онъ и сблизился съ знаменитою Сталь, которая, бѣгая отъ Наполеона изъ государства въ государство, цѣлую зиму провела въ Швеціи. Чужой умъ пристаеъ только къ тѣмъ, кои сами имъ изобилуютъ; имъ только однимъ идетъ онъ въ прокъ. Обмѣнъ мыслей есть обширная торговля, въ которой непременно надобно быть капиталистомъ, чтобы сдѣлаться милліонеромъ, и въ этомъ смыслѣ я нашелъ что Блудовъ еще болѣе разбогатѣлъ. Онъ часто удивлялъ меня своимъ умомъ, а послѣ возвращенія

его изъ Швеціи и моего изъ Пензы, начиналъ онъ ужасать меня имъ.

Какъ пріятно мнѣ было видѣть его счастливымъ въ домашней жизни! Болѣе по слуху уже изобразилъ я Анну Андреевну; лично узнавъ ее, не могу здѣсь умолчать о ея почтенныхъ и любезныхъ свойствахъ. Природа одарила ее чувствами самыми нѣжными и кроткими: я не знавалъ женщины болѣе способной любить ближнихъ, любить не пылко, но искренно и постоянно. Около нея была атмосфера добра и благосклонности; разумѣется что тѣ, кои были ближе къ ней,—мужъ, дѣти и родственники, болѣе другихъ испытывали усладительное дѣйствіе оной; но и друзья и знакомые ихъ, вступая въ этотъ благорастворенный кругъ, подчинялись его пріятному вліанію.

Если сначала я нѣсколько завидовалъ Блудову какъ супругу, то отнюдь не какъ отцу. На рукахъ терпѣливой шведской дады (кормилицы) было маленькое созданіе, въ которомъ уже можно было угадывать умъ, затѣйливость, по прихотямъ, кои возрастали по мѣрѣ безпрестаннаго удовлетворенія ихъ. Отецъ въ полномъ смыслѣ боготворилъ дочь свою, а мнѣ дѣвочка казалась несносною. Могъ ли я думать тогда, что придетъ время, въ которое высокія чувства души, любезность ея, доброта и успѣхи въ свѣтѣ, будутъ радовать меня какъ роднаго, и повторяя слова Пушкина, что я буду гордиться ею какъ старая няня своею барышней.

Въ числѣ новыхъ знакомствъ не надлежало бы упоминать мнѣ о мимоходныхъ, о тѣхъ кои по себѣ не оставили никакихъ слѣдовъ. Но когда это весьма замѣчательныя лица, то какъ не помѣстить ихъ здѣсь? Не знаю почему, Четвертинскому такъ полюбилась Пенза, что покамѣстъ онъ все еще оставался въ ней. Когда я начиналъ собираться въ дорогу, желая мнѣ много добра, сказалъ онъ мнѣ, что знакомство съ его сестрой можетъ быть мнѣ полезно и по службѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ признался, что дружба ихъ до того охолодѣла что они болѣе не переписываются, и предложилъ мнѣ только письмо къ зятю своему, Димитрію Львовичу Нарышкину, который и введетъ меня въ гостиную, а можетъ-быть и въ кабинетъ жены своей.

Марья Антоновна жила тогда (и кажется въ послѣдній разъ) на дачѣ своей у Крестовскаго перевоза. Хотя домъ

былъ довольно просторенъ и красивъ, и передъ нимъ разстился къ рѣкѣ прекрасный цвѣтникъ, но это никакъ не походило на замокъ какой-нибудь Діаны де-Поатье. Дачу сію купила она у наслѣдниковъ Петра Ивановича Мелиссино, который, истративъ большія суммы на обушеніе и возвышеніе сего небольшого уголка, далъ ему названіе та folie.

Одичавъ въ провинціи, я не тотчасъ по пріѣздѣ рѣшился везти письмо къ Нарышкину. Хорошимъ приемомъ онъ ободрилъ меня. Онъ принадлежалъ къ небольшому остатку придворныхъ вельможъ прежняго времени; со всѣми былъ принужденно учтивъ, благороденъ сердцемъ и манерами, но такъ же, какъ почти всѣ они, роскошенъ, расточителенъ, приумъ и характеръ не весьма твердыхъ.

Попросивъ меня немного подождать, черезъ нѣсколько комнатъ пошелъ онъ самъ доложить обо мнѣ, и вскорѣ потомъ черезъ нихъ проводилъ меня въ храмъ красоты. Она была одна, приняла меня стоя, не посадила, а только по польскому или не знаю по какому другому обычаю протянула мнѣ руку, которую поцѣловалъ я. Наружный жаръ былъ умѣряемъ спущенными маркизами и прохладительнымъ вѣтеркомъ; среди благовонія цвѣтовъ и тысячи великолѣпныхъ бездѣлокъ, которыя начинали тогда входить въ моду, смотрѣть на совершенную красавицу было бы весьма приятно; я немного смѣшался, только не на долго. Она была женщина добрая и не спѣсивая, спрашивала меня о братѣ, о его семействѣ и житѣ, и наконецъ, пригласила меня, и довольно настоятельно, обѣдать у нея по воскреснымъ днямъ, когда бываетъ у нея много гостей и передъ окнами играетъ музыка, въ виду гуляющихъ на Крестовскомъ острову.

Въ первое воскресенье воспользовался я сдѣланнымъ мнѣ приглашеніемъ. Общество было отборное, съ хозяйкой свободно-почтительное. Она обошлась со мною весьма ласково и рекомендовала меня сестрѣ своей, княжнѣ Жанетѣ Четвертинской и Поляку Вшковскому, который, какъ послѣ узналъ я, былъ ея суженый. Наружность сей послѣдней мнѣ показалась бы непріятною, еслибъ она была со мною и повнимательнѣе: изъ нѣсколькихъ словъ Поляка, довольно пожилаго и незначащаго, не менѣе того весьма надменнаго, могъ я замѣтить, что онъ великій руссоненавистникъ. Двѣ воспитанницы или собесѣдницы, право не знаю,—одна дородная, свѣжая и пригшая Польшка Студилловская, другая молоденькая, то-

ленькая, хорошенькая Англичаночка, которую звали, просто, Салли, подошли ко мнѣ сами знакомиться, были откровенно любезны и сказали мнѣ, что во вниманіи къ пріязни моей съ братомъ, котораго Марья Антоновна никогда не переставала любить, желаетъ она, чтобы я сдѣлался у нея домашнимъ. Братья Нарышкины были извѣстные гастрономы: столъ и вина были чудесные.

Все это мнѣ очень полюбилось, и въ слѣдующее воскресенье явился я опять къ обѣду, хотя и зналъ уже, что на покровительство г-жи Нарышкиной надѣяться мнѣ нечего. Намъ съ братомъ ея въ Пензѣ еще не было извѣстно, что обстоятельства перемѣнились. Это ни мало не помѣшало бы мнѣ повторять мои посѣщенія, но наступилъ сентябрь, Нарышкины переехали въ городъ, и въ томъ же мѣсяцѣ Марья Антоновна на долго отправилась въ чужіе края. Послѣ десятилѣтій, встрѣтись съ ней за границей, возобновилъ я знакомство съ нею и часто видѣлся.

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Пензы, часто началъ посѣщать меня плутъ Магіёръ, который перессорился съ плѣнными наполеоновскими Французами. Онъ старался увѣрить меня, что втайнѣ никогда не переставалъ быть преданъ законнымъ государямъ своимъ, Бурбонамъ, и прочиталъ письмо или просьбу къ герцогу Ангулемскому, въ которомъ, объясняя что отецъ его (не упоминая въ какой должности) служилъ графу д'Артуа, отцу герцога, онъ, наследникъ вѣрности, желаетъ посвятить жизнь свою его высочеству. Когда совсѣмъ собрался я въ путь, вручилъ онъ мнѣ другое письмо къ Екатеринѣ Θεодоровнѣ Муравьевой, желая чтобы я отдалъ его лично, присоединивъ мои просьбы къ его моленіямъ о помощи, дабы могъ онъ освободиться отъ ссылки и возвратиться въ отечество. Я радъ бы былъ избавить Россію отъ всѣхъ иностранныхъ негодяевъ, и далъ ему слово исполнить его требованіе.

Дамы, къ которой адресовалъ онъ меня, я лично не зналъ. Я немного совѣстился быть ходатаемъ за мошенника и старался разжалобить ее: къ изумленію моему, она горячо принялась за это дѣло, и участіе мое въ немъ послужило мнѣ лучшею у нея рекомендаціей. Она оказала мнѣ много благосклонности и просила почитать себя у нея какъ дома.

Мужъ ея, Михаилъ Никитичъ, былъ примѣромъ всѣхъ добродѣтелей и послѣ Карамзина, въ прозѣ, лучшимъ у насъ

писателемъ своего времени. Онъ вмѣстѣ съ Лагарпомъ находился при воспитаніи императора Александра, платилъ дань своему вѣку и мечталъ о народной свободѣ: кроткую душу его возмущало слово тиранство. Свои правила передалъ онъ женѣ, и они сдѣлались наслѣдіемъ его семейства. Но втайнѣ она была исполнена гордости и тщеславія, а только по наружности заимствовала у мужа видъ смиренія. По мнѣнію ея, онъ не былъ достойнымъ образомъ награжденъ по воцареніи воспитанника своего за попеченія его объ немъ. . . . .

У нея было два сына, которые оба походили на отца душой и сердцемъ. Меньшой, малолѣтній, находился при ней; старшаго Никиту, офицера генеральнаго штаба, ожидала она съ нетерпѣніемъ изъ арміи. Всѣ радости, всѣ надежды ея сосредоточивались на немъ, и онъ былъ дѣйствительно того достоинъ. Къ несчастію, поручила она образованіе его сорванцу, якобинцу, Магіёру. Идеями, согласными съ ея образомъ мыслей, вкрался онъ въ ея довѣренность и заразилъ ими воображеніе отрока, но не могъ испортить его сердце.

Я сказалъ что она была богата; тогда пользовалась она только частію слѣдуемаго ей имущества. У нея живъ былъ еще отецъ, осмидесятилѣтній скупой старецъ, сенаторъ Федоръ Михайловичъ Колокольцовъ, баронъ по неволѣ. * Долго, очень долго голодъ опытнаго, умнаго и сердитаго старика увлекалъ въ сенатъ невнимательныхъ или несвѣдущихъ сочленовъ. Онъ уже слабѣлъ и вскорѣ потомъ умолкъ. Тогда домъ разбогатѣвшей его дочери сдѣлался однимъ изъ роскошнѣйшихъ и пріятнѣйшихъ въ столицѣ. Встрѣчая въ немъ почти всѣхъ моихъ знакомыхъ, сдѣлался я частымъ его посетителемъ. Чтò я послѣ въ немъ увидѣлъ, увидать и читателю, если записки сіи не прекратятся.

Въ домахъ Блудова и Муравьевой познакомился я съ двумя молодыми людьми, коихъ пріязню и благорасположеніемъ имѣю право гордиться. Я только что называлъ Димитрія Васильевича Дашкова, когда онъ пріѣхалъ съ Дмитріевымъ слу-

---

* Надѣясь на кредитъ зятя, въ коронацію Александра, Колокольцовъ изъявлялъ желаніе получить графское достоинство. Государь, улыбаясь, пожаловалъ его барономъ, и раздосадованный Колокольцовъ, даже въ официальныхъ бумагахъ, никогда не хотѣлъ употреблять сего титула.

жить въ Петербургѣ; нѣсколько разъ видѣлъ я его, кажется даже и разговаривалъ съ нимъ, но вообще онъ не спѣшилъ знакомиться. Онъ былъ въ лучшихъ годахъ жизни, высокъ ростомъ, имѣлъ черты правильныя и красивыя, видъ мужественный и скромный вмѣстѣ. Въ обществѣ казался онъ даже нѣсколько угрюмъ, смотрѣлъ задумчиво и разсѣянно, и рѣдко кому улыбался; за то улыбка его была пріятна какъ отъ скупой дорогой подарокъ; только въ пріятельскомъ кругу скупой дѣлался расточителемъ. Незнакомые почитали Дашкова холоднымъ и мрачнымъ: онъ весь былъ любовь и чувство; былъ чрезвычайно вспыльчивъ и нетерпѣливъ, но необычайная сила разсудка, коимъ одарила его природа, останавливала его въ предѣлахъ умѣренности. Эта вѣчная борьба съ самимъ собою, въ которой почти всегда оставался онъ побѣдителемъ, проявлялась и въ рѣчахъ его, затрудняла его выговоръ: онъ заикался. Когда же касался важнаго предмета, то говорилъ плавно, чисто, безостановочно: та же чистота была въ душѣ его, въ слогѣ и даже въ почеркѣ пера.

Онъ принадлежалъ къ древнему дворянскому роду, но не былъ богатъ. Когда онъ былъ еще мальчикомъ, Дмитриевъ замѣтилъ его литературныя способности и поощрялъ ихъ. Онъ служилъ въ иностранной коллегіи, когда Дмитриева сдѣлали министромъ юстиціи; привлеченный имъ, онъ перешелъ на другую стезю. На трехъ дорогахъ, по которымъ въ самой первой молодости повела его судьба, умѣлъ онъ отличиться. Упражняясь пристально въ дѣлахъ судебныхъ, въ минуты отдохновенія продолжалъ онъ предаваться любимымъ юношескимъ занятіямъ своимъ. Маленькая брошюра, подъ названіемъ: *О легчайшемъ способѣ отвѣчать на критики*, была праца, съ которою сей новый Давидъ вступилъ въ борьбу съ тогдашнимъ Голиафомъ, Шишковымъ. Я счелъ излишнимъ означить здѣсь первыя начала прекрасной полезной жизни, которой конецъ осужденъ я былъ оплакать. Я знавалъ людей, которые имѣли несчастье ненавидѣть Дашкова; презирать его никто не смѣлъ и не умѣлъ.

Двоюродный племянникъ покойнаго Муравьева, Константинъ Николаевичъ Батюшковъ, въ домѣ его вдовы былъ принятъ какъ сынъ родной. Подъ руководствомъ благодѣтельнаго дяди, съ малолѣтства посвятилъ онъ себя поэзіи. Но лишь только прошелъ первый слухъ о дальней опасности,

грозящей отечеству, бросилъ онъ лиру и схватилъ мечъ. Онъ вступилъ въ петербургскую милицію, и съ нею, будучи почти мальчикомъ, сражался въ 1807 году и былъ раненъ. Изъ военной службы его не выпустили и перевели офицеромъ въ гвардейскій егерскій полкъ; тутъ опять пошелъ онъ въ походъ противъ Шведовъ, опять дрался и опять былъ раненъ. Сложенія былъ онъ не крѣпкаго, здоровье и нервы его послѣ того разстроились; онъ долженъ былъ оставить службу. Когда силы возвратились къ нему, въ 1813 году посѣщилъ онъ къ знаменамъ отчизны и подъ ними вступилъ въ Парижъ. Потомъ опять принялся онъ пѣть стихи свои; я говорю пѣть, ибо они—музыка. Въ нихъ и въ его гармонической прозѣ видна вся душа его, чистая, благородная, то дѣтски веселая, то нѣжно унылая. Въ такія лѣта, когда разсудокъ еще не образовался, врожденный вкусъ уже указалъ ему на недостатки многихъ бездарныхъ нашихъ писателей, и когда другіе безотчетно поклонялись имъ, онъ въ забавныхъ стихахъ: *Видѣніе на берегахъ Леты*, позволилъ себѣ осмѣять ихъ. Ими почти никого не раздражилъ онъ: не то еслибы намъ грѣшнымъ! И вотъ привилегія добродушія: его насмѣшки получаютъ всегда просто названіе шутокъ.

Онъ давно уже былъ завербованъ въ Оленинское общество, о коемъ говорилъ я въ предыдущей части. Во время долгого отсутствія моего изъ Петербурга, согласіе въ образѣ мыслей сблизило его сперва съ Тургеневымъ, потомъ съ Дашковымъ и Блудовымъ. Составилась пріятная, безпритворная, холостая компанія, и вечернія бесѣды наши оживлялъ Батюшковъ веселымъ, незлобивымъ остроуміемъ своимъ. Мы недавно были знакомы, а его уже беспокоило затруднительное положеніе мое, и онъ помышлялъ о средствахъ меня изъ него вывести.

Послѣ смерти графа Строгонова, Оленинъ былъ назначенъ президентомъ академіи художествъ и директоромъ императорской публичной бібліотеки. Она помѣщена была въ прекрасномъ закругленномъ зданіи, построенномъ при Екатеринѣ на углу Невскаго проспекта и Садовой улицы, и на двѣ трети составлена была изъ завоеванной въ Варшавѣ бібліотеки графа Залуцкаго. Съ приобрѣтенными прежде и вновь приобрѣтаемыми твореніями, число книгъ было довольно значительно, но всѣ онѣ, неразобранныя, лежали горами. Завѣдывавшій Оленинъ составилъ новое положеніе и новый штатъ

для заведенія сего, и они были утверждены въ началѣ 1812 года; послѣ того книги кое-какъ приведены въ нѣкоторый порядокъ. Тутъ нужны были ученые, а новыя мѣста, раздѣленные на бібліотекарей и ихъ помощниковъ, Оленинъ роздалъ поэтамъ и приближеннымъ своимъ. Въ числѣ первыхъ, прежде его, находился одинъ человекъ, который бы могъ быть весьма полезенъ, братъ генерала графа Сухтеленa, Руфъ Корниловичъ, съ которымъ путешествовалъ я по Сибири. Но онъ устарѣлъ, безъ брата жить не могъ, и получивъ отпускъ, отправился къ нему въ Стокгольмъ; оттуда прислалъ онъ просьбу объ отставкѣ. Его-то мѣсто втайнѣ прочилъ мнѣ Батюшковъ, и для того желалъ познакомиться меня съ домомъ Олениныхъ. Симъ мѣстомъ могли быть удовлетворены скромныя желанія мои; хорошая квартира съ дровами, полторы тысячи рублей ассигнаціями жалованья и занятія по вкусу,—вотъ что, по тогдашнему мнѣнію моему, казалось достаточнымъ на цѣлую жизнь.

Хотя по извѣстности Батюшкова, его чрезвычайно и приглубляли у Олениныхъ, но онъ на одного себя не понадеялся, зная что есть существо, которое мало-по-малу овладало всѣмъ этимъ домомъ. Разъ прогуливаясь со мною вмѣстѣ, какъ будто не нарочно завелъ онъ меня къ другу своему, Гнѣдичу. Кривому Пилладу было мало одного Ореста, Крылова; тотъ никогда не отпирался отъ его дружбы, но никогда и не сознавался въ ней; легче было приобрести ее у пылкаго Батюшкова; тѣсная связь между ними сплетена была какъ изъ хитрости Украинца, такъ и изъ добросердечія и довѣрчивости Русскаго. Предупредивъ Гнѣдича о своихъ и моихъ намѣреніяхъ, онъ какъ будто нечаянно вспомнилъ о томъ, дабы у перваго посѣщенія отнять видъ презентаціи и просительности. Приемомъ остался я доволенъ; въ немъ было даже нѣчто пріятное. Черезъ нѣсколько дней Гнѣдичъ самъ зашелъ навѣстить меня и объявить, что дѣло можно почитать, какъ говорится, въ шляпѣ; что оно могло бы тотчасъ быть окончено, но что Сухтеленъ при отставкѣ требуетъ полнаго пенсіона и чина статскаго совѣтника, чего нельзя сдѣлать безъ государя, а онъ кромѣ самаважнѣйшихъ бумагъ не велѣлъ ничего присылать къ себѣ въ Вѣну, но вѣроятно скоро возвратится. Онъ сказалъ мнѣ, что Оленинъ самъ очень желаетъ познакомиться со мною, но что чрезвычайно озабоченъ по новой должности на него возложенной, и

свободныя минуты посвящаетъ семейству своему, живущему до зимы на дачѣ его, Пріютинѣ, въ двадцати верстахъ отъ Петербурга. И дѣйствительно, контрастъ между Сперанскимъ, столь примѣчательнымъ по необыкновенному уму своему и познаніямъ, и преемникомъ его Шишковымъ, который внѣ славянской лингвистики ничего не смыслилъ, былъ слишкомъ разителенъ, чтобы сей послѣдній могъ долго оставаться на его мѣстѣ государственнымъ секретаремъ. Онъ уволенъ, и исправленіе этой должности поручено было Оленину.

Живши посреди друзей русской литературы, я непримѣтнымъ образомъ съ нею ознакомился и сталъ болѣе заниматься ею. Все, что ни затѣвалъ я въ жизни, приходило мнѣ въ голову внезапно, неожиданно; разъ по утру сказалъ я самъ себѣ: дай попробую,—и принялся писать, что бы вы думали? историческій словарь великихъ мужей въ Россіи. Этотъ трудъ уже самъ по себѣ мнѣ былъ не подъ силу; но былъ еще другой, гораздо важнѣе, отрывать источники, копаться въ нихъ; сей послѣдній испугалъ меня, отнялъ у меня всю бодрость. А покажеть написалъ я нѣсколько статей и имѣлъ безстыдство показать ихъ Блудову. Его неистощимая снисходительность ко мнѣ ослѣпила ли его, или онъ нашель что для неопытнаго дѣйствительно не дурно, и надѣялся что современемъ могу набить я руку, только похвалилъ меня. Похвала изъ устъ такого строгаго судьи въ литературѣ чрезвычайно возбуждательна и.....и, какъ говорится, пошла писать. Судя по связямъ моимъ, хотя написалъ я немного строкъ и ни одной не напечаталъ, безграмотные начали подозрѣвать меня въ авторствѣ, и сѣдало мнѣ новое право на званіе бібліотекаря.

Наконецъ, въ ноябрѣ, Алексѣй Николаевичъ и Елизавета Марковна Оленины возвратились изъ Пріютина и открыли домъ свой. Я вступилъ въ него твердою ногой, упираясь на трехъ поэтовъ, на прежняго наставника моего Крылова, на Гнѣдича и на Батюшкова. Подобнаго дома трудно было бы сыскать тогда въ Петербургѣ, нынѣ невозможно, и я думаю услужить потомству изобразивъ его: начнемъ съ хозяина. Принадлежа по матери къ русской знати, будучи роднымъ племянникомъ князя Григорія Семеновича Волконскаго, Оленинъ получилъ аристократическое воспитаніе, выучень былъ иностраннымъ языкамъ, посылаемъ былъ за границу. Древность дворянскаго рода его и состояніе весьма достаточное

не дозволили бы однакоже ему, подобно знатнымъ, ожидать въ праздности награды и отличій, подобно имъ, быть знакому съ одною роскошью и любезностью гостивыхъ. Вѣроятно онъ это почувствовалъ, а можетъ-быть по врожденной склонности сталъ принадлежать къ наукамъ, приучать себя къ трудамъ; онъ прослужилъ дѣлать вѣкъ и приобрѣлъ много познаній, правда, весьма поверхностныхъ, но которыя въ его время и въ его кругу заставили видѣть въ немъ ученаго и дѣловаго человѣка. Его чрезмѣрно сокращенная особа была отменно мила; въ маленькомъ живчикѣ можно было найдти тонкій умъ, веселый нравъ и доброе сердце. Онъ не имѣлъ пороковъ, а нѣсколько слабостей, свѣтомъ извиняемыхъ и даже раздѣляемыхъ. Напримѣръ, никогда не измѣняя чести, былъ онъ, какъ всѣ служащіе въ Петербургѣ быть должны, искателемъ въ сильныхъ при дворѣ и чрезвычайно уступчивъ въ сношеніяхъ съ ними. Также, по пословицѣ, всегда гонялся онъ за всѣми зайцами вдругъ; но, не по пословицѣ, наступалъ ихъ: у котораго оторветъ лоскутъ уха, у котораго клочокъ шерсти, и сими трофеями любилъ онъ украшать не только кабинетъ свой, а отчасти и гостиную. Онъ имѣлъ притязанія на званіе литератора, артиста, археолога; даже тѣ люди, кои видѣли неосновательность сихъ претензій, любя его, всегда готовы были признавать ихъ правами. Самъ Александръ шутя прозвалъ его Tausendkünstler, тысячекусникомъ.

Его подруга, исключая роста, была во многомъ съ нимъ схожа. Эта умная женщина исполнена была доброжелательства ко всѣмъ; но въ изъявленіи его нѣкоторая преувеличенность заставляла иныхъ весьма несправедливо сомнѣваться въ его искренности. Она была дочь известнаго при Елизаветѣ и потомъ долго при Екатеринѣ Марка Федоровича Полторацкаго, основателя придворной капеллы пѣвчихъ и чрезвычайно многочисленнаго потомства. Характеръ имѣлъ также свою особую физиономію какъ и лицо, и единообразіе ея выпечатано было на всѣхъ дѣтяхъ его обоого пола; всѣ они склонны были, смотря по уму каждаго, къ пріятному или скучному балагурству: объ одномъ изъ нихъ, Константинѣ, гдѣ-то вскользь я упомянулъ. Склонность, о которой сейчасъ говорилъ я, и любовь къ общежитію, побѣждали въ Елизаветѣ Марковнѣ самыя тѣлесныя страданія, коимъ такъ часто была она подвержена. Часто, лежа на широкомъ дива-

нѣ, окруженная посѣтителями, видимо мучась, умѣла она улыбаться гостямъ. Я находилъ, что тутъ и мужская твердость воли и ангельское терпѣніе, которое дается однѣмъ только женщинамъ. Ей хотѣлось, чтобы всѣ у нея были веселы и довольны, и желаніе ея безпрестанно выполнялось. Нигдѣ нельзя было встрѣтить столько свободы, удовольствія и пристойности вмѣстѣ, ни въ одномъ семействѣ — такого добраго согласія, такой взаимной нѣжности, ни въ какихъ хозяевахъ — столь образованной привѣтливости. Всего примѣчательнѣе было искусное сочетаніе всѣхъ пріятностей европейской жизни съ простотой, съ обычаями русской старины. Гувернантки и наставники, Англичанки и Французы, дальнія родственницы, проживающія барышни, и нѣсколько подчиненныхъ, обратившихся въ домочадцевъ, наполняли домъ сей какъ Ноевъ ковчегъ, составляли въ немъ разнородное не менѣе того весьма согласное общество и давали ему видъ трогательной патріархальности. Я увѣренъ, что Крыловъ болѣе всѣхъ умѣлъ окрасить его въ русскій цвѣтъ. Замѣтно было, какъ пріятно умному и уже нѣсколько пожилому тогда холостяку давать было себя откармливать въ немъ и баловать. Посѣщаемый знатно и лучшимъ обществомъ петербургскимъ, домъ сей былъ уважаемъ: по моему, онъ могъ назваться образцовымъ, хотя имѣлъ и мало подражателей. Въ послѣдніе годы существованія старыхъ супруговъ, когда Россія такъ и вѣлась въ европеизмъ, онъ сдѣлался анахронизмомъ. Миръ праху вашему, чета неодоленная! Оставайтесь неразлучны въ другомъ мірѣ, какъ связаны были въ этомъ! Я иногда тоскую по васъ. Простите мнѣ, если безпристрастие и правдолюбіе мое вынудили меня коснуться нѣкоторыхъ несовершенствъ нераздѣльныхъ съ человѣческою слабостію. Тѣни, наведенныя мною на свѣтлую картину жизни вашей, я думаю, еще болѣе выказываютъ всѣ красоты ея.

Итакъ, зиму эту провелъ я довольно пріятнымъ образомъ, стараясь помаленьку забывать свое пензенское горе. Въ продолженіе сей зимы пришлось мнѣ сдѣлать небольшое путешествіе. Въ самомъ началѣ сихъ записокъ сказалъ я, что дѣдъ мой съ отцовской стороны заложилъ на пятьдесятъ лѣтъ все маленькое имущество свое, состоящее изъ двухъ мызъ въ Везенбергскомъ округѣ, въ Евскомъ кирхшпильѣ, съ такимъ условіемъ, чтобы залогодержатель, владѣя имъ, вмѣсто процентовъ пользовался доходами съ него. Отцу мо-

ему чрезвычайно хотѣлось, чтобы родовое имѣніе сіе возвращено было фамиліи его. Во исполненіе желанія его, для нея священнаго, мать моя, согласно съ условіемъ, за два года до истеченія срока предъявила эстляндскому губернскому правленію намѣреніе свое имѣніе выкупить. Срокъ приблизился, и она прислала мнѣ бумагу, уполномочивающую меня дѣйствовать отъ имени всего семейства съ нѣкоимъ Александромъ Никитинымъ, крѣпостнымъ человѣкомъ, прикащикомъ ея, проворнымъ, вѣрнымъ и рачительнымъ о барскихъ выгодахъ: такихъ нынѣ уже болѣе нѣтъ.

На другой день Богоявленія, мы выѣхали съ нимъ по рижскому тракту на наемныхъ извозчикахъ. На всемъ этомъ пути до самой границы, частному лицу и съ подорожной невозможно было имѣть почтовыхъ лошадей, развѣ платя двойные или тройные прогоны. Смотрители на станціяхъ и трактирщики все были одни Нѣмцы; первые прижимали пугающихъ, послѣдніе обирали ихъ. Внутри Россіи можно было еще иногда на плута прикрикнуть; тутъ было дѣло другое: народъ былъ хотя хищный, но гордый и самолюбивый, потому что умѣлъ пріобрѣсть покровителей въ почтовомъ департаментѣ. До Нарвы на всѣхъ станціяхъ выстроены уже были красивые, каменные дома для проезжающихъ, съ просторными, свѣтлыми и чистыми комнатами, довольно хорошо меблированными; окончательно и поспѣшно были они отдѣланы для проѣзда королевы прусской. На входъ въ нихъ, мнѣ безподорожному, давало право требованіе обѣда, ужина или чая; плата за входъ обходилась довольно дорого. Дома сіи называли шагами къ просвѣщенію; съ этимъ я согласенъ и желаю, чтобы по большей части такими шагами подвигались мы къ нему.

Прибывши въ Нарву, не знаю по чьему совѣту, остановился я въ маленькомъ предмѣстіи, Ивангородѣ, у трактирщика Юргенса. Оттуда отправилъ я Александра Никитина къ владѣющему имѣніемъ, изъ руки въ руки переходившимъ отставному полковнику Борису Владиміровичу Ребиндеру, возвѣстить о моемъ пріѣздѣ, и спросить гдѣ ему угодно будетъ назначить мѣсто для совѣщаній. Оставшись безъ него одинъ, и первый разъ въ жизни совсѣмъ безъ слуги, мнѣ было весьма невесело. Горе мое умножалъ дешевый, но уже слишкомъ умѣренный, столъ и хозяинъ, съ которымъ пришлось мнѣ жить почти въ одной комнатѣ, и который поло-

вину дня бывалъ пьянъ. Мрачный и молчаливый поутру, послѣ обѣда дѣлался онъ говорливъ и фамиліаренъ, дерзокъ и шутивъ, а вы знаете какъ несносны шутки Нѣмца-простолюдина! Въ совершенной скукѣ, не зная что дѣлать, пока бывало свѣтло, все бродилъ я пѣшкомъ. Осмотрѣвъ старый замокъ, Русскими по сію сторону Нарвы построенный, въ два дня разъ десять побывалъ въ самомъ городѣ, котораго тѣсныя улицы и древняя архитектура сначала были для меня любопытною новостью; наконецъ ходилъ къ расхваленному мнѣ водопаду, у котораго вокругъ него построенныя мельницы отнимаютъ всю поэзію. На третій день рано поутру, лишь успѣлъ я встать и одѣться, послышался мнѣ ужасный крикъ. Загорѣлось на чердакѣ, и я нашелъ работниковъ усиливающихся залить огонь. Пока они тушили пожаръ, возгорѣлась жестокая брань между Юргенсомъ и его толстою супругой. Онъ разсудилъ въ этотъ день напиться до свѣту: при видѣ опасности исполнился онъ ярости и страха, началъ упрекать жену въ небрежности, поносить ее; она ему отвѣчала, и кончилось тѣмъ что онъ прибилъ ее до крови. Въ негодованіи своемъ она сбѣжала внизъ, схватила дѣтей и опретью помчалась къ какому-то богатому родственнику Гросслуну, давъ клятву никогда не возвращаться.

Я готовъ былъ за нею послѣдовать: мнѣ приходилось уже не въ мочь, какъ вдругъ явился мой Никитинъ и привезъ приглашеніе г. Ребиндера посѣтить его мызу не подалеку отъ станціи Вайвары. Никитинъ поступилъ какъ настоящій дипломатъ: онъ успѣлъ увѣрить Ребиндера, что я очень высоко цѣню честь быть эстляндскимъ помѣщикомъ, и что въ Петербургѣ занялъ я семь тысячъ рублей серебромъ, дабы выкупную сумму внести всю сполна, тогда какъ присланныхъ матерью моею денегъ не было на то и четвертой доли.* Онъ изъявилъ также желаніе осмотрѣть имѣніе въ подробности, и самъ Ребиндеръ возилъ его по полямъ и рощамъ: вотъ отчего замедлилось его возвращеніе. Не полѣнись только русскій человекъ, онъ всегда проведетъ Нѣмца.

Я пріѣхалъ на готовое; мнѣ не оставалось солгать ни одного слова. Г. Ребиндеръ старался мнѣ доказать всѣ невы-

---

* Сумму, которую по письму и довѣренности моей матери долженъ былъ я получить въ Петербургѣ, мнѣ не дали и очень хорошо сдѣлали.

годы этого владѣнія. „Надобно самому тутъ жить, говорилъ онъ, — и заниматься экономіей, чтобы извлечь изъ него какую-нибудь пользу; правда, лѣсу много, но онъ здѣсь не по чемъ; мужики лѣнны, и составляется проектъ о ихъ освобожденіи: тогда дворяне лишатся половины своихъ доходовъ.“ Больше всего испугалъ онъ меня однимъ изъ условій закладной, мною незамѣченнымъ: сказано, что за детеріорацію (ущербъ) наслѣдники ничего не имѣютъ права взыскивать, а за всякую меліорацію (улучшеніе) должны платить; изъ одного этого могъ бы выйти процессъ. Я молчалъ, а послѣ какъ будто сталъ колебаться, и когда онъ мнѣ предложилъ семь тысячъ рублей серебромъ въ наличности, дабы временное владѣніе превратить въ вѣчное, я едва могъ скрыть свою радость: онъ могъ бы не дать мнѣ ни одной копейки. Я для пристойности сталъ торговаться, но онъ настоялъ на своемъ. По странности случая отрицательный мой актъ подписанъ нами, съ приложеніемъ печатей, ровно черезъ пятьдесятъ лѣтъ, изо дня въ день, послѣ закладной, 14 января 1815 года. *

Всего прожилъ я тутъ дня два, и мнѣ показалось весьма пріятно, особливо послѣ нарвскаго сраженія, коего былъ я только что зритель. Семейство было доброе, честное и образованное, — нѣмецкое семейство, какихъ нынѣ найдти только можно въ романахъ Августа Лафонтена. Сынъ г. Ребиндера, Борисъ Борисовичъ, человѣкъ уже въ лѣтахъ, находился въ отпуску и помогалъ отцу угощать пріѣзжающихъ. Онъ служилъ въ морскомъ министерствѣ и по женѣ своей, урожденной Брунь, былъ своякомъ морскаго министра, маркиза де-Траверсе. Тутъ была еще одна родственница, двадцатипятилѣтняя замужняя женщина, госпожа Гернетъ, которая обворожила меня. Полная, но стройная, имѣла она прекрасныя черты и блѣдно-здоровый цвѣтъ лица. Она знала одинъ только нѣмецкій языкъ: на немъ выражалась умно и красно, и

---

* Многогрѣшный чудакъ Коніевъ, который безпрестанно покупалъ и продавалъ маленькія имѣнія вокругъ Петербурга, и для того читалъ всѣ печатныя объявленія о продажахъ, встрѣясь со мною, воскликнулъ: „Помилуй, братецъ, что это ты сдѣлалъ? (тогда кто десятью годами былъ старѣе, позволялъ себѣ говорить ты.) Я прочелъ въ есглядской газетѣ, что ты уступилъ право называться фонъ-Илдукъ, фонъ-Куртна. Да знаешь ли что это не шутка: у нихъ кто фонъе, тотъ и знатнѣе.“

очаровательнымъ голосомъ своимъ его грубое нарѣчіе умѣла превращать въ небесную гармонию. Что, подумалъ я, еслибы наши красавицы захотѣли говорить по-русски! На обратномъ пути, разумѣется, не останавливался я у Юргенса; однакоже не оставилъ чтобы не освѣдомиться о его домашнихъ дѣлахъ, и узналъ что неумолимая супруга не покидаетъ своего убѣжища, а онъ продолжаетъ упиваться въ одиночествѣ. То же самое было мнѣ подтверждено, когда, три года спустя, случилось мнѣ опять проѣзжать Нарву. Отправивъ Александра Никитина въ Пензу съ вырученною мною суммой, весьма небольшую часть ея оставилъ я себѣ, и это помогло мнѣ въ этомъ году менѣе нуждаться.

Во время десятидневнаго отсутствія моего изъ Петербурга, разумѣется, никакой перемѣны въ немъ произойти не могло. Только я нашелъ, что приближеніе масленицы еще болѣе располагало всѣхъ къ веселостямъ. Въ этомъ шумѣ, кажется, забыли думать какъ о прошедшемъ, такъ и о будущемъ.

Беззаботное тогда петербургское общество ни мало не дивилось продолжительности нескончаемаго вѣнскаго конгресса. Повторяя чужія слова, онъ не идетъ, говорило оно, оттого что пляшетъ. Немногимъ, однакоже, привыкшимъ разсуждать, казалось странно, что дѣло повидимому рѣшенное торжествомъ Александра и паденіемъ Наполеона можетъ встрѣчать еще какія-либо препятствія. Франція одна могла бы почитать себя обиженною, но ея участь рѣшена; всѣ царственные изгнанники: испанскій и сардинскій короли, папа, давно уже воротились въ свои столицы; возстановлены дома, оранскій, гессенъ-кассельскій, брауншвейгскій: зачѣмъ же дѣло стало? Терялись въ догадкахъ и не могли совершенно проникнуть тайну, которая покрывала совѣщанія. Никто, можетъ-быть, съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ я, не ожидалъ окончанія сего конгресса вѣнскаго, который тогда назвалъ я вѣчнымъ: напередъ надобно было рѣшить судьбу Европы, чтобы потомъ рѣшить мою судьбу. Впрочемъ и я, среди всеобщаго пріятнаго усыпленія, менѣе чѣмъ бы въ другое время заботился о своей будущности. Скоро всѣхъ насъ ожидало пробужденіе произведенное ударомъ, которымъ на нѣкоторое время потрясена была вся Европа.

XII.

У Анны Андреевны Блудовой была меньшая единственная сестра, фрейлина, княжна Марья Андреевна Щербатова. Она по зимамъ жила вмѣстѣ съ нею, а лѣто и осень проводила въ Павловскомъ и въ Гатчинѣ у императрицы Маріи Теодоровны, которой особенною милостію она пользовалась. Дабы понять нижеписанное, надобно знать что она была нрава веселаго, но совѣтъ не живаго; столько флегмы ни въ комъ не случалось мнѣ находить. Одинъ вечеръ (это было 6 марта) провели мы очень весело у старшей сестры ея. Она довольно поздно воротилась изъ дворца отъ императрицы; входя, очень равнодушно она сказала намъ: „слышали ли вы, что Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы?“ Мы съ изумленіемъ посмотрѣли другъ на друга. „Успокойтесь, продолжала она:—не знали куда онъ дѣвался и были въ тревогѣ; но получили хорошее извѣстіе: онъ вышелъ на берегъ не подалеку отъ Фрежюса.“—„Ну, правда, невольно усмѣхаясь сказала Блудовъ,—добрыя вѣсти привезли вы намъ!“ Мы подивились, потолковали и разѣхались.

Въ слѣдующіе дни всѣ бросились на расхватъ читать газеты и ничего не находили въ нихъ ободрительнаго. Вѣчная война въ лицѣ Наполеона быстрыми шагами шла къ Парижу. Возвратившіеся изъ Россіи многочисленные старые солдаты его поступили опять въ полки, и новое правительство имѣло неосторожность послать ихъ къ нему навстрѣчу. Съ хвастливымъ краснорѣчіемъ, приспособленнымъ къ ихъ понятіямъ, сильно дѣйствующимъ на французское тщеславіе, были написаны объявленія его. Отъ башни до башни, говорилъ онъ, полетятъ его орлы до парижскаго собора; и онъ сдержалъ слово. Въ тотъ самый день, въ который могли бы мы праздновать взятіе Парижа 19 марта, вечеромъ у Оленина узналъ, что онъ, вступилъ въ него, и что Бурбоны бѣжали.

Неисповѣдимы пути избираемые Провидѣніемъ! Доселѣ всегда самихъ враговъ нашихъ превращало оно въ полезныя для насъ орудія. Во время конгресса старый обманщикъ Талейранъ успѣлъ составить союзъ между неблагодарнымъ Людовикомъ XVIII, властолюбивою Англіей, коей всею душой

сей послѣдній былъ преданъ, и недовѣрчивою Австріей, противъ того что называлъ завоевательнымъ духомъ Россіи: неизвѣстно съ какимъ намѣреніемъ онъ это дѣлалъ. Нѣтъ сомнѣнія, что о возникшихъ несогласіяхъ былъ тайно извѣщаемъ Наполеонъ. Неугомоннымъ, вертлявымъ Французамъ между тѣмъ успѣлъ уже надобѣсть ихъ благоразумный, важный и толстый король, съ своею подагрой и бархатными сапогами: онъ сдѣлался предметомъ ихъ безпрестанныхъ насмѣшекъ; въ то же время ихъ краснобаи въ камерахъ пользовались безнаказанно правомъ имъ даннымъ болтать съ дерзостію. Возможно ли было, чтобы Наполеонъ не пожелалъ воспользоваться видимою для него благопріятностію такихъ обстоятельствъ, чтобы душа Корсиканца не алкала мести, чтобы честолюбивѣйшій изъ смертныхъ не захотѣлъ ухватить вновь отъятое у него всемогущество? Онъ былъ не подъ стражей; напротивъ, онъ имѣлъ своихъ тѣлохранителей, однимъ словомъ, онъ все-таки царствовалъ; и не знаю, имѣли ли Англичане право остановить его, еслибы встрѣтили его на морѣ. Гигантскими замыслами и геніальнымъ исполненіемъ, конечно, стоялъ онъ выше всѣхъ предтечъ своихъ во всемірномъ величіи; но свѣтозарное его поприще было все выпачкано безстыднымъ вѣроломствомъ италіянскихъ кондоттиери среднихъ вѣковъ; ничего для него не было священнаго, никакая клятва для него не была обязательною. Слава его была безъ благородства. * Вольно же было, зная это, щеголять великодушіемъ, и послѣ рѣшительнаго, смертоноснаго удара, нанесеннаго революціи взятіемъ Парижа, къ истребленію ея, равно какъ и въ отношеніи къ нему, не принять самыхъ рѣшительныхъ мѣръ? Но, впрочемъ, все было къ лучшему.

Русскіе забывчивы, Нѣмцы злопамятны: имъ казалось, что только вчера спало съ нихъ тяжкое ярмо, и оно вновь гро-

---

* Не Юлій Кесарь и не Карлъ Великій были сначала его образцами, а Висконти, Галеасъ Сфорца, Скала, Медичи, Малатеста. Въ немъ ожили всѣ эти храбрые, хитрые и счастливые клятвенпреступники, которые задушили маленькія республики, неосторожно вручившія имъ власть надъ собою, и которыхъ исторія среднихъ вѣковъ запятнала прозваніемъ тирановъ. Кругъ дѣйствій ихъ былъ только тѣснѣе, но во всѣхъ нихъ можно видѣть микроскопическихъ Наполеоновъ.

зять имъ. Появленіе Наполеона произвело на нихъ впечатлѣніе гораздо сильнѣе чѣмъ на насъ, и между ними находился оборотительный Александръ, воинъ-миротворецъ, личный, главный непріятель Наполеона, настоящій его соперникъ, предметъ тайной зависти правительствъ, но тогда кумиръ всѣхъ народовъ. Его могучее, звучное, ласковое слово раздалось на конгрессѣ и всѣхъ ободрило, все примирило, все соединило. Внимая этому слову, всѣ народы европейскіе вдругъ поднялись какъ одинъ народъ. Ошибся въ своихъ расчетахъ нетерпѣливый Наполеонъ.

Важное это происшествіе потревожило и Россію; однако же, въ изъявленіяхъ безпокойства ея жителей видно было болѣе досады чѣмъ страха. Въ одной только Москвѣ, говорятъ, приостановились было съ новыми постройками, но не долго: дѣло весьма естественное, она болѣе другихъ была настрашена, а пуганая ворона, по пословицѣ, и куста боится. Въ Петербургѣ же, мнѣ пріятно было видѣть, лучшее общество заговорило однимъ языкомъ съ простымъ народомъ. Люди, разъ зазнавшись, уже не сомнѣваются въ успѣхѣ. Поступокъ Наполеона въ глазахъ нашихъ былъ не что иное какъ возмущеніе противъ Александра. Грозный же повелитель народовъ, законодатель цѣлой Европы, ужасъ Россіи, который имя свое долженъ былъ дать столѣтію, въ которомъ жилъ, казался намъ отчаяннымъ пройдохой, которому нечего было терять, и который въ послѣдній разъ хочетъ испытать свое счастье. Сама Франція, сума переметная, въ мнѣніи нашемъ ниспала до состоянія слабой, вѣчно мятежной Польши, которую Россія столько разъ безъ труда унимала. Даже простой народъ полагалъ, что съ Бонапартомъ такъ же легко будетъ справляться, какъ съ Костюшкой (Косціюшко), и что казакъ на арканѣ вѣрно притащить его въ русскій станъ. Чтѣ дѣлать? Видно небу не угодно наше высокомеріе; тотъ самый, кто далъ намъ всѣ причины, даровалъ намъ всѣ права возгордиться, увъ! послѣ того всемирно трудился, чтобы сбавить у насъ спѣси.

Гвардія начала живо приготовляться къ походу, и съ открытіемъ весны выступила изъ Петербурга. Радость была написана на лицахъ офицеровъ, они надѣялись опять понаѣхаться въ Пале-Рояль, и когда ихъ спрашивали куда имъ велѣно идти, они очень просто отвѣчали: да куда же? въ Парижъ! Нашу новую столицу болѣе всего можно назвать

гвардейскимъ городомъ. Гвардія составляетъ значительную часть петербургскаго населенія; она родилась почти въ одно время и вмѣстѣ росла и расширялась: безъ нея онъ какъ будто сиротѣть; я нахожу даже, что безъ нея онъ на себя не похожъ. Это первый разъ могъ я замѣтить только въ 1815 году, ибо во время троекратной отлучки ея изъ Петербурга и меня въ немъ не было.

Какъ ни любопытны сдѣлались опять заграничныя извѣстія, какъ сильно ни возбуждалось всеобщее вниманіе происходящими во Франціи приготовлениями къ возгорающейся войнѣ, это никому не мѣшало заботиться о томъ какъ бы пріятнѣйшимъ образомъ провести наступающее лѣто. Блудовъ для маленькаго семейства своего нанялъ не весьма большую дачу; а какъ, за удобнымъ размѣщеніемъ этого семейства, все еще оставалась одна лишняя комната, то онъ предложилъ мнѣ занять ее, и такъ же, какъ въ 1811 году, раздѣлить съ нимъ лѣтніе веселые досуги.

То, что называлъ я дачей, былъ одинъ изъ двухъ деревянныхъ, продолговатыхъ, двухъэтажныхъ домовъ, которые на Крестовскомъ островѣ стоятъ близнецами, вблизи стараго, долговѣчнаго трактира и неподалеку отъ большаго перевоза съ Колтовской. Крестовскій островъ былъ нѣкогда уединеннѣйшимъ мѣстомъ въ окрестностяхъ Петербурга, далѣе всѣхъ другихъ острововъ выдвинутый во взморье; трехверстное его пространство со всѣхъ сторонъ окружено широкими протоками Невы и покрыто было дремучимъ, непроходимымъ лѣсомъ. Съ отдаленнѣйшими частями города имѣлъ онъ сообщеніе только посредствомъ лодокъ. Императрица Елизавета Петровна любила вездѣ ставить маленькіе дворцы: построенное тутъ при ней каменное зданіе имѣло форму Андреевскаго креста, да сверхъ того сдѣланы были крестообразно двѣ просѣки, одна вдоль, другая поперекъ острова. Увѣряютъ, что это дало ему названіе Крестовскаго, другіе утверждаютъ, что будто какой-то найденный на немъ деревянный крестъ: хорошенько никто не знаетъ. Императрица подарила это мѣсто любимцу своему графу Алексею Григорьевичу Разумовскому; отъ него перешло оно къ брату и наслѣднику его Кириллу Григорьевичу, у котораго вездѣ были дворцы и загородные дома. Крестовскій островъ былъ совсѣмъ заброшенъ, и при Павлѣ, когда въ Петербургѣ всякій сбывалъ собственность свою за ничто, былъ онъ

проданъ за девяносто тысячъ рублей ассигнаціями разчегливой княгинѣ Бѣлосельской, тогда какъ одного лѣса было въ немъ на полмилліона.

Когда въ началѣ царствованія своего, Александръ полюбилъ Каменный островъ и твердымъ мостомъ соединилъ его съ Крестовскимъ, тогда вся эта сторона ожила. Мужъ княгини Бѣлосельской, человекъ со вкусомъ образованнымъ, хотя довольно страннымъ, поселившись на островѣ, имъ принадлежащемъ, исправилъ и украсилъ домъ и развелъ возлѣ него садъ. Онъ поселилъ нѣсколько крестьянъ противъ Елагина острова, и уголь между Каменнымъ и Аптекарскимъ очистивъ отъ лѣса, построилъ на немъ увеселительныя приманки, качели и горы: и уже въ 1802 году Французъ Торси, во французскихъ стихахъ, воспѣлъ это мѣсто подъ именемъ Жюли Кантона. Лучшее общество сперва мало посѣщало еще сію прогулку; за то деревенька противъ Елагина съ нововыстроеннымъ трактиромъ сдѣлалась вожелѣннымъ мѣстомъ для Нѣмцевъ и особенно для молодыхъ Нѣмокъ; наканунѣ каждаго лѣтняго воскреснаго дня уже всѣ твердили онѣ про Крестовски. Тамъ, въ трактирной залѣ можно было найдти тогда то что на провинціальныхъ балахъ, а можетъ быть и на нѣкоторыхъ петербургскихъ, сдѣлалось нынѣ такъ обыкновенно,—табачный дымъ столбомъ и посреди его неутомимую пляску. Когда графъ Строгоновъ скончался, въ концѣ 1811 года, дача его покрылась трауромъ, звуки музыки умолкли на ней, открытое мѣсто на Крестовскомъ сдѣлалось средоточіемъ веселостей для всѣхъ окрестныхъ, знатныхъ и незнатныхъ, островитянъ, и княгиня Бѣлосельская, уже вдовствующая, всѣми признана за Lady des Isles. Вокругъ новаго гулянья построила она нѣсколько домовъ, и въ одномъ изъ нихъ, по милости Блудова, пришлось мнѣ провести это лѣто.

Житье мнѣ было славное: общество самое для меня пріятное, квартира, столъ, — все даромъ; только это продолжалось не долго. Супруга Блудова была вновь беременна, и не знаю почему, не хотѣла родить на дачѣ. Въ половинѣ іюля хозяева мои вдругъ переѣхали въ городъ, а я остался и изъ гостя превратился въ хозяина, только безъ хозяйства, ибо некогда и не для чего было мнѣ имъ заводитьсь. По близости отъ меня находился трактиръ, но въ цѣломъ Петербургѣ нигдѣ нельзя было найдти кушанья хуже и дороже.

Бѣдѣ этой помогли сосѣди, и я опять долженъ сдѣлаться портретистомъ.

Рядомъ съ нами, домъ совершенно нашему подобный занималъ одинъ прелюбезнѣйшій молодой человекъ: живши такъ сказать объ стѣну, какъ было не познакомиться съ нимъ? Въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ, графъ Михаилъ Юрьевичъ Вельгорскій былъ уже вдовъ; отецъ его, вельможный панъ при дворѣ Екатерины, имѣлъ уже знатный чинъ и былъ женатъ на богатой наслѣдницѣ, единственной дочери оберъ-гофмейстерины, графини Анны Алексѣевны Матюшкиной; отъ того-то сосѣдъ нашъ Вельгорскій по вѣрѣ и по сердцу принадлежалъ Россіи. При первой встрѣчѣ поразилъ меня магнетизмъ его глазъ. Съ лицомъ бѣлымъ и румянымъ, онъ только-что былъ не дурень собою, но необычайный блескъ его взоровъ, какъ бы разливаясь по чертамъ его, сдѣлалъ его почти красавцемъ. Двойное происхожденіе его, двойная природа образовали изъ него человека весьма примѣчательнаго. Въ немъ было пропасть ума, но съ недостатками обоихъ народовъ: польская живость всегда ослабляема была въ немъ лѣнностію, безпечностію совершенно русскими, неосмотрительностію польская умѣряема русскимъ здравомысліемъ; вся же эта смѣсь была прелесть. Какими талантами не надарила его природа? Конечно, они не безполезны были собственно ему, но они такого рода что могли бы еще съ большою пользою посвящены быть государству. Родись онъ безъ состоянія, безъ извѣстнаго имени, изъ него бы вышелъ славный министръ, или извѣстный писатель, или знаменитый композиторъ музыки. Чтò дѣлать! можно довольствоваться и тѣмъ что есть. Слабости его, пороки даже, милы; достоинства его внушаютъ къ нему общую любовь и уваженіе: ни непріязненнаго, ни обиднаго чувства никогда ни въ одномъ человѣкѣ онъ не возбуждалъ.

Разъ въ недѣлю обѣдали у него знакомые; по сосѣдству онъ и меня пригласилъ, и, разумѣется, я не отказался. Посѣтителю его были все люди степенные, довольно образованные, но совсѣмъ не любезные и не блистательные. Людьюми учеными или дѣловыми ихъ опять нельзя было назвать, хотя разговоръ ихъ былъ дѣльный, съ примѣсью, однакоже, нѣкоторыхъ изреченій, мнѣ вовсе непонятныхъ. Моложе изъ всѣхъ, графъ Вельгорскій хотѣлъ быть между ними какъ старшій между равными; это было невозможно: разстояніе

было слишкомъ велико, и я скорѣе видѣлъ въ немъ маленькаго нѣмецкаго владѣтельнаго князя, отменно снисходительнаго къ приближеннымъ своимъ подданнымъ. Мнѣ было совсѣмъ неловко среди сихъ людей, между собою чрезвычайно согласныхъ, и коихъ присутствіе мое какъ будто тяготило; еслибы не любезность хозяина и славный его обѣдъ, я бы прекратилъ свои посѣщенія. Къ повторенію ихъ побуждало меня и любопытство; загадка сія вскорѣ для меня разрѣшилась. Вѣльгорскій былъ главою одного тайнаго общества, до того безвреднаго, до того неопаснаго для государства, что въ послѣдствіи и я не убоялся принадлежать къ нему. Лишившись родителей своихъ въ ребячествѣ, онъ слишкомъ рано пользовался независимостію; къ сожалѣнію, никѣмъ не руководимый, его пылкій, испытующій умъ требовалъ пищи, и онъ попалъ на такую, которая для него была вовсе не подкрѣпительна.

На Каменномъ острову, съ Крестовскаго перейдя мостъ, былъ у меня другой обѣдъ. Не помню, сказалъ ли я гдѣ-нибудь, что у матери моей была сестра Елизавета Петровна, нѣсколькими годами ея старѣе, имѣніе которой, равно какъ и собственное, умѣлъ промотать въ уѣздномъ городѣ, Ломовѣ, мужъ ея, Сергѣй Семеновичъ. Во вдовствѣ и въ бѣдности, спокойно и весело доживала она вѣкъ у меньшей сестры, матери моей. Старшій сынъ ея былъ человѣкъ съ высокими притязаніями и низкими пороками, слѣдствіями дурнаго воспитанія и страсти къ забавамъ и роскоши. Счастіе долго улыбалось ему; онъ избранъ былъ опекуномъ груднаго ребенка, роднаго племянника и однофамильца жены своей, у котораго было болѣе пяти тысячъ душъ крестьянъ. Когда мальчикъ осиротѣлъ, у него не было ни одной копѣйки долга; когда же вступилъ въ совершеннолѣтіе, оказалось его до трехъ сотъ тысячъ рублей; изъ сего можно видѣть, какъ роскошно и расточительно жилъ сей попечитель. Супруга его была женщина предобрѣйшая: страсть ко всему французскому была единственно ея смѣшная, слабая сторона. Она обожала Лизаньку, дочь свою, которая была мила какъ ангелъ; но ее начинала она своими заблужденіями, съ помощію мамзелей сдѣлала ее сентиментальною, романческою, и когда маленькій мечтательница едва исполнилось шестнадцать лѣтъ, выдала

ее за миллионера, жирнаго, здороваго купца К—ва. Еслибъ она искала ея погибели, то лучше бы сдѣлать не могла.

Старикъ Иванъ Васильевичъ К—въ торговалъ долго, честно, неутомимо и счастливо, и дѣйствительно могъ почитаться Крезомъ. Но потомство его было безчисленное; этого не разочли мои родственники. Бѣдная Лизанька попала въ семейство, гдѣ ни она никого, ни ее никто не понималъ и, можетъ-быть, менѣе всѣхъ мужъ ея, Николай Ивановичъ, котораго смѣшило слово чувствительность. Жаловаться ни на что не могла она; никто не обижалъ ее, всѣ тѣшили, дарили бархатами и камками, жемчугами и алмазами, кормили на убой. А она все скучала, ныла, сердце ея еще не знало любви, но въ головѣ у нея былъ идеалъ, который всякій скорѣе могъ осуществить чѣмъ мужъ ея. Свекору ея на Каменномъ острову принадлежала земля, которую обстроилъ онъ, когда царь въ первый разъ поселился тутъ на лѣто. Александръ весьма искусно умѣлъ соединять величiе съ простотой. Онъ не посѣщалъ первыхъ вельможъ своихъ, оставляя между ними и собою почетное пространство, которое никто не смѣлъ перешагнуть. За то охотно заѣзжалъ онъ иногда къ нѣкоторымъ купцамъ; разстоянiе было слѣшкомъ велико, чтобы мысль о какомъ-либо равенствѣ могла придти имъ въ голову. Почитая себя каменноостровскимъ помѣщикомъ, онъ видѣлъ въ К—вѣ фермера своего, у котораго старшiй сынъ женатъ былъ на красивой Англичанкѣ. Иногда приходило государю въ голову послать къ К—ву сказать, что онъ будетъ къ нему запросто обѣдать: слуги не входили въ столовую, государь сидѣлъ съ однѣми женщинами, женой, невѣстками и дочерьми хозяина, который стоялъ за его стуломъ, а зятя и сыновья подавали кушанья и перемѣняли тарелки. Эта простота нравилась царю, и онъ дѣлался веселъ и любезенъ.

По причинѣ этого дальняго родства, лѣтъ пять уже какъ узналъ я К—выхъ и ихъ богатое житье, но видѣлъ ихъ очень рѣдко, потому что мнѣ казалось у нихъ скучно, и жили они далеко отъ середины города, въ огромномъ домѣ у Тучкова моста. Старикъ возсѣдалъ съ женой всегда на первомъ мѣстѣ за длиннымъ столомъ, по бокамъ коего два поколѣнiя, отъ него происшедшiя, перемѣшаны были съ гостями, между коими находились и довольно чиновные. Съ

дворянскими понятіями моими, или пожалуй предрасудками я находилъ, что купцу не долѣетъ такъ высоко держать себя забывая что богатство, а еще болѣе царскія поствщенія во всякія лѣта могутъ кружить головы. Старикъ былъ не говорливъ и слишкомъ невнимателенъ къ гостямъ своимъ; онъ, былъ правъ: ихъ привлекали къ нему его жирныя обѣды. Отъ трехъ жень сколько имѣлъ онъ дѣтей обоего пола? Этого перечестъ не могъ бы я и въ тогдашнее время; помню только, что между ними были сорокапятилѣтнія и пятилѣтнія. Желая пріятнымъ образомъ польстить ему, нѣкоторые изъ поствгителей называли его патриархомъ; мнѣ же напоминалъ онъ собою старинную оперу, Федулъ съ дѣтьми. Я понялъ положеніе моей кузины и душевно скорбѣлъ о ней, и когда всѣ другіе видѣли въ ней причудницу, я про себя называлъ ее обѣдною Лизой. Участіе прсчитанное ею въ глазахъ моихъ сдружило насъ. Хорошенькая эта женщина, съ нѣжными чувствами, съ умомъ и знаніемъ приличій могла бы украсить собою всякій аристократическій кругъ. Во время отсутствія моего изъ Петербурга, она съ каждымъ мѣсядемъ болѣе дичала, уединялась и наконецъ получила дозволеніе являться только по праздникамъ къ общему столу; она страдала нервическими припадками и обѣдала одна у себя въ комнатѣ. По возвращеніи моемъ, зимой, не могъ я съ нею часто видѣться; а тутъ, въ столь близкомъ сосѣдствѣ, по возможности старался я развлекать, развеселять ее; иногда въ томъ и успѣвалъ. Я съ собою вносилъ къ ней нѣкоторую отраду, и мы довольно часто обѣдали вдвоемъ, не видя противныхъ ей и мнѣ не совѣмъ пріятныхъ, широкихъ и раздутыхъ к—вскихъ лицъ. Въ это время, слава Богу, особенно между среднимъ состояніемъ, дальнее родство почиталось еще наравнѣ съ близкимъ; любовная связь между родными былъ бы непонятный грѣхъ, которому православные не захотѣли бы повѣрить, и потому-то наша пріязнь въ глазахъ самого Бога, какъ и въ глазахъ человѣковъ, не имѣла ничего предосудительнаго.

Предшествовавшей зимой познакомился я вновь съ Прасковьей Ивановной и Петромъ Васильевичемъ Мятлевыми. Родители, единственный братъ и обѣ сестры Прасковьи Ивановны одинъ за другимъ отошли въ вѣчность, и все Салтыковское имѣніе досталось ей по наслѣдству. Сдѣлать домъ свой почтеннымъ и веселымъ вмѣстѣ никто лучше ея не

умѣлъ. Страсть ея къ домашнимъ театральнымъ представленіямъ не уменьшилась съ лѣтами, и въ одной изъ длинныхъ залъ Салтыковскаго дома, на Большой Набережной, воздвигла она сцену, на которой въ эту зиму нѣсколько разъ играли французскія піесы. Я учтиво уклонился отъ участія въ сихъ представленіяхъ, но не могъ отказаться отъ другаго, нѣчто на то похожаго. У покойной фельдмаршалши Салтыковой была двоюродная сестра, Наталья Михайловна Строгонова, которую Мятлева уважала какъ родную тетку; и кто же не уважалъ эту святую женщину, примѣръ всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей? Надобно точно думать, что небо испытуетъ своихъ избранныхъ, насылая имъ смертельныя горести. Оставшись въ молодости вдовой, имѣла она одного только сына, барона Александра Сергѣевича, коего нѣжностію была она счастлива, коего жизнію она дышала. Онъ былъ весьма не глупъ, и добръ, и милъ, и умѣлъ хорошо воспользоваться даннымъ ему аристократическимъ тогдашнимъ воспитаніемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ былъ онъ весьма деликатнаго сложенія, чрезвычайно женоподобенъ, и отъ того въ обществѣ получилъ прозваніе барончика. Это еще идетъ къ первой молодости, но когда онъ достигъ тридцати лѣтъ и былъ гофмейстеромъ при дворѣ, то инымъ казался нѣсколько смѣшонъ. Грозная судьба, вскорѣ его постигая, заставила умолкнуть смѣющихся. Годъ отъ году сталъ онъ болѣе страдать и сохнуть: сперва лишился употребленія рукъ, потомъ ногъ, наконецъ и зрѣнія, и въ семь ужасномъ положеніи прожилъ нѣсколько лѣтъ. Всѣ родные по возможности старались облегчать ему тягость такого существованія. Когда наступилъ постъ и даже дома нельзя было играть на театрѣ, госпожа Мятлева изобрѣла для него новаго рода спектакль; зрѣлищемъ еще менѣе назвать можно то, что придумано было для слѣпаго. Вокругъ большаго стола сажались родные и знакомые, имѣя каждый передъ собою по экземпляру трагедіи или комедіи, которую въ тотъ вечеръ читать собирались: всякій старался голосу своему дать то выраженіе, которое требовала его роль; бѣднаго слѣпца это забавляло, онъ могъ почитать себя въ театрѣ. Я зналъ тогда хорошо одну только старую французскую классическую литературу, особенно драматическую ея часть, и любилъ о томъ потолковать: это побудило Мятлевыхъ предложить мнѣ доброе дѣло, быть въ числѣ сихъ

чтецовъ-актеровъ, и получивъ мое согласіе, поспѣшили предувѣдомить Строгоновыхъ о моемъ посѣщеніи.

Состраданіе къ безнадежному состоянію хозяина пріязненно расположило меня къ нему. Онъ былъ лѣтъ сорока пяти отъ роду, но весь сѣдой и казался семидесяти: странно было въ старуцѣ находить рѣчи и манеры молодой придворной женщины. Онъ много путешествовалъ, все помнилъ, и я находилъ разговоръ его и пріятнымъ, и занимательнымъ. Тогда свѣтскіе люди старались быть лишь вѣжливы, любезны, остроумны; не думали изумлять глубокомысліемъ, которое и въ малолюдныхъ собраніяхъ не совсѣмъ было терпимо. Съ запасомъ дерзости и отвлеченностей (абстракцій, какъ говорятъ нынѣшніе писатели), съ которыми нынѣ въ обществахъ являются и проповѣдуютъ часто невѣжды и глупцы, тогда нельзя было показываться. Строгоновъ находилъ, что у меня годось привлекательный, съ удовольствіемъ слушалъ меня, и эта маленькая лесть, а можетъ-быть искренняя похвала, понравилась мнѣ. Мы другъ друга полюбили.

Сіе семейство, изъ двухъ лицъ состоящее, переѣхало также на Крестовскій островъ въ небольшой павильонъ, построенный самимъ причудливымъ княземъ Александромъ Михайловичемъ Бѣлосельскимъ, братомъ Натальи Михайловны, котораго тогда уже на свѣтѣ не было. Это малое зданіе находилось и теперь находится на самомъ гуляньѣ, по берегу рѣки, и слѣдственно саженьяхъ во ста отъ нашего жительства. Сосѣдство людей хорошо расположенныхъ другъ къ другу еще болѣе сближаетъ въ чувствахъ. Не знаю какъ узнали они, мать и сынъ, что я лишившись Блудова, лишился и дневнаго пропитанія, и вслѣдствіе того предложили мнѣ не только всякій день обѣдать у нихъ, но когда почувствую лѣнь или болѣзнь, то присылать къ нимъ на кухню требовать что мнѣ угодно. Симв послѣднимъ предложеніемъ, весьма заманчивымъ, мнѣ ни разу не случилось воспользоваться.

Лѣтомъ петербургская знать разсыпается по окрестностямъ столицы. Многіе однакоже вблизи живущіе посѣщали этотъ домъ: чаще всѣхъ невѣстка баронессы Строгоновой, вдова Бѣлосельскаго княгиня Анна Григорьевна. Спѣсивое родство видѣло въ этомъ союзѣ неровный бракъ, мезаллиансъ, ибо на русскомъ языкѣ для того слово еще не существуетъ. А между тѣмъ предки отца ея, любимаго статсъ-секретаря Екатерины, умнѣйшаго и просвѣщеннѣйшаго че

ловѣка своего времени,—Козицкіе, руссо-украинскаго происхожденія, долго извѣстны были на Волыни своими богатыми владѣніями, и одна изъ нихъ, яже во святыхъ, Параскевія, была основательницею Почаевскаго монастыря. Но за то мать ея, тоже преумнѣвшая женщина, имѣла несчастіе наследовать милліоны дяди своего, купца Твердышева. Богатство родителей съ меньшою сестрой раздѣлила Бѣлосельская пополамъ. Встрѣчая меня часто, она не лично меня пригласила, а поручила баронессѣ объявить мнѣ, что въ назначенные дни, разъ въ недѣлю, могу я обѣдать у нея въ замкѣ. Такого рода приглашеніе столь же мало полюбилось мнѣ какъ и особа ея. Никакой пользы не видѣлъ я тогда въ этомъ знакомствѣ; она казалась мнѣ такъ скучна, такъ чванно пришепывала, что я было отказался, но почтенная старуха сказала мнѣ, что ей сдѣлаю тѣмъ удовольствіе. И какъ вассалъ у сюзереньши своей, и то не иначе какъ вмѣстѣ съ Строгоновыми, раза два обѣдалъ я у этой владѣтельной княгини. До конца августа, всего только недѣль шесть, оставался я одинъ на Крестовскомъ, и слѣдственно не долго пожилъ на чужой счетъ.

Осень разлучила меня съ моими обѣдодавцами; и не одна осень, а съ иными и смерть. Наканунѣ переѣзда моего въ городъ, обѣдалъ я у Бѣлосельской; въ послѣдній разъ сидя за столомъ, Строгоновъ смѣялся, былъ веселъ; къ вечеру, креслы его поставили на носилки, и слуги понесли его домой; одинъ изъ нихъ поскользнулся и упалъ. Отъ этого паденія расшибся и бѣдный слѣпецъ: потрясеніе его полуразрушеннаго состава было слишкомъ сильно, чтобъ онъ могъ его перенести; черезъ двѣ недѣли прекратились его земныя страданія; уповаю, что незлобіе его души и молитвы матери спасли его и отъ вѣчныхъ. Наслѣдникъ его, двоюродный братъ, Григорій Александровичъ Строгоновъ, представилъ его матери пожизненное владѣніе имѣніемъ его: она не долго пользовалась симъ благороднымъ поступкомъ племянника. Зимой раза три я посѣтилъ ее, и увидѣлъ какую твердость можетъ дать вѣра; печаль ея была тиха и спокойна, и даже въ глазахъ ея можно было прочесть надежду на скорое свиданіе: она не обманула ее, ибо не болѣе четырехъ мѣсяцевъ прожила она безъ сына. Къ Бѣлосельской я съ тѣхъ поръ ногой не ступалъ; она меня не узнавала, и при встрѣчѣ съ нею я не находилъ надобности кланяться ей.

Любезную мою К—ву мнѣ нельзя было покинуть, и хотя изрѣдка, но посѣщала уединеніе ея.

Иные могутъ подумать, что это дѣло ведя жизнь праздную хотя и не безпечную (ибо долженъ былъ пешичь о прокормленіи своемъ), я мало заботился о важномъ вопросѣ, разрѣшающемся на Западѣ, быть или не быть Наполеону? Напрасно, сей вопросъ весьма занималъ меня, но, признаюсь, по какому-то предчувствію мало беспокоилъ. Отрѣзанный отъ своего прошедшаго ссылкой на Эльбу, Наполеонъ казался другимъ человѣкомъ, даже въ самой Франціи. Очарованіе исчезло; сосудъ избранный Провидѣніемъ, ударившись о землю, расшибся; склеенный и подъятый вновь, онъ потерялъ большую часть цѣны своей въ глазахъ народовъ. Какъ утопающій хватается за сукъ, такъ онъ прибѣгнулъ къ орудію, употребленному противъ него вѣчными его противниками: онъ заговорилъ о свободѣ. Онъ созвалъ новыя камеры. Изъ глубины общества, изъ окровавленной грязи его, въ которую онъ умѣлъ его вдавить, показался опять якобинизмъ, во всемъ ужасномъ безобразіи своемъ, и всталъ между новыми законодателями. Казалось, что правительственная власть вся въ рукахъ ихъ, а онъ участвующій только въ ней, главный полководецъ. За то всѣ старые усахи всѣ старые брызги, гроньяры его, какъ онъ называлъ ихъ, съ восторгомъ собрались подъ вновь подъятымъ знаменемъ его, залогомъ для нихъ будущихъ побѣдъ; съ досадою косились они на жестокосердыхъ и неумолимыхъ болтуновъ которые многорѣчіемъ и часто пустословіемъ своимъ надѣялись уничтожить и замѣнить какъ права освященныя религіей и древностію, такъ и новѣйшія права, пріобрѣтенныя славою. Нельзя было не замѣтить обмана съ обѣихъ сторонъ; но расчетъ Наполеона былъ вѣрнѣе: побѣдивъ непріятелей, могъ онъ легко обратить оружіе на горсть непокорныхъ подданныхъ, ссадить ихъ, связать нескромные ихъ языки. А они что могли ожидать? Въ случаѣ новаго паденія Наполеона, и они неизбѣжно должны были убраться въ нечистыя норы свои. Но много ли есть Французовъ, которые размышляютъ о послѣдствіяхъ предпринимаемаго ими даже въ случаѣ успѣха? Двѣ трети изъ нихъ спѣшатъ воспользоваться настоящимъ: *courte mais bonne*, „на часъ, да въ скачъ.“ Первый, лучший изъ ихъ ораторовъ, Бенжаменъ Констанъ, тому обрадовался тогда, что можетъ развѣзжать въ каретѣ. Сими господами

составленъ наскоро такъ называемый дополнительный актъ, и сію конституцію торжественно принявъ бѣдный Наполеонъ на Майскомъ полѣ, гдѣ въ послѣдній разъ воспользовался онъ уроками наставника своего въ царскомъ величіи, актера Тальма.

Съ Майскаго поля, на которомъ былъ онъ какъ не свой, поспѣшилъ онъ на другое, ему столь знакомое, на которомъ наконецъ могъ онъ свободно вздохнуть. Среди шумнаго стана воспрянулъ опять упавшій духъ его, пробудился его геній, запылалъ прежнимъ огнемъ его всевидящій взглядъ. Но все это похоже было только на эпизодъ великой поэмы, писанной потоками крови человѣческой, распѣтой пушечными громами.

Едва успѣли мы узнать въ Петербургѣ о выступленіи его въ походъ, какъ получили извѣстіе о рѣшительномъ, окончательномъ его пораженіи. Въ одинъ іюньскій вечеръ пріѣхалъ къ Строгоновымъ посланникъ маленькаго возстановленнаго Сардинскаго королевства, графъ Іосифъ Местръ, еще болѣе папистъ чѣмъ легитимистъ, равносильно ненавидящій и безбожниковъ Французовъ и схизматиковъ Русскихъ. Объ немъ говорю я уже не въ первый разъ. Онъ вошелъ съ видомъ вдохновеннымъ, пророческимъ: помолчавъ съ минуту и вперивъ взоръ свой въ потолокъ, возвѣстилъ обществу что демонъ палъ, испровергнутъ, истребленъ и что два еретика, Веллингтонъ и Блюхеръ, были исполнителями неисповѣдимой небесной воли. Нѣкоторыя подробности не совсѣмъ точныя, не совсѣмъ ясныя, увѣрили насъ однакоже въ истинѣ имѣ объявляемаго. Онъ назвалъ только Бель Алліансъ, и въ семь имени уже увидѣли мы счастливое знаменованіе. Нѣсколько дней прошло, и міру прогремѣвшее имя Ватерлоо достигло и до слуха нашего. Оно заглушило названія Маренго, Аустерлица, Бородина и Лейпцига; они мало-по-малу слабѣютъ въ памяти человѣческой, когда оно послѣ тридцати лѣтъ все еще раздастся по вселенной. Если я позволю себѣ двѣнадцатый годъ сравнить съ Троянскою войною, то, конечно, его можно уподобить Фарзалу, и если не Гомеръ, то какой-нибудь Луканъ воспоетъ его. Увы! Русскіе не участвовали въ семь великомъ дѣлѣ; они изъ глубины своей едва поспѣли только къ концу вторичнаго завоеванія Франціи.

Движенія французской арміи бывають всегда чрезвычайно

быстры. Ретирадѣ учили ихъ Моро, но не выучили: послѣ неудачи, знаютъ они только побѣгъ. Какъ изъ-подъ Малоярославца, какъ изъ-подъ Лейпцига, такъ и тутъ, употребляя малороссійское выраженіе, они утекли. Не перевода духа, англійская и прусская арміи пустились за ними въ погоню до самаго Парижа и облегли его. Унялись ли, наконецъ, въ немъ крикуны? Ни мало; они пуще прежняго начали шумѣть: въ остающіеся имъ не дни, а часы, имъ хотѣлось навратъ. Ихъ бодрость въ палатахъ походила на сумасшествіе. Поцѣады имъ ждать было не отъ кого; Веллингтонъ былъ холоденъ какъ ледъ, и гусаръ Блюхеръ казался разъяреннымъ дикимъ звѣремъ, а въ дали какъ бури катили русская и австрійская арміи, но и безъ Александра, послѣ него, примѣръ его еще спасительно дѣйствовалъ. Отправляя къ союзнымъ монархамъ депутаціи съ нелѣпыми предложеніями, въ то же время, вмѣсто того чтобы участіемъ утѣшить ими же вызваннаго Наполеона, они упоjali его оскорбленіями. Сравненіе съ лежащими ослами въ умирающаго льва никому такъ не было прилично какъ имъ. Жалка и гадка была въ это время Франція!

Не замедлилось рѣшеніе участи ея: стодневное правленіе рушилось, и возвратились опять Бурбоны; въ судѣ царей рѣшенъ и жребій Наполеона, и въ ссылкѣ, и въ утробѣ земли величіе было суждено этому человѣку. Океанъ сдѣлался его темницей, Великобританія—стражемъ, цѣлый островъ — могилой его и памятникомъ. Малодушіе Французовъ, дважды развѣчавшее его, не оставляющее въ покоѣ ни живыхъ, ни мертвыхъ, для потѣхи своей, лишило его и сей великолѣпной гробницы. Изъ нея возставалъ онъ привидѣніемъ пловцамъ Англійи и минувшими бѣдами еще грозилъ ей самой; она уже натѣшилась его страданіями, прахъ его тяготилъ ее, и она охотно уступила его любезной своей, а еще болѣе покорной, союзницѣ.

Изнуренная длиннымъ и шибкимъ походомъ, русская армія такъ скоро успѣла выправиться, что подала Александру счастливую мысль пощеголять ея. Лагерь и маневры подѣ Вертю стоили выиграннаго сраженія: они равно изумили непріятелей и союзниковъ. Все хорошо на своемъ мѣстѣ, и такая мирная война разъ, два можетъ быть весьма полезна, но, наконецъ, безъ настоящей потеряетъ свое дѣйствіе. Я было и забылъ сказать, что и въ эту войну русское войско встрѣ-

тило дѣйствительное упражненіе подѣ стѣнами Метца, который довольно долго и упорно защищался. Въ сей осаду особенно отличился зять мой, Алексѣевъ, и доказательствомъ тому служить данный ему за то чинъ генераль-лейтенанта.

Въ день Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста, 14-го сентября, тайно подписанъ и въ послѣдствіи объявленъ былъ религіозный и политическій актъ, столь извѣстный подѣ именемъ Священнаго Союза.

Переговоры съ новымъ или, лучше сказать, съ возобновленнымъ французскимъ правительствомъ могли быть не иначе какъ продолжительны. Для собственнаго спасенія своего ему надлежало принять самыя тягостныя условія для націи. Не говоря уже о необязательной контрибуціи, которую наложили на нее, недавно еще столь гордая Франція подвергнута величайшимъ изъ униженій. Какъ бы малолѣтняя, или развратная, или ума лишенная, поставлена она подѣ опеку союза европейскіхъ государей и отдана подѣ карауль. Сто пятидесятитысячная армія, подѣ начальствомъ Веллингтона, должна была занять ея сѣверо-восточныя провинціи и всѣ крѣпости въ нихъ находящіяся, и на ея же иждивеніи должна была оставаться тутъ три года. Въ ней было четыре корпуса: австрійскій, русскій, англійскій, прусскій, да еще пятый составленный изъ воиновъ другихъ мелкихъ государствъ, въ каждомъ по тридцати тысячъ человекъ. Прославившійся въ послѣднюю войну графъ Воронцовъ назначенъ начальникомъ русскаго корпуса; новый генераль-лейтенантъ Алексѣевъ, по собственному выбору государя, — въ этотъ корпусъ начальникомъ кавалерійской дивизіи. Братъ мой Павелъ, полковникъ еще безъ полку, былъ очень радъ, что съ огромнымъ содержаніемъ сдѣлали его директоромъ корпусныхъ госпиталей. Итакъ, часть семейства моего, сестра, зять и братъ сдѣлались жителями Франціи, чего имъ прежде и во снѣ не грѣзилось.

Послѣ Наполеона Европа какъ будто Александру была приказана. Множество разнообразныхъ заботъ, распоряженій, всю осень удерживали его въ Парижѣ, и онъ только зимою могъ воротиться къ намъ.

XIII.

Въ это гремучее время, поэзія у насъ не умолкала: ея голосъ иногда громко раздавался, и воины, равно какъ и граждане, съ восторгомъ внимали ему. Жуковскій, Вяземскій, Батюшковъ, Шаховской и многіе другіе литераторы и стихотворцы вступили въ дружины и ополчились на враговъ отечества. Но только первый изъ нихъ, *пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ*, какъ они назвали его, и какъ самъ онъ называлъ прекрасное стихотвореніе свое, былъ счастливо вдохновенъ ужаснымъ и новымъ для него зрѣлищемъ.

Всѣ журналы гласили только о военныхъ или политическихъ происшествіяхъ. На сценѣ ничего не показывалось новаго кромѣ небольшихъ патріотическихъ піесъ, принаровленныхъ къ настоящимъ обстоятельствамъ. Изъ-подъ пера славнаго баснописца нашего, Крылова, выходили басни также къ сему предмету относящіяся. Въ одной изъ нихъ ворона попадаетъ къ Французамъ въ супъ, въ другой ловчій Кутузовъ говоритъ волку Наполеону: „ты сѣрь, а я братъ сѣдь, и волчью вашу я натуру знаю.“

Когда же, послѣ взятія Парижа, Александръ возвратился въ Петербургъ, тогда вся восхищенная имъ толпа поэтовъ, въ честь и хвалу его, возвысила свои искренніе, не купленные голоса, и Жуковскій посланіе свое къ нему начиналъ сими словами:

Когда летящіе отвсюду шумны кланки,
Въ одинъ сливаясь гласъ, къ тебѣ зовутъ великій...

Когда раздался всеобщій сей, неподобный, трогательный гимнъ, то въ немъ различить можно было и умирающіе звуки лиры Державина, и нѣжный, но уже сильный голосъ еще ребенка Пушкина, который посвятилъ ему первые плоды чуднаго своего таланта. Крыловъ нашелъ средство въ маленькой, премилой баснѣ, *Чижъ и Ежъ*, также воспѣть ему хвалу.

Пока продолжался вѣнскій конгрессъ, внутри Россіи такъ же, какъ и въ Петербургѣ, начали забывать и прошедшее горе и минувшую радость; всякій помаленьку сталъ приниматься за прежнее дѣло, и сочинители стали попрежнему пописывать и слегка перебраниваться.

Бесѣда открыла вновь свои торжественныя засѣданія, но

они становились все рѣже и совсѣмъ потеряли великое значеніе, которое имѣли до войны. Разъ вздумалось намъ съ Блудовымъ (помнится въ ноябрѣ 814 года) изъ любопытства отвѣдать ихъ препрославленной скуки и, можно сказать, были ею пресыщены. Ни забавнаго, веселаго и остроумнаго, ни глубокомысленнаго или ученаго ничего мы не слышали, а все что-то такое, о чемъ бы не стоило говорить. Не одною скукою были мы жестоко наказаны за сію не совсѣмъ благопріятную попытку. Блудовъ отослалъ домой карету и слугу; они еще не воротились когда окончилось чтеніе, свѣтъ началъ гаснуть въ залѣ и она скоро закрылась. Намъ пришлось оставаться въ передней между лакеями, ибо въ гостиную къ Державину, куда переселились чтецы и слушатели, одному незнакомому, а другому извѣстному противнику *Бесѣды* и *Шашкова*, явиться было неприлично. Мы предпочли въ однихъ фракахъ идти пѣшкомъ вдоль по Фонтанкѣ, при сильномъ холодномъ вѣтрѣ, и осыпаемые мелкимъ снѣгомъ. Скоро встрѣтилась намъ карета, мы сѣли въ нее и только согрѣвшись, нашли что случившееся съ нами довольно забавно. Въ послѣдствіи Блудовъ весьма искусно помѣстилъ сіе происшествіе въ одномъ шуточномъ произведеніи своемъ.

Во время продолжительнаго отсутствія моего изъ Петербурга произошла въ немъ перемѣна, несмотря на мой патріотизмъ, для меня весьма непріятная. Французскій театръ для холостыхъ, для молодыхъ людей, большой свѣтъ мало посѣщающихъ, былъ усладительнымъ препровожденіемъ времени. Въ 812 году, по мѣрѣ какъ французскія войска приближались къ Москвѣ, началъ онъ пустѣть и наконецъ всѣми брошенъ. Государь, который никогда не былъ охотникъ до театральныхъ зрѣлищъ, симъ воспользовался чтобы велѣть его закрыть и разчитаться съ актерами, которые почти всѣ одинъ за другимъ уѣхали черезъ Швецію. Публика лишилась плѣнительныхъ *Фились* и *Жоржъ*; сперва увидимому мало о томъ жалѣла, а наконецъ и совсѣмъ ихъ забыла. Для меня же безъ нихъ Петербургъ потерялъ болѣе половины своей прелести.

Нѣмецкій театръ замѣнить его не могъ. Онъ точно такъ же какъ до упраздненія французскаго, какъ и послѣ него, такъ же какъ и понынѣ существуетъ для особаго міра. Несмотря на предпочтеніе, данное въ послѣдствіи духу германской литературы передъ другими, даже Нѣмцы лучшаго тона никогда

не посѣщаютъ его. Онъ остался вечернею отрадой всего своекорыстнаго и трудящагося у насъ нѣмецкаго населенія. Пасторы, аптекари, профессоры и медики занимаютъ въ немъ кресла; семейства ихъ—ложивсѣхъ ярусовъ; булшники, портные, сапожники—партеръ; подмастерья ихъ, вѣроятно,—раекъ.

Итакъ, для общей забавы оставалась одна только русская труппа, и надобно признаться, она умѣла воспользоваться присутствіемъ французской, а еще болѣе отсутствіемъ ея. Русскій народъ переимчивъ: наши актеры, насмотрѣвшись на Французовъ, первыхъ актеровъ въ мірѣ, всѣми силами старались замѣнить ихъ, и начали прилежнѣе изучать всѣ тонкости художества своего, когда предстали передъ лучшею публикой. Созрѣвшій талантъ Семеновой изумлялъ и очаровывалъ даже тѣхъ, которые не понимали русскаго языка; до того черствые стихи Хвостова и другихъ въ устахъ ея дѣлались мягки и пріятны. Она заимствовала у Жоржъ поступь, голосъ и манеры, но такъ же какъ Жуковский, можно сказать, творила подражая. Въ комедіи и оперѣ показалось нѣсколько примѣчательныхъ молодыхъ артистовъ; но какъ они долго оставались на сценѣ, то надѣюсь найду случай въ другомъ мѣстѣ поговорить о нихъ.

Мода на трагедіи какъ будто прошла. Новыхъ комедій тоже что-то не было: сполчившемуся Шаховскому сперва не до того было; но онъ уже замышлялъ вступить въ новый бой, ему болѣе свойственный. А покамѣсть новымъ, маленькимъ твореніемъ потѣшилъ публику. Его *Казакъ Стихотворецъ* очень милый малый, и особенно примѣчательнѣе тѣмъ что первый выступилъ на сцену подъ настоящимъ именемъ водевиля. Отъ него потянулась эта нескончаемая цѣпь сухихъ легкихъ произведеній, которыхъ нынѣ по три и по четыре ежедневно появляется на сценѣ. Въ первые годы появленіе каждаго изъ нихъ было происшествіемъ для любителей театра. Оперы почти всѣ попрежнему были переводныя съ французскаго; опасаясь сравненія, преимущественно играли тѣ, кои гвардія вновь привезла съ собою изъ Парижа,—*Жана Парижскаго*, *Жоконда*,—именно тѣ въ коихъ зрители не видали Филисъ.

Въ 1815 году, откуда ни возмись, показался новый комикъ, который въ произведеніяхъ своихъ сдѣлался извѣстенъ не на одномъ драматическомъ поприщѣ. Мнѣ былъ онъ давно знакомъ, равно и тѣмъ, кои съ нѣкоторымъ вниманіемъ про-

чтутъ меня. Никто не подозрѣвалъ въ родственникѣ моемъ, Михаилѣ Николаевичѣ Загоскинѣ, тѣхъ рѣдкихъ способностей, которыя труды и время развили въ немъ, а я, можетъ-быть, менѣе чѣмъ кто другой. Отецъ его, почтенный чудакъ, исполненъ былъ религіознаго духа и любознательности, жилъ всегда въ деревнѣ и на ярмаркахъ запасался всякаго рода книгами, выходящими на русскомъ языкѣ: ихъ давалъ онъ читать сыновьямъ своимъ. У старшаго было чрезвычайно много живости въ крови и мыслей въ головѣ; къ тому же съ ребячества имѣлъ онъ любовь (которую назову я страстною) къ истинѣ и справедливости и какой-то свой особенный, но не менѣе того вѣрный и ясный взглядъ на людей и ихъ недостатки. Однимъ словомъ, въ немъ воображеніе сочеталось съ разсудкомъ, а изъ чего же составляется умъ? Проведя отрочество въ деревнѣ и первую молодость въ среднемъ тогдашнемъ кругу, его наблюдательности представились сперва самые низшіе слои общества. Онъ тѣмъ воспользовался, и я готовъ назвать его Крыловымъ въ прозѣ и романахъ. Но кипучесть его характера дѣлала его разсѣяннымъ и невнимательнымъ къ этой глазури свѣта, которую посредственность, а часто и ничтожество, такъ удачно наводитъ на себя умѣютъ. Какъ человекъ совершенно русскій, онъ любилъ подтрунивать; видя зло горячился, сердился, но никогда до ненависти, и въ сегодняшнемъ врагѣ такъ и хотѣлось ему видѣть завтрашняго друга. Я всегда любилъ его за его доброту и веселонравіе, но не имѣлъ довольно опытности чтобы умѣть достойнымъ образомъ оцѣнить качества его души и ума: въ глазахъ моихъ, всякій гостянный эмальный дуракъ стоялъ выше его. До 812 года оставался онъ мирнымъ канцелярскимъ чиновникомъ; казалось что онъ не имѣетъ ничего общаго съ военнымъ ремесломъ, какъ вдругъ любовь къ отчизнѣ вызвала его на поле брани; онъ вступилъ въ петербургское ополченіе и храбро дрался съ нимъ и подъ Полодкомъ и подъ Данцигомъ. По возвращеніи изъ похода, всегдашняя страсть его къ театру сблизила его съ Шаховскимъ; имъ ободряемый онъ рѣшился написать небольшую комедію *Проказникъ*, довольно плохую, но которая дала ему почувствовать что онъ въ состояніи творить лучше.

Весной того же года рѣшился, наконецъ, Жуковскій прѣхать въ Петербургъ на житье. Ему предшествовала вырос-

шая его знаменитость, и онъ особенно милостиво былъ принять у вдовствующей императрицы, которая любила въ немъ пѣвца обожаемаго ею, могущественнаго, препрославленнаго сына своего. Несмотря на новый образъ жизни, Петербургъ не могъ показаться ему чужбиной: нѣдра дружбы ожидали его въ немъ. Тургеневъ конфисковалъ его въ свою пользу и далъ ему у себя помѣщеніе.

Желая имъ похвастаться и имъ угостить, въ одинъ весенній вечеръ созвалъ онъ на него всѣхъ короткихъ знакомыхъ своихъ. Я рано придти не могъ: принадлежа къ Оленинскому обществу, я счелъ обязанностью въ этотъ день видѣть первое представленіе Расиновой *Ифигеніи въ Авлидѣ*, коей переводчикъ, Михаилъ Евстафьевичъ Лобановъ, былъ однимъ изъ приближенныхъ къ Алексѣю Николаевичу. Публика приняла трагедію хорошо; и какъ одинъ партеръ съ нѣкотораго времени имѣлъ право изъяслять народную волю (что шалунамъ и крикунамъ было весьма пріятно), то она не упускала случая симъ правомъ воспользоваться, и потому-то, вѣроятно, шумными возгласами вызвала переводчика. Ничтожество и самолюбіе были написаны на лицѣ этого бездарнаго человѣка; переводъ его былъ не совсѣмъ дурень, но Хвостовъ, я увѣренъ, сдѣлалъ бы его лучше, то-есть смѣшнѣе.

Съ Крыловымъ, съ Гнѣдичемъ и съ самимъ, вѣнчаннымъ свѣжими лаврами поѣтомъ, послѣ представленія, прямо изъ театра явились мы къ Тургеневу. Но, о горе! приходъ послѣдняго едва былъ замѣченъ. На Жуковскомъ сосредоточивались всѣ любопытные и почтительные взоры присутствовавшихъ: онъ былъ истиннымъ героемъ праздника. Въ помутившихся глазахъ и на блѣдныхъ щекахъ Лобанова выступила досада, которую развѣ одинъ я только замѣтилъ. Быстрый переходъ отъ торжества къ совершенному невниманію дѣйствительно жестокимъ образомъ долженъ былъ тронуть его самолюбіе. Вскорѣ послѣ того неудовольствіе свое вымѣстилъ онъ на мнѣ: осмѣивая пристрастіе мое къ французскому театру, въ какомъ-то стихотвореніи, необходимую, неопасную злость свою излилъ онъ слѣдующими стихами:

Не столько Телемакъ крушился объ Улиссѣ,
Какъ многіе у насъ крушились о Филисѣ.

На этомъ вечерѣ, въ кругу не весьма обширномъ, могъ я ближе разглядѣть одного молодого еще человѣка, котораго

дотолѣ встрѣчалъ въ однихъ только большихъ собраніяхъ. Щеголяя свѣтскою ловкостью, всякаго рода успѣхами и французскими стихами, Сергѣй Семеновичъ Уваровъ старался брать первенство передъ находящимися тутъ ровестниками своими, и его откровенное самодовольствіе нѣсколько смирялось только передъ остроуміемъ Блудова и исполненнымъ достоинства разговоромъ Дашкова.

Рано лишился Уваровъ отца своего. Въ родствѣ съ Куракиными да съ Голицыными; воспитанный на знатный манеръ какимъ-то ученымъ аббатомъ, онъ спозаранку исполнился аристократическаго духа. Признанный вельможею, любимецъ двухъ императоровъ, Павла и Александра, дальній родственникъ его, Феодоръ Петровичъ Уваровъ, дальній блескъ мало извѣстному дотолѣ его фамильному имени. Мальчикъ былъ отъ природы уменъ, отменно понятливъ въ наукахъ, чрезвычайно пригожъ собою, говорилъ и писалъ по-французски, въ прозѣ и въ стихахъ, какъ настоящій Французъ, всѣ хвалили его, дивились ему, и все это вскружило ему голову. Семнадцати лѣтъ не бояѣ попалъ онъ ко двору камеръ-юнкеромъ пятаго класса.

Но вдругъ и на него пришла невзгода. Мать его, желая обоимъ сыновьямъ своимъ, особенно старшему, доставить средства для поддержанія себя блистательнымъ образомъ въ свѣтѣ, за большіе проценты отдала все имѣніе свое подъ залогъ по казенному питейному откупу. Она умерла, откупщикъ сдѣлался несостоятеленъ, страшное взысканіе пало на имѣніе, и совершенное раззореніе угрожало Уварову. Но выгодная женитьба составила его fortuna. Вскорѣ послѣ совершенія брака, тестъ его, графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій, назначенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія. Онъ тотчасъ доставилъ ему, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, мѣста—попечителя санктпетербургскаго учебнаго округа и президента академіи наукъ, оставшіяся праздыми послѣудалившагося, преждевсемогущаго, Новосильцева. И ему было тогда только двадцать три года отъ роду.

Вступивъ въ храмъ учености, узналъ онъ, что одной французской литературы мало. Съ большими способностями и сильнымъ желаніемъ, приведенными въ движеніе, началъ успѣвать онъ въ наукахъ, даже усердно принялся за русскій языкъ. Многимъ членамъ Бесѣды онъ совѣмъ пришелся не по вкусу; нѣкоторые изъ нихъ, болѣе самостоятельные, позволяли себѣ

даже подсмѣиваться надъ нимъ. Прїѣздъ Жуковскаго не нравился большой части бесѣдчиковъ, что и подало Уварову мысль вступить съ нимъ въ наступательный и оборонительный союзъ противъ нихъ.

Онъ обманулъ въ своихъ расчетахъ: Жуковскій, такъ же какъ и Карамзинъ, чуждался всякой чернильной брани. Не менѣе того ошиблись въ Жуковскомъ и петербургскіе его естественные враги. Въ наружности его дѣйствительно не было ничего вселяющаго особое уваженіе или удивленіе; въ обхожденіи, въ рѣчахъ, былъ онъ скромнѣе и простѣе: ни чванства, ни педантства, ни витійства нельзя было найти въ нихъ. Оттого въ одно время успѣхамъ его завидовали, а особу его презирали. Оленинская партія не въ явь, но тайно также не благоволила къ нему. Тогда-то Шаховскому (и кому же иному) вздумалось однимъ ударомъ сокрушить сіе безобидное, по мнѣнію его, твореніе, его и всю знаменитость и всѣхъ друзей его.

Мы обыкновенно день именинъ Дашкова и Блудова, 21-го сентября, праздновали у сего послѣдняго; Крыловъ и Гнѣдичъ тутъ также находились за обѣдомъ. Афишка въ этотъ день возвѣщала первое представленіе 23-го числа новой комедіи Шаховскаго въ пяти дѣйствіяхъ и въ стихахъ, подъ названіемъ: *Липецкія Воды или Урокъ Кокеткамъ*. Для любителей литературы и театра извѣстіе важное: кто-то предложилъ заранѣе взять нѣсколько нумеровъ кресель рядомъ, чтобы раздѣлить удовольствіе общаемаго симъ представленіемъ; всѣ изъявили согласіе кромѣ двухъ Оленистовъ.

Настъ сидѣло шестеро въ третьемъ ряду кресель: Дашковъ, Тургеневъ, Блудовъ, Жуковскій, Жихаревъ и я. Теперь, когда я могу судить безъ тогдашнихъ предубѣжденій, я нахожу что новая комедія была произведеніе примѣчательное по искусству, съ какимъ авторъ побѣдилъ трудность, заставивъ свѣтскую женщину хорошо говорить по-русски, по вѣрности характеровъ въ ней изображенныхъ, по веселости, заманчивости, затѣйливости своей и, наконецъ, по многимъ хорошимъ стихамъ, которые въ ней встрѣчаются. Но лукавый дернулъ его, ни къ селу ни къ городу, вклеить въ нее одно дѣйствующее лицо, которое все дѣло перепортило. Въ повѣтъ Фіалкинъ, жалкомъ вздыхателѣ, всѣми пренебрегаемомъ, передъ всѣми согнутомъ, хотѣлъ онъ представить благородную скромность Жуковскаго; и дабы никто не обманулся насчетъ его намѣренія, Фіалкинъ твердитъ о своихъ балладахъ и про-

износить нѣсколько извѣстныхъ стиховъ прозваннаго нами въ шутку балладника. Это все равно что намалевать рожу и подписать подъ нею имя красавца; обманъ немедленно долженъ открыться, и я не понимаю какъ Шаховской не разчелъ этого. Можно вообразить себѣ положеніе бѣднаго Жуковского, на котораго обратилось нѣсколько нескромныхъ взоровъ! Можно себѣ представить удивленіе и гнѣвъъ вокругъ него сидящихъ друзей его! Перчатка была брошена; еще кипящіе молодостію Блудовъ и Дашковъ спѣшили поднять ее.

Это можно было почитать продолженіемъ литературной войны между Москвою и Петербургомъ, которой нѣкоторыя подробности описаны мною въ предшествующей части сихъ *Воспоминаній*, или лучше сказать возобновленіемъ ея, ибо во дни всеобщей борьбы европейскихъ народовъ сія пустая возня на время прекратилась. Она должна была возгорѣться съ новою силою, когда не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ прочности европейскаго мира.

Побѣда казалась на сторонѣ Шаховскаго; новая піеса его имѣла успѣхъ чрезвычайный, публика приняла ее съ шумнымъ, громогласнымъ одобреніемъ. Въ тотъ же вечеръ, какъ намъ сказывали, по сему случаю было большое празднество у петербургскаго гражданскаго губернатора Бакунина, коего супруга, сестра Павла Ивановича Кутузова, надѣла вѣнокъ на счастливаго автора. Крыловъ, съ которымъ на другой день я увидѣлся, сказалъ мнѣ съ коварною улыбкой: „какъ быть! les rieurs sont de son coté“ (насмѣшники на его сторонѣ.) Торжество Шаховскаго пуще раздражало насъ. Ахъ, юность, юность! Ну, право, какъ будто и смѣшно, и совѣстно за себя и за другихъ, когда вспомнишь, какъ всѣ эти пустяки почитали мы дѣломъ серіознымъ и важнымъ.

Для полученія наслѣдства Блудовъ когда-то ѣздилъ въ Оренбургскую губернію. Дорогой случилось ему остановиться въ Арзамасѣ; рядомъ съ комнатою, въ которой онъ ночевалъ, была другая, куда нѣсколько человекъ пришли отужинать, и ему послышалось, что они толкуютъ о литературѣ. Тотчасъ молодое воображеніе его создало изъ нихъ общество мирныхъ жителей, которые въ тихой, безвѣстной долѣ своей посвящаютъ вечера сужденіямъ о предметѣ, который тогда исключительно занималъ его. Воспоминаніе объ этомъ вечерѣ и о другомъ, проведенномъ со мною, подало ему мысль библейскимъ слогомъ написать нѣчто подъ названіемъ: *Ви-*

дня въ какой-то оградѣ. Арзамасскіе любители словесности, въ одно изъ своихъ вечернихъ собраній, слышать странный шорохъ въ сосѣдней комнатѣ; Шаховской въ магнетическомъ снѣ бродить по ней; они прислушиваются, а онъ рассказываетъ, какъ въ памятную намъ бурную ночь вздумалось ему остановиться передъ окошкомъ опустѣвшей залы дома Державина, и какія чудеса ему тамъ привидѣлись. Потомъ принимается онъ исповѣдывать всѣ тайныя, но всѣмъ извѣстные грѣхи свои. Писано было откровенно забавно, а для Шаховскаго съ товарищами довольно язвительно. Напечатать было невозможно, а рукописи всегда трудно разойдутся по рукамъ и получить общую извѣстность: главное было то чтобъ она дошла до Шаховскаго, и въ чашу радости его много подлила она горечи.

Дашковъ поступилъ еще лучше, то-есть смѣлѣе. За начинающимся недостаткомъ политическихъ происшествій, слѣдственно и извѣстій, въ *Сынъ Отечества* Гречъ начиналъ уже помѣщать литературныя статьи, но и ими журналъ сей не изобиловалъ. Вѣроятно, оттого-то согласился онъ напечатать въ немъ *Письмо къ новѣйшему Аристофану* Дашкова, притворяясь будто не знаетъ на чье лицо оно писано. А угадать было не трудно: самымъ пристойнымъ, почти учтивымъ образомъ авторъ письма, какъ палицей, такъ и билъ съ плеча въ Аристофана. Шумъ и великая тревога сдѣлались оттого въ непріятельскомъ станѣ.

Принимая въ этомъ дѣлѣ живѣйшее участіе, не менѣе того видѣлъ я и забавную его сторону. Съ родственникомъ моимъ Загоскинымъ, вѣрно преданнымъ Шаховскому, я не прерывалъ своихъ сношеній; мы часто посѣщали другъ друга. Я любилъ бѣсить его, позволяя себѣ нескромныя шутки и повторяя всѣ колкости, слышанныя мною въ кругу моихъ пріятелей насчетъ его патрона. Съ своей стороны и онъ не слишкомъ щадилъ сихъ послѣднихъ, и въ нетерпѣніи своемъ высказывалъ мнѣ злыя намѣренія нашихъ противниковъ. Такимъ образомъ пламя раздора все болѣе раздувалось, и съ обѣихъ сторонъ готовились къ новымъ битвамъ. Передавая все слышанное мною дружескому обществу нашему, я въ шутку самъ прозвалъ себя его шпиономъ или лазутчикомъ, а тамъ, въ сердито-веселомъ расположеніи духа, находя это названіе слишкомъ жесткимъ, перевели его на слово согла-

даты. Роль поджигателя была очень веселая, не совсѣмъ уваженія достойная, но какъ быть? дѣло отъ бездѣлья.

Новое нападеніе противной стороны, возбужденной мною посредствомъ Загоскина, ограничилось его комедіей *Урокъ волокитамъ*, въ трехъ дѣйствіяхъ и въ прозѣ. Она была не дурна, особливо какъ скороспѣлка. Въ ней, хотя не совсѣмъ остроумно, досталось всѣмъ, а болѣе всѣхъ мнѣ. Пожалуй, я могъ бы не узнать себя въ Фольгинѣ, большомъ вралѣ, вѣтrenomъ модникѣ, какимъ никогда я не бывалъ, еслибы нѣкоторыя изъ словъ и сужденій моихъ не были вложены въ уста его. Я зналъ чѣмъ отомстить человѣку, который, по всей справедливости, гордился едва ли не болѣе древностію рода своего чѣмъ новостію своей извѣстности. Я увѣрилъ его, что всѣ пріатели мои не хотятъ вѣрить его существованію, фамиліное имя его почитаютъ вымышленнымъ, однимъ словомъ, видятъ въ немъ псевдонимъ, подъ которымъ самъ Шаховской написалъ комедію.

Любопытно въ это время было видѣть Уварова. Онъ слегка былъ задѣтъ въ комедіи Шаховскаго и придрался къ тому, чтобъ изъяснять величайшее негодованіе. Мнѣ кажется, онъ болѣе радъ былъ случаю тѣснѣе соединиться съ новыми пріателями своими. Мысленно видѣлъ онъ уже себя предводителемъ дружины, въ которой были столь славные бойцы, и на челѣ его долженъ былъ сіять вѣнецъ, въ который какъ драгоценный алмазъ намѣренъ былъ онъ вставить Жуковскаго. Опытъ доказалъ ему, что онъ никакой подчиненности не можетъ ожидать отъ соратствующихъ: все равно, въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ онъ гораздо ихъ болѣе извѣстенъ, и въ глазахъ его можетъ показаться главою партіи. Разчеты его бывали часто невѣрны, но иногда и удачны и тогда помогали ему возвышаться то въ общемъ мнѣніи, то на поприщѣ службы. Друзья литературы поступили бы безразсудно, еслибъ отвергли помощь зятя министра просвѣщенія.

Въ одно утро нѣсколько человѣкъ получили циркулярное приглашеніе Уварова пожаловать къ нему на вечеръ 14-го октября. Въ ярко освѣщенной комнатѣ, гдѣ помѣщалась его бібліотека, нашли они длинный столъ, на которомъ стояла большая чернильница, лежали перья и бумага; онъ обставленъ былъ стульями и казался приготовленнымъ для открытія присутствія. Хозяинъ занялъ мѣсто предсѣдателя, и въ

краткой рѣчи, хорошо по-русски написанной, осуществляя мысль Блудова, предложили засѣдающимъ составить изъ себя небольшое общество *Арзамасскихъ безвѣстныхъ литераторовъ*. Изобрѣтательный геній Жуковского по части юмористической въ мигъ пробудился: однимъ взглядомъ увидѣлъ онъ длинный рядъ веселыхъ вечеровъ, нескончаемую нить умныхъ и пристойныхъ проказъ. Отъ узаконеній, новому обществу имъ предлагаемыхъ, всё помирали со смѣху; единогласно избранъ онъ секретаремъ его. Когда же дѣло дошло до президентства, Уваровъ позналъ какъ мало готовы къ покорности избранные имъ товарищи. При окончаніи каждаго засѣданія, жребій долженъ былъ рѣшать кому предсѣдательствовать въ слѣдующемъ; для нихъ не было даже назначено постоянного мѣста; у одного изъ членовъ попеременно другіе должны были собираться. Уварову не могло это нравиться, но съ большинствомъ спорить было трудно: онъ остался при мысли что время подчинить ему эту республику.

Все это знаю я только по слуху, ибо въ этомъ первомъ засѣданіи я не участвовалъ: Уваровъ забылъ или не хотѣлъ пригласить меня на него. Удивленные моимъ отсутствіемъ, всё другіе члены изъявили желаніе видѣть меня между собою. Тогда собралось насъ всего семь человекъ, которыхъ въ припадкахъ ослѣпленнаго дружелюбія и самолюбія сравнивалъ я съ семью мудрецами Греціи, а общество наше называлъ то плеядой, то семистольною цѣвницей. Всѣхъ выводилъ я на сцену передъ читателемъ, одинъ Жихаревъ оставался въ глубинѣ ея; теперь его очередь.

Изъ деревни привезенъ былъ онъ въ Московскій университетскій пансіонъ и оттуда воротился опять въ провинцію, гдѣ и оставался лѣтъ до восемнадцати. Онъ принялъ всё ея навыки; съ большимъ умомъ, съ большими способностями, въ кругу образованныхъ людей, онъ никогда не могъ отстать отъ нихъ. Наружность имѣлъ онъ азиатскую: оливковый цвѣтъ лица, черные какъ смоль кудрявые волосы, черные блистающіе глаза, но которые никогда не загорались ни гнѣвомъ, ни любовью, и выражали одно флегматическое спокойствіе. Онъ казался мраченъ, угрюмъ, а не знаю бывалъ ли онъ когда сердитъ или чрезвычайно веселъ. Образъ жизни тогдашнихъ петербургскихъ гражданскихъ дѣльцовъ имѣлъ великое сходство съ тѣмъ который вели дворяне внутри Россіи. Тѣхъ и другихъ могъ совершенно развесе-

лечь одинъ только шумный пиръ, жирный обѣдъ и безпрестанно опоражниваемая бутылки. Покинутую родину въ Петербургѣ обрелъ нашъ Жихаревъ у откупщиковъ, у обер-секретарей. Потомъ свелъ онъ дружбу съ Шаховскимъ и русскими актерами, что и вовлекло его въ литературу и даже въ Бесѣду, куда былъ принятъ онъ сотрудникомъ. Онъ принялся за трудъ, перевелъ трагедію *Атрей*, комедію *Розовый Чортъ*, написалъ какую-то поэму, *Барды*: все это ниже посредственности. Безвкусіе было главнымъ недостаткомъ его въ словесности, въ обществѣ, въ домашней жизни. У него былъ живъ еще отецъ, человекъ достаточный, но обремененный долгами; онъ поступалъ съ нимъ какъ почти всѣ тогдашніе отцы, которые къ дѣтямъ не слишкомъ были чивы и требовали, можетъ-быть весьма справедливо, чтобы сынки сами умѣли наживать копѣйку. А Жихаревъ любилъ погулять, поѣсть, попить и самъ поподчивать: это заставило его войти въ долги и прибѣгать къ разнымъ изворотамъ (*expédients* какъ называютъ ихъ Франдузы). Дурныя привычки по нуждѣ въ молодости принятыя, къ сожалѣнію иногда отзываются и въ старости. Богъ вѣсть какъ припелся онъ къ моимъ знакомымъ, вѣроятно черезъ Дашкова, съ которымъ учился; только въ 1814 году нашелъ я его уже водвореннымъ между ними. Я не встрѣчалъ человека болѣе готоваго на послуги, на одолженія: это похвальное свойство и оригинальность довольно забавная сблизили его со мною и съ другими.

Арзамасское общество, или просто *Арзамасъ*, какъ называли мы его сперва, собиралось каждую недѣлю весьма исправно, по четвергамъ, у одного изъ двухъ женатыхъ членовъ—Блудова или Уварова. Съ каждымъ засѣданіемъ становилось оно веселѣе; за каждую шуткой слѣдовали новыя, на каждое острое слово отвѣчало другое. Съ какою цѣлю составилось это общество, теперь бы этого не поняли. Оно составилось невзначай, съ тѣмъ чтобы проводить время пріятнымъ образомъ и про себя смѣяться глупостямъ человеческимъ. Не совсѣмъ прошелъ еще вѣкъ, въ которой молодые люди, какъ умные дѣти, отъ души умѣли смѣяться, но конецъ его уже близился.

Благодаря неистощимымъ затѣямъ Жуковского, *Арзамасъ* сдѣлался пародіей въ одно время и ученыхъ академій, и ма-сонскихъ ложъ, и тайныхъ политическихъ обществъ. Такъ же, какъ въ первыхъ, каждый членъ при вступленіи обязанъ

былъ произнести похвальное слово покойному своему пред-
мѣстнику: таковыхъ на первый случай не было и положено
брать ихъ на прокатъ изъ Бесѣды. Самимъ основателямъ об-
щества нечего было вступать въ него; все равно, каждый изъ
нихъ въ свою очередь долженъ былъ играть роль вступаю-
щаго, и рѣчь президента всякій разъ должна была встрѣчать
его похвалами. Какъ въ послѣднихъ, странныя испытанія
(впрочемъ не соблюденныя) и клятвенное обѣщаніе въ вѣр-
ности обществу и сохраненіи тайнъ его предшествовали при-
нятію каждаго новаго Арзамасца. Все отвѣчало одно другому.

Вечеръ начинался обыкновенно прочтеніемъ протокола
послѣдняго засѣданія, составленнаго секретаремъ Жуков-
скимъ, что уже сильно располагало всѣхъ къ гиларитету,
если позволено такъ сказать. Онъ оканчивался вкуснымъ
ужиномъ, который также находилъ мѣсто въ слѣдующемъ
протоколѣ. Кому въ Россіи не извѣстна слава гусей ар-
замаскихъ: эту славу захотѣлъ Жуковскій присвоить обще-
ству, именемъ ихъ родины названному. Онъ требовалъ что-
бы за каждымъ ужиномъ подаваемъ былъ жареный гусь, и
его изображеніемъ хотѣлъ украсить гербъ общества.

Все шло у насъ не на обыкновенный ладъ. Дабы болѣе
отдѣлиться отъ свѣта, отреклись мы между собою отъ именъ,
которые въ немъ носили, и заимствовали новыя названія
у балладъ Жуковскаго. Такимъ образомъ наречень я Иви-
ковымъ Журавлемъ, Уварова окрестили Старушкой, Блудова
назвали Кассандрой, Жуковскаго Свѣтланой, Дашкову дали
названіе Чу, Тургеневу Эоловой Арфы и Жихареву Громобоя.

Ни государь, ни Елизавета Алексѣевна въ это время не
воротились еще изъ-за границы, а дворъ со вдовствующею
императрицею оставался въ Гатчинѣ. Что удивительнаго
если въ Петербургѣ дѣятельно занимались тогда всякимъ
вздоромъ. Глухо разнеслась въ немъ вѣсть о существованіи
какого-то во мракѣ возникшаго общества. Бесѣда первая
догадалась, что оно оживлено не совсѣмъ пріязненнымъ къ
ней духомъ; въ ней предполагали, что тайно готовятся на
нее сильныя нападенія: кто скрывается тотъ долженъ имѣть
дурный умыселъ, и словесники готовы были приписывать
намъ заговоръ противъ правительства. А впрочемъ кому
же придетъ въ голову, что порядочные люди собираются
еженедѣльно единственно за тѣмъ, чтобъ умно подурачить-
ся. Еслибы нѣкоторые изъ членовъ Бесѣды, изъ тѣхъ кото-

рые были поумнѣе, могли подслушать насъ, то вѣрно были бы успокоены и обезоружены. Правда, въ похвальныхъ имъ рѣчахъ дарованія ихъ не слишкомъ высоко оцѣнивались, притязанія ихъ на авторство были осмѣяны, но личности противъ нихъ никто себѣ не позволялъ. Они бы узнали, что устранивъ всякое педантство, Арзамасцы между собою не чинились и часто позволяли себѣ даже трунить одинъ надъ другимъ.

Не менѣе Бесѣды взволновано было Оленинское общество: Арзамасъ казался ему загадкой, которой тайну я не смѣшилъ открыть ему. Изъ словъ и обхожденія Крылова и Гнѣдича могъ я замѣтить, что они чуждаются падшихъ и не дерзнуть возстать на торжествующихъ. Вся эта истинно комическая исторія, ибо комедія Шаховскаго была началомъ ея, должна была имѣть вліяніе на судьбу мою. Въ домѣ у Олениныхъ Жуковскій былъ принятъ съ усиленною лаской; со мною какъ будто ни въ чемъ не бывало; несмотря на то, я могъ ясно видѣть что недавнія связи совершенно разорваны, а все изъ чего? Батюшковъ могъ бы вразумить этихъ людей, но его тогда въ Петербургѣ не было; онъ лѣтомъ уѣхалъ въ армію и оттуда еще не возвращаясь. По приѣздѣ онъ вѣрно бы бросился въ отверзтыя ему объятія *Арзамаса*, который и по заочности избралъ его своимъ членомъ подъ именемъ Ахилла. Случилось то чего ожидать надлежало: старикъ Сухтеленъ, по желанію, уволенъ съ чиномъ и пенсіономъ, а на его мѣсто въ бібліотеку опредѣленъ нѣкто Аткинсонъ, одинъ изъ домохозяевъ оленинскихъ, сынъ англійской няньки, воспитывавшей у нихъ дѣтей.

Идя отъ неудачи къ неудачѣ, я какъ будто привыкъ къ нимъ и какъ Панглось готовъ былъ сказать, что все къ лучшему. Но пріятели мои сильно вознегодовали: имъ хотѣлось приклеить меня къ какому-нибудь вѣдомству, дабы оттуда вѣрнѣе могъ я попасть на стезю настоящей службы. Не говоря мнѣ ни слова, поставили на ноги Жихарева, который имѣлъ связи во всѣхъ правительственныхъ мѣстахъ, канцеляріяхъ, департаментахъ. Также, не предупредивъ меня, переговаривалъ онъ обо мнѣ съ Дружининымъ, директоромъ канцеляріи министра финансовъ, и въ одинъ разъ привезъ мнѣ и опредѣленіе, подписанное министромъ о причисленіи меня вновь къ канцеляріи его и о томъ мою просьбу, которую заднимъ числомъ заставилъ подписать меня. Это опредѣленіе было тѣмъ особенно для меня выгодно, что въ

немъ сказано, будто, по окончаніи занятій моихъ въ пензенскомъ комитетѣ, возвратился я къ прежнему мѣсту служенія. Итакъ, два года съ половиною, проведенные мною въ праздности, зачтены мнѣ въ службу, тогда какъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, по милости Сперанскаго, почитался я два года въ отставкѣ, когда часто являлся на службу. Въ судьбѣ людей такимъ образомъ иногда встрѣчаются вознагражденія.

Меня причислили къ неизбѣжному для меня третьему отдѣленію, по кредитной части, и я не весьма охотно въ него явился. Послѣ Рибопьера имъ управлялъ графъ Ламбертъ, бывший секретаремъ посольства, отправленнаго въ Китай, читателю извѣстный. Онъ удивилъ меня своимъ приѣмомъ: то же едва замѣтное наклоненіе головы, ту же сухость и важность въ манерахъ нашель я; только слова его исполнены были вѣжливости и доброжелательства. Онъ сказалъ мнѣ, что благодаритъ случай, который свелъ его съ прежнимъ сослуживцемъ, и надѣется, что мы не скоро разстанемся. вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ мнѣ, что слѣдующею весной имѣеть въ виду другое назначеніе, котораго пока открыть мнѣ не можетъ, но что въ предполагаемомъ новомъ управленіи (коммисіи погашенія долговъ, какъ послѣ я узналъ) приготовить онъ мнѣ мѣсто, гдѣ выгоднымъ и пріятнымъ образомъ могу продолжать я службу. Между тѣмъ нашель, что посѣщать мнѣ отдѣленіе совсѣмъ не нужно, развѣ только для свиданія и бесѣды съ нимъ.

На минуту возвратимся въ Арзамасъ. Слѣдующею зимою, среди морозовъ, онъ все болѣе раздвѣталъ и съ каждымъ мѣсяцемъ обогащался новыми членами, изъ коихъ многими имѣлъ онъ причину гордиться. Существованіе его было непродолжительно; онъ прожилъ не съ большимъ два года. Если Богъ дастъ мнѣ написать пятую часть сихъ воспоминаній, то непременно помѣщу въ ней всѣ занимательныя подробности до него относящіяся.

XIV.

Въ первыхъ числахъ декабря государь возвратился послѣ вторичнаго продолжительнаго отсутствія: но какое разительное несходство было между первымъ его приѣздомъ изъ Пажы и послѣднимъ. Совершивъ великое чудо избавленія

Европы отъ тягостнаго ига, былъ онъ тогда кумиромъ подданныхъ, союзниковъ и самихъ враговъ. Въ благопріятнѣйшее время года природа за одно съ людьми ликовала, при вѣтствовала его. Онъ вѣровалъ тогда въ добро, въ возможность творить его, дѣлать людей счастливыми, и взоръ его былъ ясенъ, улыбка его была нѣжна и ласкова. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и онъ узналъ все коварство, всю неблагодарность тѣхъ, коихъ помощь его воскресила. Онъ любилъ родъ человѣческой, и тяжко ему было научиться презирать его. Спокойствіе опять восстановлено, но душа его разочарована. Сію кроткую душу не могла радовать жестокая учать изумительнаго и въ паденіи своемъ врага его, который подплавалъ тогда къ каменному гробу, въ которомъ немилосердая Англія заживо хотѣла его похоронить. Александръ казался скучень, говорятъ, даже сердитъ. Никакими восторгами Петербургъ его не встрѣтилъ. Казалось, Россія познала, что наступило для нея время тихое, но сумрачное.

Государь началъ показывать себя взыскательнымъ и строгимъ: всѣмъ гвардейскимъ и другимъ военнымъ офицерамъ запретилъ носить гражданское платье, находя сіе вреднымъ для дисциплины. Вскорѣ потомъ явилъ онъ себя даже грознымъ: статсъ-секретарь Молчановъ, столь могучій въ продолженіи трехъ или четырехъ лѣтъ, который заправлялъ дѣлами цѣлаго государства, вдругъ былъ отставленъ и преданъ суду. Сего мало: наряжено слѣдствіе для разсмотрѣнія дѣйствій военнаго министерства и самого управляющаго онымъ, князя Алексѣя Ивановича Горчакова, который вмѣстѣ съ тѣмъ и удаленъ отъ должности. Всѣ приближенные его главные чиновники, Самбурскій, Приклонскій и другіе отданы подъ судъ и разсажены по разнымъ гауптвахтамъ столицы, гдѣ и оставались нѣсколько лѣтъ. Всѣ ужаснулись сперва, но когда увидѣли что за сими суровыми мѣрами, коихъ справедливость, впрочемъ, была доказана, не послѣдовало никакихъ новыхъ, то вскорѣ и успокоились потомъ. Послѣ удаленія князя Горчакова, управляемое имъ министерство получило новое образованіе. Во время послѣдней войны армія до того увеличилась, что число дѣлъ по военному вѣдомству, конечно, утроилось. Государь нашелъ нужнымъ раздѣлить ихъ на двое, часть денежную и счетную, продовольственную отдавъ военному министру, которому послѣ этого, кажется, слѣдовало бы называться генераль-интендан-

томъ; всѣ прочія дѣла поступили въ вѣдѣніе главнаго штаба его величества.

Примѣрно отличавшійся во время послѣднихъ кампаній генераль Петръ Петровичъ Коновницынъ назначенъ былъ военнымъ министромъ. Въ молодости, при Екатеринѣ, начальствуя Старооскольскимъ пѣхотнымъ полкомъ, слылъ онъ духимъ полковникомъ и отчаянно дрался съ Поляками подъ начальствомъ Суворова. При Павлѣ былъ въ отставкѣ и не хотѣлъ было опять вступить въ службу, но всеобщій бранный шумъ пробудилъ въ немъ бодрость. Онъ былъ при Буксгевденѣ дежурнымъ генераломъ во время шведской войны, и находился начальникомъ штаба при Кутузовѣ въ 1812 году. Должность на него возложенная не была слишкомъ тягостна, и онъ былъ еще не старъ; но военные труды, походы, раны изнурили его, и послѣ назначенія своего министромъ, кажется, не болѣе двухъ лѣтъ онъ прожилъ.

Самый близкій человѣкъ къ государю, съ малолѣтства при немъ неотлучный, князь Петръ Михайловичъ Волконскій назначенъ былъ начальникомъ штаба его . . . . .

Хотя зима была холодная и мрачная, какъ расположеніе царствующаго, однакожь она была свидѣтельницей нѣсколькихъ необходимыхъ торжествъ, изъ коихъ первымъ былъ въѣздъ персидскаго посла и свиты его.

О закавказскомъ краѣ, въ 1812 и послѣдующихъ годахъ, Россія совсѣмъ забыла, какъ будто онъ ей не принадлежалъ, какъ будто онъ никогда не существовалъ. А между тѣмъ война съ Персіей тамъ не прекращалась, и ручьями текла благородная кровь русскихъ воиновъ. Съ такимъ же самоотверженіемъ, съ какимъ братія ихъ внутри отечества гибли тогда спасая его, они сражались единственно во славу его: вожди ихъ падали съ оружіемъ въ рукахъ, не возбуждая никакого участія въ согражданахъ и не сѣтуя на темный свой жребій. Главнымъ начальникомъ посланъ былъ туда одинъ престарѣлый, увѣчный и хворый генераль, Николай Федоровичъ Ртищевъ, въ военной лѣтописи почти неизвѣстный; изъ Тифлиса, какъ могъ, распоряжалъ онъ дѣйствіями. Но гроза русскаго имени все еще удерживала горцевъ, и борьба съ Персіянами шла не безуспѣшно.

Изъ глубокаго забвенія, коимъ тогда покрыта была эта часть Россіи, вдругъ вырвалось одно славное имя и ярко

блеснуло. Котляревскій, Петръ Степановичъ, съ малолѣтства воинъ, всю жизнь провелъ на Кавказѣ и за Кавказомъ въ бояхъ съ воинственными народами, его обитающими. Достигнувъ генеральскаго чина, онъ безпрестанно поражалъ непріятелей и никому изъ насъ не былъ вѣдомъ, тогда какъ въ то же время имя каждаго партизана повторялось по цѣлой Россіи. Подвиги свои довершилъ онъ взятіемъ неприступной крѣпости Ленкорана, на берегу Каспійскаго моря. По грудамъ тѣлъ русскихъ и вражьихъ взошелъ онъ въ нее самъ, весь изъязвленный, весь покрытый ранами. Смерть пощадила его, но онъ ожидалъ ее, счастливѣе Эпаминонда, видя непріятеля не бѣгущаго, а истребленнаго. Онъ живъ еще и нынѣ, только умеръ для службы, ибо съ трудомъ владѣетъ членами. Щедро и справедливо былъ онъ награжденъ георгиевскою звѣздой: поэзія поднесла ему также свой вѣнокъ. Славнѣйшій изъ поэтовъ его времени, исполненный сочувствія ко всякой славі отечества своего, положилъ на него клеймо славы слѣдующими стихами:

О, Котляревскій, бичъ Кавказа!
 Куда ни мчался ты грозой —
 Твой ходъ, какъ черная зараза,
 Губилъ, уничтожилъ племена....

Взятіе Ленкорана понудило Персіянъ искать примиренія. Не весьма задолго до взятія Парижа, миръ, подписанный въ Гулистанѣ, положилъ конецъ двѣнадцатилѣтней войнѣ и владѣнія Россіи распространилъ до Аракса и Кура.

Въ 1814 году отправленъ былъ отъ Тегеранскаго двора посоль съ поздравленіями къ нашему царю и съ увѣреніями въ дружбѣ шаха персидскаго. Онъ пріѣхалъ въ Москву осенью и былъ тамъ задержанъ всю зиму. Весною привезли его въ Петербургъ и помѣстили въ Таврическомъ дворцѣ. Онъ скучалъ, опасался своего правительства и говорилъ: „какъ вы хотите, что у насъ кто-нибудь повѣрилъ будто во время столь продолжительнаго отсутствія Падшаха не было въ народѣ мятежей и все государство не возмутилось.“ Это былъ онъ же, который видѣлъ въ Петербургѣ вновь строящійся городъ и наше лѣто, которое тогда дѣйствительно было чрезвычайно дождливо, называлъ зеленою зимой.

Въ разказахъ о привезенныхъ имъ будто бы сокровищахъ было много баснословнаго, напоминающаго *Тысячу и Одну*

ночь. Между прочимъ говорили о какой-то серебряной кадкѣ, вмѣсто земли наполненной жемчугомъ, въ которой посажено было золотое дерево съ изумрудными листьями и алмазными цвѣтами. Всѣ подарки ограничились на повѣрку плохими шалами для императорской фамиліи и главныхъ придворныхъ особъ: важнѣйшими же дарами были два слона обоюга пола. На другой день Рождества, 26 декабря, при сильномъ вѣтрѣ и ужасной метели, они, одинъ за другимъ, открывали церемоніальное шествіе посольскаго вѣзда. На нихъ надѣты были теплые сапожки: бѣдная слониха потеряла одинъ изъ нихъ и жалобно выла.

Другія торжества происходили внутри дворца: царь выдавалъ замужъ двухъ сестеръ или лучше сказать одну, ибо старшая сама выходила.

Великая княгиня Екатерина Павловна, предметъ обожанія російскаго двора, воинства и народа, лѣто 1812 года провела въ Ярославлѣ, а по очищеніи Москвы отъ непріятелей возвратилась въ тверской дворецъ свой. Тамъ лишилась она супруга, сдѣлавшагося жертвой челоувѣколюбія своего. Онъ часто посѣщалъ въ больницѣ раненыхъ, подвергся заразительному ея вліянію и умеръ отъ госпитальной горячки. ~~Тогда навсегда оставила она Тверь,~~ которая безъ нея опустѣла и поднесь живетъ однимъ ея воспоминаніемъ. Для развлеченія горести, уговорили ее отправиться въ Германію, куда силою оружія брата ея открыта была дорога для русскихъ путешественниковъ. Потомъ явилась она въ Лондонѣ: красота ея, умъ и враждебное расположеніе къ Наполеону восхитили Англичанъ. А она, пользуясь симъ и въ виду имѣя одну только пользу любезной ей Россіи, успѣла, говорятъ, разстроитъ преднамѣреваемый бракъ наслѣдницы престола, единственной дочери принца-регента, съ принцемъ Оранскимъ, наслѣдникомъ не утвердившагося еще голландскаго престола. Все это, говорятъ, съ намѣреніемъ выдать за него меньшую сестру свою, Анну Павловну, а брата своего Николая Павловича женить на невѣстѣ его, англійской принцессѣ Шарлоттѣ. Первое удалось ей, а послѣднее было дѣломъ несбыточнымъ.

На вѣнскомъ конгрессѣ, или гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ за границей, понравился ей кронъ-принцъ Виртембергскій. Будучи вдовою имѣла она право собою располагать, и согласилась отдать ему свою руку. Этотъ союзъ, говорятъ, не слѣшкомъ

правился ея семейству, вѣроятно оттого что, по любви ихъ къ ней, братья и мать надѣялись никогда съ ней не разставаться. Женихъ Анны Павловны, принцъ Оранскій, молоденькій красавчикъ, умный, ловкій и уже знаменитый въ бояхъ, который имѣлъ въ виду владѣть отдѣльнымъ государствомъ и повелѣвать народомъ, прославившимся въ искусствахъ, торговлѣ и мореплаваніи, казался всѣмъ еще выгоднѣйшею партіей. Тѣнь Петра Великаго въ горнихъ селеніяхъ должна была возрадоваться, видя что потомству его суждено владычествовать въ Сардамѣ.

Сии браки совершены въ январѣ и февралѣ мѣсяцахъ 1816 года, а я намѣренъ былъ воспоминаніями о 1815-мъ заключить четвертую часть сихъ записокъ, но въ бракахъ сихъ вижу я непосредственныя послѣдствія происшествій, бывшихъ въ предшествующихъ годахъ. Какъ громовыя тучи пронеслись они надъ нами, на политическомъ горизонтѣ все прояснѣло, но воздухъ сталъ ли чище? Здѣсь не мѣсто еще о томъ говорить.

Великія событія временъ Наполеона сами собою врѣзались въ память, и простой разказъ о нихъ могъ быть уже достаточно занимателенъ. Но послѣ него наступили времена цнныя; первые годы послѣ его паденія не были столько обильны происшествіями, за то показывали гораздо болѣе движенія въ умахъ. Я смотрѣлъ на него равнодушно, разсѣянно; занятія по службѣ, удовольствія не совсѣмъ еще покинувшей меня молодости, при наружномъ спокойствіи, коимъ пользовались тогда всѣ народы, развлекая меня, не допускали обращать на происходящее наблюдательныхъ взглядовъ. Вотъ почему описаніе этой эпохи для меня дѣло многотрудное: оно ужасаетъ меня. Итакъ, положу покамѣтъ перо; пособравшись съ силами и съ духомъ, не иначе какъ послѣ зрѣлыхъ размышленій, можетъ-быть приступаю къ изображенію временъ болѣе новыхъ. Да поможетъ мнѣ Господь Богъ!
